

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №2 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – 156.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; *А.М. Саяпова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>З.Ф. Ахатова, К.А. Окишева</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ	9
<i>С.В. Бурдина, Л.Н. Султанова</i> ОСОБЕННОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА Н. ЛЕСКОВА В ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ Н. СИДЕЛЬНИКОВА «ЧЕРТОГОН»	12
<i>С.И. Видющенко</i> СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	15
<i>Е.А. Ключикова</i> ОБРАЗ КОРЕИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Н.Г.ГАРИНА - МИХАЙЛОВСКОГО «ПО КОРЕЕ, МАНЬЧЖУРИИ И ЛЯОДУНСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ»	18
<i>О.С. Мальчугина</i> «...ШУМЯ ТРАВой ВОДЫ, ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ СНАЧАЛА»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В КНИГЕ ЕКАТЕРИНЫ СИМОНОВОЙ «ВРЕМЯ»	22
<i>А.В. Радионова</i> О ПАРАДИГМЕ СТИХОТВОРЕНИЙ-CREDO В РУССКОЙ ЛИРИКЕ	25
<i>Г.С. Спиридонова</i> ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	29
<i>З.Г. Станкович</i> САМОНОМИНАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ ГРУППЫ «МЫ» КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ	32

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>В.Н. Бараков</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КНИГЕ В.И. БЕЛОВА «ЛАД»	36
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Ф. Усманов, А.Т. Хайруллин, А.Д. Лифанова, Р.Н. Зигитбаев, С.А. Батанин, Л.Р. Сайтумирова, А.Ф. Мухлис</i> ОПЫТ ЖУРНАЛИСТКОЙ РАБОТЫ ПРИ СОЗДАНИИ МОНОГРАФИИ «РОССИЯ-ВЬЕТНАМ-2019» (ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЕДИНОБОРСТВА)	39
<i>Т.А. Наговицина</i> ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАСС-МЕДИА СИЛОВЫХ СТРУКТУР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	42
<i>В.М. Нелькенбаум</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА	45
<i>С.А. Форостецкий</i> ДИСКУРС ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ	48
<i>А.Р. Шакурова</i> МЕДИЙНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ О ЕВРОПЕЙСКОМ МИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ДЖАНФРАНКО РОЗИ «МОРЕ В ОГНЕ» 2016 Г.)	52
<i>А.Р. Шакурова</i> ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ	55

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.О. Есафьева, Н.А. Просина</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ А. ПЛАТОНОВА	58
<i>У Анна, Е.Ф. Киров</i> КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ	61
<i>Г.Г. Фефелова, А.Ф. Сагитова, А.К. Сулейманова, Ф.Г. Фаткуллина</i> ЛЕКЕМЫ «СМЕХ» И «УЛЫБКА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОМИЧЕСКОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	64
<i>Р.Х. Хайруллина, Ш.Р. Хуснитдинов</i> СЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКОГО ПОСЛОВИЧНОГО ФОНДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ С ОППОЗИЦИЕЙ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»)	67

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Э.О. Айвазашвили АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЯ ЧЕРЕЗ ЛЕКСИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	70
В.В. Батицкая, В.В. Гурин АНАЛИЗ ИДИОМ С ЛЕКСИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «HEART» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	74
А.А. Гимадеева, Д.Б. Гарифуллина НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ГАЗЕТ)	77
Н.В. Горохова, В.И. Сидорова АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ	80
М.В. Грушина ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ	84
Г.Р. Еремеева, Е.В. Смылова, П.А. Свечникова РАЗРЕШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ЛЕСКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)	87
Е.В. Комлева, Н.В. Сергеева К ВОПРОСУ О ПЕРЦЕПТИВНОСТИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	91
В.Ю. Кузнецова (Барбазюк), А.Е. Воробьев АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	94
Е.Э. Науменко ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	99
Т.Г. Перепеляк РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В НОВОСТНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	103

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Ч.З. Абдуллина К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПОВ ДВУЯЗЫЧИЯ	106
Г.Р. Галиуллина, Э.Х. Кадирова, Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫБОР ЯЗЫКА В БИЛИНГВАЛЬНОМ СОЦИУМЕ	109
Г.З. Гилязиева ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДНЕГО ПАРАМЕТРА АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ	112
Г.З. Гилязиева РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОЧНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРИЗНАКА ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ	115
Л.Х. Дзасежева, Э.Ю. Улимбаева, Э.Р. Хутова РОЛЬ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	118
Г.Ф. Лутфуллина, В.Е. Сабитова ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАОБЗОРОВ	121
О.Ф. Остроумова, Р.Р. Мингазова ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	124
Л.А. Савельева ЧАСТИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)	127
Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова, А.К. Булатова КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА	130

Э.Ю. Улимбашева, З.А. Муртазова, Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ	133
Л.Х. Хараева, З.Х. Евлоева НАЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМЕ РЕСТОРАНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	136
Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева, Э.Ю. Улимбашева ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	140
М.В. Шурупова МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ СЛЕНГИЗМОВ	143
АННОТАЦИИ	146

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>Z.F. Akhatova, K.A. Okisheva</i> EXISTENTIAL MOTIVES IN THE PROSE BY L. PETRUSHEVSKAYA	9
<i>S.V. Burdina, L.N. Sultanova</i> FEATURES OF EMBODIMENT OF THE TEXT BY N. LESKOV IN LIBRETTO OF OPERA “CHERTOGON” BY N. SIDELNIKOV	12
<i>S.I. Vidyushchenko</i> SEMANTICS OF THE CITY IMAGE IN THE WORKS OF THE RUSSIAN LITERATE	15
<i>E.A. Kliuikova</i> IMAGE OF KOREA IN THE TRAVELOGUE BY N.G. GARIN-VBKHAILOVSKY “AROUND KOREA, MANCHURIA AND LIAODONG PENINSULA”	18
<i>O.S. Malchugina</i> "... WITH THE SOUND OF THE GRASS OF THE WATER, EVERYTHING STARTS ALL OVER AGAIN": EXISTENTIAL IN THE BOOK "TIME" BY EKATERINA SIMONOVA	22
<i>A.V. Radionova</i> ABOUT PARADIGM POEMS-CREDO IN RUSSIAN POETRY	25
<i>G.S. Spiridonova</i> DOUBLES in RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE OF THE XX CENTURY	29
<i>Z.G. Stankovich</i> THE SELF-NOMINATION OF THE SUBJECT GROUP “WE” AS THE FORM OF THE LITERARY SELF-REFLECTION IN VICTOR TSOI'S CREATIVITY	32

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>V.N. Barakov</i> ORTHODOX TRADITION AND THEIR INTERPRETATION IN THE BOOK BY V. I. BELOV "LAD»	36
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, B.F. Usmanov, A.T. Khairullin, A.D. Lifanova, R.N. Zigitbaev, S.A. Batanin, L.R. Saitumirova, A.F. Muhlisov</i> EXPERIENCE OF JOURNALISM WORK IN CREATING MONOGRAPHY "RUSSIA-VIETNAM-2019" (HISTORY, CULTURE, SELF-COMBAT)	39
<i>T.A. Nagovitsina</i> GOALS, OBJECTIVES AND OPPORTUNITIES FOR CORPORATE COMMUNICATIONS (FOR EXAMPLE, THE MASS MEDIA OF POWER STRUCTURES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)	42
<i>W.M. Nelkenbaum</i> THE CONCEPTUAL SPACE OF THE WORKS OF BORIS PASTERNAK	45
<i>S.A. Forostetsky</i> DISCOURSE OF ARMED CONFLICT IN THE MEDIA AS A RESULT OF THE DISPLAY OF HETEROGENEITY DISCOURSE	48
<i>A.R. Shakurova</i> STEREOTYPES OF MEDIA IN DOCUMENTARY FILMS ABOUT THE EUROPEAN MIGRATION CRISIS (ON THE EXAMPLE OF GIANFRANCO ROSY "FIRE AT SEA" 2016)	52
<i>A.R. Shakurova</i> SOCIAL STEREOTYPES IN MODERN TELEVISION MEDIA TEXTS	55

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.O. Esafeva, N.A. Prosina</i> MEANS OF CREATING IMAGERY IN A. PLATONOV'S EPISTOLARY TEXT	58
<i>Wu Anna, E.F. Kirov</i> CONVERGENCE IN POLITICAL DISCOURSES	61
<i>G.G. Fefelova, A.K. Suleymanova, A.F. Sagitova, F.G. Fatkullina</i> THE TOKEN "LAUGH" AND "SMILE" AS A COMIC MANIFESTATION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS	64
<i>R.Kh. Khayrullina, Sh.R. Khusnitdinov</i> SEMATIC MODELS OF RUSSIAN AND ENGLISH PAREMIES WITH COMPONENTS "OWN - ALIEN"	67

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>E.O. Aivazashvili</i> THE ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF ENGLISH BUSINESS MEETINGS THROUGH VAGUE CATEGORY MARKERS	70
<i>V.V. Batitskaya, V.V. Gurin</i> ANALYSIS OF IDIOMS WITH THE LEXICAL COMPONENT “HEART” IN THE ENGLISH LANGUAGE	74
<i>A.A. Gimadeeva, D.B. Garifullina</i> SOME LEXICAL PECULIARITIES OF HEADLINES OF POLITICAL ARTICLES (BASED ON ENGLISH ELECTRONIC NEWSPAPERS)	77
<i>N.V. Gorokhova, V.I. Sidorova</i> ANTONYMY IN THE ENGLISH TERMINOLOGY OF CHEMICAL TECHNOLOGY	80
<i>M.V. Grushina</i> LINGUISTIC GENDER ASYMMETRY AND THE WAYS OF REDUCING LINGUISTIC AND SOCIAL DISCRIMINATION	84
<i>G.R. Ereemeeva, E.V. Smyslova, P.A. Svechnikova</i> SLANG EXPRESSIONS: WORD-SENSE DISAMBIGUATION BY MEANS OF LESK ALGORITHM OF (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL “THE CATHER IN THE RYE” BY J. D. SALINGER)	87
<i>E.V. Komleva, N.V. Sergeeva</i> A FUNCTION–SEMANTICS CATEGORY OF PERCEPTION REVISITED (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)	91
<i>V.Y. Kuznetsova (Barbazyuk), A.E. Vorobyev</i> ANALYSIS OF THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER AND INFORMATION MATERIALS: GENERAL CHARACTERISTICS	94
<i>E.E. Naumenko</i> PECULIARITIES OF SPEECH STRATEGIES REALIZAION IN PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENTS	99
<i>T.G. Perepelyak</i> REALIZATION OF EVIDENTIALITY IN THE NEWS JOURNALISTIC TEXT (BASE ON MODERN GERMAN)	103

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Ch.Z. Abdullina</i> ON THE QUESTION OF DETERMINING THE TYPES OF BILINGUALISM	106
<i>G.R. Galiullina, E.Kh. Kadirova, Kh.Kh. Kuzmina, G.K. Khadieva</i> COMMUNICATIVE SITUATION AND SELECTION OF LANGUAGE IN BILINGUAL SOCIETY	109
<i>G.Z. Gilyaziyeva</i> ADJECTIVES OF MEDIUM SIZE IN ENGLISH AND TATAR LANGUAGES	112
<i>G.Z. Gilyazieva</i> REPRESENTATION OF ACCURATE MEASUREMENT BY PARAMETRIC ADJECTIVES IN ENGLISH AND TATAR LANGUAGES	115
<i>L.Kh. Dzasezheva, E.Y. Ulimbasheva, E.R. Khutova</i> THE ROLE OF GASTRONOMIC METAPHOR IN THE CHARACTERIZATION OF HUMAN APPEARANCE	118
<i>G.F. Lutfullina, V.E. Sabitova</i> PRAGMATIC ROLE OF RETELLING CATEGORY IN IMPLEMENTING MEDIASURVEY	121
<i>O.F. Ostroumova, R.R. Mingazova</i> PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE FRENCH ADVERTISING DISCOURSE	124
<i>L.A. Savelyeva</i> PARTICLES IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS MARKERS OF LITERATURE CHARACTERS (CASE STUDY OF NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA” BY M.A. BULGAKOV)	127
<i>F.K. Sagdeeva, A.Y. Husainova, A.K. Bulatova</i> THE KEY WORD OF THE CULTURAL CONCEPT	130
<i>E.Y. Ulimbasheva, Z.A. Murtazova, E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva</i> MULTILINGUALISM AS A WAY OF SHAPING THE MULTICULTURAL PERSONALITY OF YOUNG PEOPLE	133

<i>L.Kh. Kharaeva, Z.I. Evloeva</i> NATIONALLY COLORED PRAGMATONYMS AS AN ELEMENTS OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN ADVERTISING RESTAURANTS OF THE NORTH CAUCASUS	136
<i>E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva, E.Y. Ulimbasheva</i> THE VERBALIZATION OF THE CONCEPTS “LOVE” AND “HATE” BY PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE	140
<i>M.V. Shurupova</i> METAPHOR AS ONE OF THE WORD-BUILDING STRATEGIES OF AMERICAN SLANG FORMATION	143
ABSTRACTS	146

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

¹З.Ф. Ахатова канд. филол. наук, ²К.А. Окишева канд. филол. наук

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Набережные Челны, ¹ahatova-z@yandex.ru, ²k.okisheva@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматривается проблематика прозы современной писательницы Л. Петрушевской. В ее прозе выявляются экзистенциальные мотивы безысходности, отчаяния, одиночества, смерти и др. Особое внимание уделяется повести Л. Петрушевской «Время ночь», в которой поднимаются проблемы трагического существования человека.

Ключевые слова: *современная проза, Петрушевская, экзистенциальный мотив, экзистенциальные проблемы, проблемы отчуждения.*

Прозу популярной современной писательницы Л. Петрушевской называют необычной, ее повести и рассказы относят к так называемой «жестокоей прозе». Это связано с тем, что Петрушевская склонна воссоздавать преимущественно темные картины жизни, «изнаночный мир, болезненный и угрюмый, но приукрашенный благородными чувствами и порывами души» [5]. Проза Петрушевской отличается экзистенциальной проникновенностью. Под экзистенцией понимается внутреннее человеческое существование, которое имеет не космический, а личностный смысл. Она включает в себя переживание таких состояний, как рождение и смерть, любовь и отчаяние, решимость, раскаяние, надежда и т.д.

Экзистенциальные проблемы связаны с индивидуальным переживанием человека своего бытия в мире, с попытками вписаться во враждебный человеку внешний мир. Эта философия подразумевает безысходность, бессмысленность происходящего, страх и отчаяние. В соответствии с этим абсурд становится единственным способом наглядного демонстрирования подобных мотивов в утрированной форме. Следует отметить, что такого рода экзистенциальная проблематика существовала практически всегда, а в XX веке она была лишь актуализирована и в несколько ином ракурсе рассмотрена.

Обратимся к героям прозы Петрушевской. В центре ее произведений герои, выброшенные на периферию жизни, люди вне социума, не нашедшие своего места в жизни, не реализовавшие себя в силу различных обстоятельств и причин. Как и у экзистенциалистов, истинная сущность героев писательницы раскрывается в пограничных ситуациях измены, болезни, крайне неустроенного быта. Часто в произведениях появляются мотивы гибели, смерти или болезни, являющиеся естественным состоянием ее героев. Персонажи произведений Петрушевской либо внезапно умирают от горя, либо выбирают самоубийство как ответ недостойному бытию. Разрешая сложные ситуации, ее герои приходят к постижению истинных ценностей, к смирению со своей судьбой. Писательница подчеркивает, что в принятии героями судьбоносного решения есть экзистенциальное начало: можно принять в этой непростой жизни все как есть, а можно оставаться жить в иллюзорном мире.

Экзистенциальная проблематика выявляется, когда Петрушевская поднимает одну из основных тем современной женской прозы – тему семьи. Разумеется, эта тема во все времена привлекала внимание писателей, так как семья – нравственная основа человеческого бытия. Но XX век вносит свои коррективы в раскрытие этой темы. В это время рухнули многие прежние ценности, произошла их переоценка. Эти процессы коснулись и семейных отношений. Вопрос о том, что творится с семьей в современном мире, естественным образом волнует и Петрушевскую.

Раскрывая своеобразно тему семьи, писательница поднимает одну из основных проблем своего творчества – преемственности поколений («Свой круг», «Дочь Ксени», «Материнский привет», «Рассказчица» и др.). Петрушевская чаще всего обращается к трагическим женским судьбам. От семейных неурядиц и бытовых проблем прежде всего страдает женщина, лишенная поддержки собственной семьи. Она терпит предательство мужа, непонимание детей. Именно она борется за выживание близких.

Изображая семейную жизнь различных социальных слоев, Петрушевская открыла новые грани, прежде всего, показала семью как сферу распада межличностных связей, сферу экзистенциального отчуждения.

Действительно, как отмечает О. Славникова, в произведениях Петрушевской «дети и внуки – подкидыши хаоса, случайно взявшиеся из ниоткуда» [4].

Героини Петрушевской живут в крайне сложных бытовых условиях, находятся в экзистенциальном поединке с жизнью, где разрушаются все мифы о семье, счастье и любви к ближнему («Время ночь», «Случай Богородицы», «Темная жизнь», «Страна», «Отец и мать», «Свой круг» и др.). Бытовые проблемы, нищенское существование, полуголодное состояние притупляют их чувства. Внешний хаос жизни отражает их внутреннее, душевное состояние, которое ярко проявляется в физическом их несовершенстве, душевной болезни. Болезнь – естественное состояние ее героев, несовершенство мира вызывает несовершенство физического тела, а возможно, наоборот, внешнее равно внутреннему состоянию. В любом случае, появляется замкнутый круг, из которого трудно выйти. Выход для ее героев часто один – сумасшествие или смерть. Природа избавляет человека от страданий и душевных мук именно таким образом.

Проза Петрушевской представляет саму жизнь, лишенной великого смысла, который во все времена человечество пыталось постичь. Тогда, как утверждают экзистенциалисты, нужно самому придать смысл своему существованию, как-то «оправдать» свою жизнь на земле.

Своеобразно поднимает проблемы существования человека в мире хаоса повесть Л. Петрушевской «Время ночь» (1992 г.), удостоенная премии Букера за 1992 г. В ней представлена модель саморазрушающейся «кривой» семьи.

В повести «Время ночь» никого нельзя назвать реализованным человеком, закономерно вытекает вывод, что внуков ждет та же участь, что и бабушек с родителями, которая проявляется в экзистенциальном одиночестве, взаимной неприязни, сумасшествии. Поведение, взаимоотношения героев в целом архетипичны, дети одновременно испытывают друг к другу чувства любви и ненависти, привязанности и отчуждения. Похожая ситуация во взаимоотношениях наблюдается и в рассказе «Отец и мать», где многодетная семья держится совсем не на любви, а на взаимной ненависти родителей, и дети у них не рождены в любви.

Создается замкнутый круг, где героини повторяют судьбу друг друга. В природе каждое новое поколение рождается с большим объемом психики, а значит, и с большими возможностями для реализации себя. Но в повести «Время ночь» историческое время словно остановилось, не видно этого естественного развития детей. Более того, герои балансируют на грани небытия, и повседневный быт требует от них «колоссальных усилий для того, чтобы не соскользнуть за эту грань» [2, с. 620]. Сама Анна Андриановна держится за жизнь в силу своей природной ответственности за свою семью, особенно за сына, попавшего в беду, и за брошенного матерью старшего внука.

От одиночества страдают все члены большой семьи: Анна Андриановна, мать Серафима, дочь, покинутая мужем, сын, сбежавший из дома. Забота о детях и внуках наполняет жизнь героини определенным смыслом. Но после ухода детей и внуков ее жизнь лишается всякого смысла, героиня умирает. Жизнь Анны Андриановны давно уже постепенно сворачивалась, и наступление смерти в таких условиях кажется естественным и неизбежным.

Как отмечает Н. Л. Лейдерман, природность у Петрушевской предполагает обязательное присутствие смерти, смертности и бренности [2, с. 625].

Одиночество тяготит и безымянную, оставленную мужем героиню рассказа «Темная судьба». Создается абсурдная ситуация, когда героиня принимает за настоящую жизнь свое одинокое положение, а потом, вдруг прозрев, осознает себя счастливой даже с мужчиной, заикленным на карьере. Однако дальнейшая ее жизнь непредсказуема, «темна».

Нелегкая судьба ожидает и одинокую, спившуюся героиню рассказа «Страна», переставшую надеяться на будущее. Выпавшая из социума героиня не сумела реализовать себя в жизни, хотя ее настоящая жизнь контрастна прошлой, когда она была молодой, общительной в кругу друзей.

Еще больше трагизма в судьбе одинокой героини рассказа «Выбор Зины», которая в голодную войну убила грудного сына, чтобы позволить себе выйти на работу и дать выжить двум дочерям. В произведении звучит мысль о неприязни, передающейся из поколения в поколение, к младшему, лишнему ребенку.

Описанное в прозе Петрушевской положение женщины является не естественным выражением ее натуры, а следствием невыносимого давления самой жизни, что ее также разрушает изнутри.

Говоря об уроках, которые может извлечь читатель, обращаясь к прозе писательницы, Т. Прохорова отмечает, что прежде всего это уроки сострадания, сочувствия и понимания [3].

Таким образом, проза Петрушевской поражает читателя гиперболизированной концентрацией отрицательного, а изображение жизни как абсурда наводит на мысли об аналогиях с экзистенциализмом.

Список литературы

1. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Русская литература XX века (1950 – 1990-е годы). Т. 2. – М.: Академия, 2010. 688 с.
2. *Прохорова Т.* Расширение возможностей как авторская стратегия // Вопросы литературы. 2009. № 5/6. С. 155.
3. *Славникова О.* Петрушевская и пустота // Вопросы литературы. 2000. № 2. С. 50.
4. *Черняк М. А.* Современная литература. – М.: ФОРУМ – САГА, 2008. С. 178.

*10.01.01***С.В. Бурдина д-р филол. наук, Л.Н. Султанова**

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кафедра русской литературы,
Пермь, swburdina@rambler.ru, sultanova.ln@mail.ru

ОСОБЕННОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА Н. ЛЕСКОВА В ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ Н. СИДЕЛЬНИКОВА «ЧЕРТОГОН»

В статье проводится сравнительный анализ двух произведений разных жанров – рассказа Н.Лескова «Чертогон» и либретто одноименной оперы Н.Сидельникова, написанное самим композитором. Рассматриваются общие принципы воплощения художественной идеи обоими авторами. Выявляются значимые особенности интерпретации известного святочного рассказа Н.Сидельниковым, раскрывается специфика современного прочтения литературного текста XIX века.

Ключевые слова: Жанр, оперное либретто, интерпретация, сравнительный анализ, новаторство.

Обращаясь к сопоставлению рассказа Н.Лескова «Чертогон» и либретто одноименной оперы Н.Сидельникова мы в первую очередь преследуем цель выяснить, какие именно изменения в текст источника внес автор либретто, задуматься над значением данных изменений, глубже проникнуть в смысл знаменитого святочного рассказа.

Опера Н.Сидельникова «Чертогон», созданная по мотивам рассказа Н.Лескова, – сложнейшее по своей проблематике, музыкальному языку и драматургии произведение [1]. В ней много сюжетных линий, сценических ситуаций, действующих лиц, стилевых аллюзий. Опера максимально расширяет рамки драматургической фабулы литературного источника, отображает современное композитору историческое время. Необычная стилистика оперы, оригинальность воплощенных в ней идей обуславливает актуальность сравнения литературного источника с оперным либретто.

В рассказе Лескова воссоздается эпизод из жизни московского купца-миллионера Ильи Федосеевича – история его буйного загула в ресторане «Яр», последующего горького похмелья, отрезвления и искреннего раскаяния в своих грехах в монастыре. Основная канва рассказа, состоящего из пяти небольших глав, полностью отражена в либретто и сюжетно-фабульной драматургии оперной дилогии. Однако Сидельников значительно расширил событийную сторону сюжета рассказа, введя в оперу большое количество оригинальных сюжетно-сценических ситуаций и новых персонажей. В рассказе Лескова купец Илья Федосеевич предстаёт в окружении разнообразных действующих лиц: это и племянник-студент, приехавший познакомиться со своим дядей и попавший в круговорот его «загула», это и француз, служащий распорядителем в ресторане «Яр»; это и «детский учитель» Рябыка, дядин телохранитель и одновременно ресторанный вышибала; это и важный московский фабрикант Иван Степанович. В опере же появляются новые герои: зять Ивана Степановича, трое купцов: краснорожий, рябенкий и чернородый, купец Филимон Бавкидыч, Объявляла, Маг, эфиопы и эфиопки (I действие). Кроме них, Сидельников вводит в оперу еще ряд колоритных персонажей: пьяницу Рыдало, поганенького старичонку, Заику, кабатчика Мефодия Кирилыча, приятелей-субутьльников Никифора и Феофилакты, певца из народа и других. При этом принципиально изменена роль племянника; образ лесковского героя в опере как бы раздваивается, выступая одновременно в двух лицах: как «племянник от автора» (некий сторонний наблюдатель, символизирующий голос самого композитора) и «племянник сам по себе». Некоторые изменения прослеживаются и в образах Знахаря и прислуживающих ему бабок; это персонажи, помогающие раскрыть смысл названия

произведения «Чертогон», что означает «изгнание чёрта» или борьбу с нечистью, со страшной бесовской силой. Обряд изгнания бесов показан в третьей картине второго акта «В бане», где Илью Федосеевича пытаются «лечить», «изгоняя бесов».

Все эти герои воспринимаются в опере как символические образы, каждый из них несёт в себе определённую идею, отображающую те или иные стороны человеческой природы, в первую очередь грехи, которые необходимо побороть, чтобы затем прийти к покаянию и очищению. Композитор высмеивает один из главных грехов купца – скупость и алчность. Психологически достоверно переданы Сидельниковым и образы старушек-монашек, распространяющих грязные сплетни о настоятельнице монастыря; их образы символизируют грех осуждения. Важно заметить, что появление такого количества новых героев в опере не только акцентирует социально-нравственную проблематику произведения, но и придаёт концепции всей оперы философское содержание, углубляя тем самым замысел Лескова, повествующего о духовном преображении человека.

Нельзя не обратить внимание и на то, что события современной композитору жизни соседствуют в опере с актуальными событиями политики и музыкальной культуры времен Лескова. Например, сцена кутежа миллионера в знаменитом московском ресторане «Яр» перенесена Сидельниковым в настоящее время. В действие также введены современные политические фигуры, деятели культуры и искусства. То есть в опере параллельно существуют два исторических времени. Одно из них раскрывается через призму известных персонажей Лескова, другое – через эпоху, современную композитору.

Как известно, все творчество Лескова пронизано фольклорными мотивами. Обращается к традициям народного творчества писатель и в рассказе «Чертогон». Стремясь достигнуть подлинности в изображении жизни народа, Лесков использует в рассказе различные жанры фольклора: лирические и обрядовые песни, пословицы, заговоры, поговорки. К фольклорным жанрам обращается и Сидельников при создании либретто оперы. При этом композитор включает в текст либретто и оригинальные выражения из современной ему лексики, и самобытный «студенческий» фольклор. Колоритный литературный язык оперного либретто, сочетающий фольклорную жанровую составляющую, народные обороты речи и современный язык автора, стал важным показателем оригинального стиля произведения в целом.

Значимой при характеристике жанрового своеобразия оперы представляется и следующая ее особенность. На титульный лист партитуры композитором вынесено такое жанровое обозначение музыкального произведения: «сатирическая диалогия в двух операх-микстах». Важным является здесь реализация театральных принципов, характерных для оперной драматургии XX века [2]. Жанровое обозначение опера-микста (от англ. mixture – смешивание), данное самим автором, подразумевает целый ряд необычных свойств произведения. Одно из них – стремление композитора объединить различные исторически сложившиеся жанровые типы опер. В сочинение также введены цитаты из музыки других композиторов, джазовой музыки, а также широко известных популярных мелодий («Очи чёрные», «Барыня», «Вдоль по Питерской», «Светит месяц, светит ясный», «У самовара я и моя Маша» и др.) Такая стилевая разноголосица, отчетливо проявленная и в тексте либретто, имеет глубокий смысл: через события многочисленных сюжетных линий слышится авторский голос самого Сидельникова, столь разнообразный в своих проявлениях.

Карнавальность, смех, юмор становятся важнейшими качествами сюжетно-фабульного действия и в рассказе Лескова, и в опере Сидельникова. Почти каждая сценическая ситуация или отдельная реплика в опере неоднозначна, содержит «двойное дно». Здесь соединяется, казалось бы, несоединимое: добрая улыбка, задорный заразительный смех – и злая насмешка, сарказм – и тонкий юмор. Литературный текст оперы является кладезем замечательных изречений, в нем содержится много философских размышлений-сентенций, идей, мыслей, афоризмов, тонких наблюдений и оценок современной жизни, актуальных, горячо обсуждаемых событий политики, музыкальной культуры. Эзопов язык и игра слов, основанная на звуковом сходстве при различном смысле, позволяет композитору касаться порой и самых острых социальных проблем.

Свет – тьма, утро – вечер, божественное – дьявольское. На этих антиномиях основана архитектура святочного рассказа Лескова, на них строится и опера Сидельникова. В произведении, ориентирующемся в первую очередь на нравственную проблематику, складывается некий внутренний сюжет, имеющий христианскую направленность и отсылающий к известным десяти заповедям. Этот внутренний сюжет максимально реализуется в финале оперы, в «Прощальной песне» и «Последнем шествии». Вслед за Лесковым, Сидельников стремится показать духовное преображение человека, стремление русской души к очищению и возрождению. Наутро после ночного кутежа «Москва была перед носом и вся в виду – вся в прекрасном утреннем освещении, в лёгком дымке очагов и мирном благовесте, зовущем к молитве» [3, с. 310]. «Бесовское начало неизбежно побеждается Божеским, безобразное преодолевается прекрасным, тьма вытесняется светом, на смену ночи приходит утро, грехопадение вызывает к молитвенному покаянию» [5].

Таким образом, либретто оперы Сидельникова «Чертогон», сохраняя основную сюжетную канву знаменитого святочного рассказа Лескова, воспроизводит почти в точности отрывки из текста произведения, содержит отдельные яркие характерные выражения писателя, афоризмы. Передавая фольклорный колорит рассказа, его этико-религиозный, духовный смысл, автор удивительно точно вписывается в тональность повествования Лескова – одновременно и ироничного, и серьёзного. Расширение же пространственно-временных рамок повествования, введение новых героев, проекция событий прошлого на время настоящее – все эти особенности современного прочтения рассказа Лескова, проявившиеся в либретто оперы «Чертогон», позволили композитору углубить основную идею святочного текста, сказать *свое* слово о вечном – о возможности преображения падшей человеческой природы, «о превосходстве веры над неверием» [4, с.653].

Список литературы

1. Григорьева Г.В. Николай Сидельников . М., Сов. композитор, 1986.
2. Комарницкая О.В. «Чертогон» Н.Сидельникова – опера-микста // *Festschrift* Валентине Николаевне Холоповой. Научные труды Моск. гос. консерватории им. П.И.Чайковского. Сб. 63. М., Моск. гос. консерватория им. П.И.Чайковского, 2007, С.81 – 89.
3. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., ГИХЛ, 1956 – 1958. Т.6., 1957.
4. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М. ГИХЛ, 1956 – 1958. – Т.10., 1958.
5. Новикова-Строганова А. «Чертогон»: святочный рассказ Н.С.Лескова. URL: <http://culturolog.ru/content/view/1902/> (дата обращения 02.02.19)

10.01.01

С.И. Видющенко канд. филол. наук

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
филологический факультет,
кафедра русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций,
swetlanalev@mail.ru

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной статье рассмотрена история развития «городского текста» в русской литературе как в традиционном контексте, заложенном классиками XIX века, так и в плане интерпретации традиций поэтами-модернистами XX столетия. При этом учитываются фантастический, социальный ореолы города, его климатические условия, демонологический, библейский контексты, мотив оборотничества, мировоззренческие позиции авторов.

Ключевые слова: городской текст, славянская и библейская мифологии, демонология, мотив перевоплощения, действительность и ирреальность.

Как известно, город – это искусственная среда, созданная человеком, поэтому в общем виде его основание восходит к древним мифам о возникновении Вселенной. Это позволяет говорить об урбанистическом типе культуры в контексте космогонического процесса. Создавая образ города, писатели старались запечатлеть свои представления о действительности, город предстал как особый тип культуры, микрокосм, являющийся отражением характерных особенностей развития макрокосма. Особое место в русской литературе занимает образ Петербурга. Одним из первых об этом заговорил А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник», где город стал реальным фоном для рассказа о судьбе Евгения. Вначале поэт воспекает державную мощь России, но петербургский мир предстаёт как замкнутое пространство: город живёт по законам, начертанным его основателем. Это новая цивилизация, противопоставленная и природе, и старой Москве. Чем больше А. С. Пушкин говорит о красоте мест, тем сильнее создаётся впечатление, что это неподвижный город. Блистательный, но «омрачённый», и на улицах совсем не видно людей. Это и город социальных контрастов, никем не защищённые люди становятся жертвами холодного Петербурга, поэтому пейзаж белых ночей сменяется изображением ненастья, крепости, осажённой Невой. Значит, пушкинский Петербург – это, конечно, чудесный город, но сотворён он не для человека, в поэме это прежде всего символ самодержавной власти.

Вслед за Пушкиным к трактовке мифа о Петербурге обратился Н. В. Гоголь. В юности писатель стремился в Петербург, казавшийся ему олицетворением красоты, однако практически сразу после приезда испытал разочарование: «Петербург показался мне вовсе не таким, как я думал ... Каждая столица характеризуется своим народом, набрасывающим на него печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера...» (5,311). В цикле «Петербургские повести» произведения объединены одним местом действия. Однако это не просто географическое пространство, поэтому мы видим ёмкий образ-символ города, одновременно живого и призрачного, реального и фантастического, где действительность и ирреальность легко меняются местами, в итоге судьбы его обитателей часто находятся на грани правдоподобного и чудесного. Невозможное вдруг становится настолько явным, что человек не выдерживает сильнейшего эмоционального напряжения и сходит с ума. Заимствуя аспекты пушкинской традиции, Гоголь выступил новатором разработки петербургской темы. Это город невероятных происшествий, абсурдной жизни, в нём возможны всякие метаморфозы. Петербург обладает неимоверной силой: он обезличивает людей, выставляет напоказ дурные свойства человеческой природы. Как и Пушкин, Гоголь

объясняет порабощение человека Петербургом с социально-общественных позиций: в призрачной жизни города чин заменяет личность. В итоге ситуация складывается таким образом: без высокой должности человек «чёрт знает что». Северная столица у Гоголя тоже предстаёт в двойном ракурсе: внешне она роскошна, но на самом деле лжива, театральна. Это город, где люди разобщены, так как признают лишь собственные эгоистические потребности.

Традицию Н.В. Гоголя продолжил Ф.М. Достоевский, создавший мрачный, больной, сырой и всё-таки прекрасный город. В Петербурге Достоевского люди живут в «клетушках», проводят время в душных мастерских или в грязных трактирах, это, как говорит один из героев романа «Преступление и наказание», Свидригайлов, «город полусумасшедших». Петербург для писателя - «тяжёлый» город чёрных узких лестниц, грязных тупых и острых углов, между которыми мечутся герои. Его можно назвать «соучастником» преступления Раскольникова, ведь страшная теория Родиона Романовича «крови по совести» зародилась в маленькой комнатке, похожей на «гроб», нищую конуру. Мы наблюдаем за жизнью обездоленных детей, вынужденных воровать, продавать себя. Петербург Достоевского – это город бедных, несчастных людей, абсолютно равнодушный к судьбе человека. Раскольников не раз чувствует, как на него «веет холодом». В данном романе город не просто фон, на котором происходит действие, это ещё одно «действующее лицо». Петербург Достоевского душит, давит, навеивает кошмарные видения, внушает безумные идеи. Писатель часто изображает трущобы столицы, поэтому читатель видит много голодных, потерявших смысл жизни людей, которые нередко не выдерживают столь невыносимого существования. Так, тёмной ночью был раздавлен коляской Мармеладов, на улице Петербурга застрелился Свидригайлов. Большую роль в раскрытии пейзажа играют его климатические условия: дождь, мокрый снег, холодная вода, сквозные ветры с моря, топкие места на окраинах. Через весь роман проходят картины тесноты, давки, грязи и зловония. Моральная атмосфера Петербурга – всеобщее раздражение, живущий в Петербурге человек «закрит от солнца». Чертой, по которой мы узнаём о «болезни» большого города, является навязчивый жёлтый цвет, усиливающий звучание мотива нездоровья. В описании улиц часто встречается наличие неестественного освещения – газовых фонарей. Этот искусственный свет свидетельствует о том, что в Петербурге нет источника жизни, тепла. В итоге возникает образ города - призрака. Описание Достоевским столицы напоминает картины Рембранта: яркий свет выделяет лишь некоторые части полотна, привлекая именно к ним взгляд читателя, всё остальное оказывается погружённым в глубокую тень. Важным местом городского пространства являются площади, поэтому события, происходящие на них, обладают особой значимостью. Неслучайно первое покаяние Раскольникова происходит именно на городской площади: Соня советует ему извиниться перед людьми, перед осквернённой кровью землёй на перекрёстке - месте пересечения центральных улиц, напоминающих крест.

В русской литературе город предстаёт и как собирательный образ. Именно таков уездный город в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» или в его поэме «Мёртвые души». Концепт провинциального города вслед за гоголевским Миргородом представил А. Н. Островский в драме «Гроза» на примере вымышленного Калинова, узаконившего домостроевскую систему власти купцов-самодуров. На заре двадцатого столетия символисты акцентировали внимание на раскрытии мифологемы «пустого города», наполнив её апокалипсическими мотивами. Акмеисты культивировали образ «мёртвого Петербурга», основанного на распутье. Неслучайно здесь часты видения Креста, неизбежного возмездия. Особенно это становится значимым в эпоху революции: город обречён и на страдания, и на смерть. В связи с этим в стихотворениях Ахматовой, Мандельштама мы видим Петербург в облике распятой столицы, на что указывают перекрёстки улиц или же само изображение распятия. Доказательством тому могут служить стихи А. Ахматовой «Когда в мрачнейшей из столиц...», О. Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...». «Когда октябрьский нам готовил временщик...». Однако образы перепутый можно рассматривать и с

другой стороны. Если вспомнить славянскую мифологию, то, в отличие от Библии, она изображает такого рода пространства местом гуляний нечистой силы. Это своего рода гоголевское «заколдованное место», где на шабаш являются существа, пугающие человека, враждебные ему. Славянская демонология рисовала нечисть как силу обольстительную, побуждающую людей поддаваться соблазнам. Возможно, здесь присутствуют переключки с библейским мифом о Змее-обольстителе, сбившем с праведного пути первых людей, Адама и Еву (Бытие, гл.3, п.1-7) (3, 62). Подобная интерпретация образа перекрёстка во многом видоизменяет миф об основателе Петербурга.

Так или иначе, культ Петра Великого затронул всю литературу XIX века: либо через его восхваление, либо через отрицание. Следующее столетие открыло новые аспекты его толкования. Символисты наряду с устойчивым мотивом «медного всадника» стали вводить в свои произведения облик Змея, являющийся символом недоброго, низменного, греховного начала бытия. У города появляется иной властитель. Именно с этой точки зрения можно посмотреть на стихотворения И. Анненского «Петербург», А. Блока «Пётр». Вместе с тем во многих стихах присутствуют персонажи, которые выполняют не столько охранительную, сколько разрушительную функцию. У В. Брюсова – «дева-ундина», у Н. Гумилёва – русалка, чьи «рубины греховно-красны». Кроме того, Петербург становится городом-оборотнем, само выражение, принадлежащее А.А. Ахматовой, «столица обернулась» доказывает умение города перевоплощаться в различные существа: у Н. Гумилёва «город ощерился львицей», у О. Мандельштама «дикой кошкой горбится столица». Первые подобные заявления встречались ещё в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя, в частности, в повести «Портрет», где тени от домов напоминали серые бесовские хвосты: «Полупрозрачные лёгкие тени хвостами падали на землю, отбрасываемые домами и ногами пешеходцев» (5,132). Если же мы обратимся к стихотворению А. Ахматовой «Теперь прощай, столица...», то увидим, что поэтесса именно нечистую силу делает полновластной хозяйкой петербургского пространства. Демонической фантазмагорией насыщена и «Поэма без героя». Лев Лосев предполагал, что Пбг – это зашифрованное название Петербурга. (8,151). В результате персонажами становятся явно необычные существа, происходит «петербургская чертовня»: дикая бесовская пляска становится отражением эпохи. Развивая тему перевоплощения, акмеисты придают облику Петербурга хищнический характер. Нельзя назвать это случайностью, так как представители данного течения всегда поэтизировали дикую природу, здоровые дух и плоть. Значит, в понятие оборотничества они, скорее всего, вкладывали рациональный смысл: перерождение во что что-то есть прежде всего обновление. Сопоставление города с разъярившейся львицей, леопардом у Н. Гумилёва, дикой кошкой у О. Мандельштама, логовищем зверя, «кровяным филеом» у М. Зенкевича отражает суть акмеистического мировоззрения.

Таким образом, мы видим, что образ города в самых разных его интерпретациях прошёл через всю литературу XIX века и занял свою нишу в XX столетии, отразившись в творчестве самых разных художников слова.

Список литературы

1. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. - Т.1.- М.: 1995.
2. *Ахматова А.А.* Сочинения: в 2-х томах. - Т.1.- М.: 2011.
3. *Библия* – М.: 1989.
4. *Блок А.А.* Полное собрание стихотворений.- М.: 2009.
5. *Гоголь Н.В.* Сочинения: в 2-х томах. – Т.1.- М.: 2018.
6. *Гумилёв Н.С.* Собр. Соч.: В 3-х томах. - Т.2.- М.:1991.
7. *Зенкевич М.А.* Сто стихотворений. – М.: 2013.
8. *Лосев Л.В.* «Страшный пейзаж»: маргиналии к теме Ахматова / Достоевский – Звезда. - 1992.- №8.- С.148-155.
9. *Мандельштам О.Э.* Собр соч.: В 4-х томах.- Т.1,2.- М.: 1993.

10.01.01

Е.А. Ключикова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, nese91@gmail.com

ОБРАЗ КОРЕИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО «ПО КОРЕЕ, МАНЬЧЖУРИИ И ЛЯОДУНСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ»

Статья посвящена анализу образа Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову». При описании Кореи писатель активно использует романтическую образность. В ходе общения с местным населением он пытается реконструировать корейскую мифологическую картину мира, что сближает дневник с произведениями дальневосточных писателей о тайге и таёжной мифологии. Гарин-Михайловский создает образ путешественника-гуманиста, воспринимающего новую территорию сквозь призму традиционной культуры её жителей.

Ключевые слова: *восточный травелог, романтическая образность, корейский фольклор, мифопоэтика.*

Во второй половине XIX века в русской печати появляется большое количество различных публикаций о Дальнем Востоке. Значительную их часть составляют путевые заметки и отчёты о путешествиях. Подобная писательская активность во многом была связана с политическими и экономическими интересами России на Дальнем Востоке. Большинство путешественников, как правило, посещали Китай и Маньчжурию, а также островные государства и колонии европейских государств. Корея оказывалась на периферии внимания русских исследователей Дальнего Востока, которые нередко даже не включали её в маршрут путешествия.

Одним из наиболее значимых текстов путешествий о Корее является дневник известного писателя и инженера Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры» (1899). Писатель посетил северную часть Корейского полуострова в сентябре-октябре 1898 года в рамках экспедиции А.И. Звегинцова. Исследовательская группа писателя должна была обследовать гору Пэктусан, из озера в кратере которой, по легенде брали начало три корейские реки – Туманган, Амноккан и Сунгари. До экспедиции Н.Г. Гарина-Михайловского на горе Пэктусан из европейских путешественников побывал лишь географ и разведчик И.И. Стрельбицкий в 1895 году. В ходе экспедиции Н.Г. Гарин-Михайловский также выступил в качестве собирателя фольклора и после возвращения из путешествия опубликовал сборник корейских сказок, который стал одним из первых собраний актуального на тот момент корейского фольклора.

На наш взгляд, важным контекстом при анализе путевой литературы о Корее как новой территории является американская литература фронта. Е.А. Стеценко отмечает, что «фронт способствовал становлению романтического мировосприятия, приближая человека к природе и формируя у него представления о связи свободы с не испорченной цивилизацией жизнью» [7, с. 179]. Романтическая образность в целом характерна для путевых очерков о Китае и Корее. Н.Г. Гарин-Михайловский намеренно сравнивает Корею с Америкой как непознанной прекрасной территорией. Автор строит параллели между фактами корейской жизни и произведениями авторов романтической литературы: «*Эти девственные места ждут ещё своих охотников, своих Эмаров и Куперов! <...> разбойники хунхузы, как оказалось, – такая же реальная величина здесь, какую некогда были индейцы в свое время в Америке*» [2, с. 234]. Призвание в Корею «Эмаров и Куперов» неоднократно повторяется в

тексте путешествия. Писатель активно использует романтическую образность для описания корейской природы и жизни. Так, озеро в кратере горы Пектусан сравнивается с глазами Лорелеи.

Е.А. Стеценко также указывает на то, что для европейцев, приезжавших в Америку, «переход через океан, из Старого света в Новый сопровождался переходом в иной пространственно-временной континуум. Перемещение в пространстве означало перемещение в иные временные параметры, в иную историческую реальность» [7, с. 298]. Восточные травелоги демонстрируют подобное отношение: путешественники всегда особо маркируют переход между Западом и Востоком, либо между Россией и Востоком. Так, Н.Г. Гарин-Михайловский описывает отплытие из России в Корею на закате: *«гаснет солнце, синее стена, мрачная и грозная, и уже вспыхивают по ней зарницы, как сторожевые огни сказочной крепости. Холодом ночи веет оттуда»* [2, с. 112]. Восток представляется ему страшной, сказочной стороной.

По аналогии с американской литературой фронта исследователи русской литературы дальневосточного зарубежья выделяют понятие «фронтирная мифология». В её основе лежат мифологические представления о тайге как сакральном пространстве. Исследователи (А.А. Забияко [4], И.А. Дябкин [4], Е.Р. Абдуразакова [6]) реконструируют «таёжный пантеон», который формируется в текстах дальневосточных писателей первой половины XX века, а также в фольклоре русского населения Дальнего Востока, отчасти перенявшего мифологические представления китайцев и маньчжуров. Центральным топосом в данных мифологических представлениях является маньчжурская тайга, образ которой выстраивается на основе религиозных представлений русских и китайцев. Для пространства маньчжурской тайги характерны традиционные представления о лесе, существующие и в русском фольклоре: «Рациональное начало, определяемое потребностью выживания («таежная грамота»), неотделимо в сознании таежного жителя от иррационального: <...> страха нарушить табу – неписаный «закон тайги» [4, с. 155]. Корейское население Дальнего Востока исследователями практически не затрагивается. Тем не менее, нам представляется продуктивным применить результаты исследования таёжных мифологических представлений в русской дальневосточной литературе к анализу текста Н.Г. Гарина-Михайловского.

Под влиянием рассказов корейцев Гарин-Михайловский называет лес *«царством тигров, барсов и хунхузов»* [2, с. 201]. Однако встреча с хунхузами изображена иронически, поскольку вместо грозных разбойников, путешественники встретили нищих китайцев: *«И вдруг из глубокого оврага выходят... два оборванных китайца... - Хунхузы... – испуганно шепчут мне. Но я рад: я наконец-то вижу их, а то ведь приеду – спросят: "Хунхузов видели?" – нет. Теперь они передо мной. Ничего, что они оборванные, с желтыми лицами, жалкие. У старика испитое, бледное от опиума лицо...»* [2; с. 206].

По мере общения с корейцами, а также продвижению вглубь тайги на пути к священной корейской горе Пектусан, текст путешествия начинает приобретать всё больше отсылок к верованиям корейцев. С одной стороны, Гарин-Михайловский как собиратель корейского фольклора записывает от своих проводников легенды и сказки и на их основе пытается реконструировать корейскую мифологическую картину мира. Он видит в корейской народной религии результат слияния буддизма, конфуцианства и шаманизма. Особенно важную роль в жизни корейцев писатель отводит шаманам, которые могут определить удачное место для строительства дома или захоронения человека. С другой стороны, в тексте начинают появляться указания на то, что путешественник, с определённой долей иронии и скепсиса, сам начинает в описании некоторых событий ссылаться на верования корейцев: *«Проводник вскользь, угрюмо бросил несколько слов. – Молится, – перевел мне П.Н., – говорит, дракон это, не надо смотреть и лучше уйти. Рассердится – худо будет. – Скажите ему, что я очень извиняюсь перед драконом, но мне необходимо снять фотографию с его дворца»* [2, с. 214].

Н.Г. Гарин-Михайловский воспринимает себя и своих спутников как первопроходцев. Когда автор описывает, как корейцы рассказывают и слушают сказки, он переживает за то, что в недалёком будущем *«всесокрушающая культура»* изменит жизнь Кореи, и называет себя *«пионером этой культуры»* [2, с. 137].

Важной особенностью взгляда Гарина-Михайловского на Корею и корейцев, отличающей его от авторов других путевых очерков, в которых фигурирует Корея, И.А. Гончарова и Н.М. Пржевальского, является то, что писатель оперирует понятием «культура», а не представлениями о государственной необходимости или результатами размышлений о судьбах наций. Гарин-Михайловский не выступает в своём путешествии как политик. В первую очередь, он является инженером-исследователем и писателем. П.В. Алексеев выводит образ «русского путешественника с книгой и нагайкой в руках» [1, с. 31]. Н.Г. Гарин-Михайловский следует советам русских пограничных служащих о том, что при общении с корейцами не стоит прибегать к оружию. И как писатель, и как собиратель фольклора, и как инженер он оказывается «русским путешественником с книгой».

П.В. Алексеев также отмечает, что для русского человека на Востоке сформировалась особая модель поведения и восприятие иной культуры: «обязательное глубокое погружение в восточный менталитет (протеизм на грани отступничества) и право на собственно русское познание и присвоение Востока» [1, с. 20]. Корейцы-собеседники писателя указывают на историческую несправедливость по отношению к их народу, поскольку полагают, что род манчжурской династии, правящей в Китае, происходит из Кореи: *«гробницы там, а род отсюда, и китайцы живут за счёт корейского счастья»* [2, с. 136]. Мотив потерянного или украденного счастья оказывается одним из основных в речи корейцев: *«корейское счастье пропало, нет у корейцев счастья»* [2, с. 254]. В приводимых писателем традициях корейцев мотив счастья также присутствует и приобретает иногда странные для европейца воплощения – необходимо найти счастливую гору для захоронения родственника и поиск этой горы не заканчивается на первом захоронении – нередко покойников перезахоранивают несколько раз, в надежде найти правильную гору.

Гарин-Михайловский связывает навязчивый поиск счастья с тем, что корейцы как народ психологически остаются детьми. Этот вывод писатель делает также на основании того, что корейцы, с которыми он общался по пути, верят в рассказываемые ими сказки. Выступая в роли фольклориста, тем не менее, писатель даёт оценки жизни народа и винит в этом всё тот же фольклор: *«На склонах гор его растёт дикий виноград, в долинах дикие яблони, вишни и сливы, в горах золото, железо, серебро, свинец и каменный уголь. Но ничего этого не надо корейцу: ему нужны сказки о счастье»* [2, с. 167]. Настойчивое восприятие корейцев как «вечных детей» соотносится с идеями И.А. Гончарова о возрастах народов.

Н.Г. Гарин-Михайловский указывает, что он готовился и читал книги о Корее, однако в дневниках нет указания на то, какие именно источники о Корее он читал. К концу XIX века в Корее была сложившаяся литературная традиция, сохранившаяся по письменным источникам с XII века (однако исследователи указывают на появление литературных текстов уже в начале первого тысячелетия н.э.). Многие сюжеты, которые Гарин-Михайловский приводит в своих записках и относит к сказкам, известны именно по письменным источникам и скорее всего в отношении них произошёл процесс вторичной фольклоризации. Так, Н.И. Никулин отмечает, что писатель включает в свой сборник сказок тексты, явно восходящие к известным литературным произведениям, например, к «Повести о Чхунхян» конца XVIII века: *«благодаря Гарину в России ещё в конце XIX в. узнали о Чхун Хян и других героинях и героях средневековых корейских повестей задолго, более чем за полвека до того, как появились их переводы с корейского на русский язык»* [5, с. 122].

Не только отечественные, но и корейские исследователи отмечают значительный вклад Н.Г. Гарина-Михайловского в корейскую фольклористику. На наш взгляд, использование в путевом дневнике обширных отсылок к корейской мифологии и фольклору углубляет понимание иной культуры. Однако писатель осмысляет Корею исключительно через традиционную культуру и таёжную мифологию. Литературная и философская традиция

Кореи остаётся за пределами авторского взгляда.

Путевой дневник Н.Г. Гарина-Михайловского также представляет особую ценность как для востоковедения, так и для истории русской литературы как наиболее обширное и глубокое воплощение русского взгляда на Корею на рубеже XIX-XX веков.

Список литературы

1. *Алексеев П.В.* Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // *Филология и человек.* 2014. № 2. С. 34-46.
2. *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений в 5 томах. Том 5. М.: ГИХЛ, 1958. 719 с.
3. *Дябкин И.А.* Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: дисс. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2014. 186 с.
4. *Забяко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // *Религиоведение.* 2011. № 2. С. 154-169.
5. *Никулин Н.И.* Н.Г. Гарин-Михайловский как собиратель корейского повествовательного фольклора // *Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие.* М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 101-128.
6. *Ориентальная тема в литературе метрополии и русского зарубежья Дальнего Востока: коллективная монография.* Биробиджан: ГОУВПО «ДВГСГА», 2010. 163 с.
7. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1996. 312 с.

10.01.01

О.С. Мальчугина

Смоленский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра литературы и журналистики,
Смоленск, malchugina_59@mail.ru

**«...ШУМЯ ТРАВой ВОДЫ, ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ СНАЧАЛА»:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В КНИГЕ ЕКАТЕРИНЫ СИМОНОВОЙ «ВРЕМЯ»**

Статья посвящена проблеме интерпретации времени Екатерины Симоновой в книге «Время». Материалом исследования послужили стихотворения, входящие в книгу «Время». В статье показано, как тема времени трактуется через средневековое представление о модели вселенной и каковы особенности восприятия времени героями книги.

Ключевые слова: *время, смерть, экзистенциальное, средневековая Модель вселенной, экфрасис.*

Екатерина Симонова – известный поэт Нижнетагильской, поэтической школы, являющийся автором пяти стихотворных книг. Материалом нашего исследования послужила четвертая книга стихов «Время», вышедшая в 2012 году в Нью-Йорке (New York, Stosvet Press, 2012. – 160 с.).

В «Журнальном зале» в своем отзыве поэт и литературный обозреватель Евгения Риц отмечает, что это не просто сборник стихов, а именно книга, со сквозным, хотя и не линейным, сюжетом, действующими лицами и, главное, указанным местом и временем действия. «Это не роман в стихах, а нечто более объемное по своему замыслу, может быть, трудно определяемый, размытый эпос, новый миф» [1].

Тексты книги в первой части «Бестиарий» объединены общей структурной канвой. И, хотя звери (мифические и реально существующие) присутствуют в каждом из стихотворений, соблюдая дань традиции бестиария и заявленного названия, они выполняют, в основном, лишь декоративную функцию. Главным принципом построения текстов этой части книги стало описание двух параллельно происходящих событий.

Известно, что чаще всего две параллельные линии сюжета используются для описания протагониста и антагониста. В роли антагониста в «Бестиарии» выступает мир, который противопоставляется героине в двух категориях: временность-вечность и статика-динамика. Попытке героини отсрочить свой физический конец, выраженный в глаголах, означающих статичное или бесконечно длящееся действие, которое не меняется на протяжении всего текста (засыпаешь, спишь, ждешь, читаешь, говоришь и т.д.), противопоставлено буйство окружающего мира. На контрасте с этой скованной нарочитой бездейственностью окружающий мир полон кипучей деятельности. Героиня – человек, а значит ее удел временность, мир – бессмертное творение Бога, он вечен, и время для него течет циклично, а не линейно.

Описывая средневековую Модель вселенной, Клайв Стейплз Льюис подчеркивал важность четкого разграничения божественного и природно-человеческого восприятия времени: «Тварные существа никогда не смогут вполне разделить неподвижную вездесущность Бога, как время, хотя оно и множит свои мимолетные мгновения настоящего, никогда не в силах достичь *totum simul* вечности» [2, с. 739]. Примеры подобной структуры, как уже писалось, можно отыскать в каждом стихотворении «Бестиария». Приведем несколько цитат: «*Ласточка пролетает за открытым окном, / пока ты, читая письмо, тень на пол бросаешь <...> и даже бессмертной души не жаль – / жаль только тела с пышною наготою*» [4, с. 15]; «*Пока любовь засахаренные лепестки, марципаны / готовит всю ночь, тарелку твоих желаний / украшая, подогревая вино с гвоздикой и имбирём. / доброе время уходит всегда сквозь пальцы песком...*» [4, с. 18].

Однако есть в данной части книги тексты, несущие в себе частицу тех смыслов и функций, которыми славились средневековые Бестиарии, главной задачей ставившие возможность донести до читателя образы и понятия религии и морали, зашифрованные в поучительных историях о животных.

Например, в стихотворении Симоновой «Ты засыпаешь, пока рычат...» находим образ царь-рыбы или кита. Полумифическое животное, изображаемое средневековыми миниатюристами, как глубоководный монстр, пожирающий целые флотилии. Этот образ восходит к ветхозаветному сказанию об Ионе, которого поглотил кит, и который смог выбраться из его желудка через три дня. Данный миф истолковывался как пророчество о пребывании Христа во гробе в течение трех дней. Именно поэтому образ кита причастен к идее воскресения.

Стихотворение «Небесную сферу время перекидывает...» примечательно для нас представлением той Модели вселенной, которая соответствовала мировоззрению средневекового человека. Время в тексте одно из действующих лиц, оно переворачивает небесную сферу, играя с ней, как ребенок с мячом – так происходит смена времен года: *«неба эмаль затвердевает, стареет, молчит, / в сети морщин, переворачивая себя...»* [4, с. 14]. Деление неба на вращающиеся сферы, один из основополагающих образов Модели вселенной в Средние века. Однако текст не просто стилизует Модель, как может показаться на первый взгляд. Принципиальной разницей для средневекового мировоззрения было деление Модели на «надлунный» и «подлунный» мир. Сложно сказать, идет ли речь в тексте о небосводе, как о сфере за Луной или под ней, но небесные сферы в миропредставлении той эпохи не могли вращаться сами по себе, «переворачивать себя» – их движением управляли Умы – возвышенные мыслящие существа, движимые любовью к Богу. Если же речь идет о самой Земле, то она вообще не должна вращаться, так как по природе своей неподвижна (см. Льюис К.С. «Отброшенный образ», с. 738-746). Таким образом, наделив небесную сферу «самостоятельностью» в вопросах передвижения Симонова выходит за рамки средневекового мировосприятия.

Смена времен года в тексте (осенний лес на ветру, женщина, скрытая под меховым плащом, стекло воды, цветение садов) соответствует изменениям, происходящим с героиней. Когда небесная эмаль стареет, переворачивается и раскрывается *«чтобы принять тело и спрятать зерно»* [4, с. 14] героиня умирает. Когда *«наступает то самое время, цветут сады наверху»* [Там же] – «наверху» положение по отношению к мертвой, лежащей в земле, это также соотносится с мотивом перевернутого мира, сферы – душа предстает перед Ним *«кому имени нет, только венозно-густая любовь, /от которой ты, как от ненависти неотделим»* [Там же]. Воскресение природы уподобляется воскресению души. Героиня Симоновой, не находит спасения от времени в стазисе, но обретает бессмертие в христианском понимании. *«Венозно-густая»* любовь, которую героиня чувствует к Богу и есть тот механизм, который запускает движение небесных сфер, а значит и жизни. Льюис К.С. пишет: «Он движет прочие вещи, как объект желания движет тех, кто стремится к нему. Primum Mobile приводится в движение любовью к Богу и таким образом сообщает движение остальной Вселенной» [2, с. 738].

Один из главных приемов экспликации времени в книге Симоновой – насыщение текста экфрасисами. Ярким примером для этого замечания может служить стихотворение «Белый зверь подходит к женщине со спины...». Юлия Подлубнова в статье «Почему умирает единорог?» выделяет два основных экфрасиса [3, с. 67-70]. Первый – это «Дама с единорогом» — цикл из шести шпалер конца XV века, второй – совокупность картин мастеров Северного Возрождения, посвященных катанью на коньках и прочим зимним забавам. Прежде всего, узнается, конечно, Брейгель со своими «Охотниками на снегу». Эти произведения искусства, казалось бы, не связанные между собой, имеют нечто общее, а именно последовательность и преемственность эпох, в которые они были созданы. Автор статьи обращает внимание на то, что два заявленных произведения искусства созданы не только в разное время, но и в разные эпохи. Средневековая «Дама с единорогом»

противопоставляется мастерам Северного Возрождения, как противопоставлены Модели вселенной, господствующие в эти эпохи. «Именно этот мировоззренческий и культурный слом определяет конфликт стихотворения Екатерины Симоновой, в котором единорог просто не мог не умереть». [3, с. 69]. Таким образом смерть мифического существа символизирует в стихотворении Симоновой конец одной эпохи и начало новой.

Таким образом, проанализировав книгу Екатерины Симоновой «Время», мы можем сделать следующие выводы:

1. Время в книге – главное действующее лицо, оно является маркером, определяющим замкнутость и статичность мира книги – условного Средневековья, выраженного через экфрасисы и средневековые жанры (бестиарий). Строя книгу по этому структурному принципу, Симонова передает ощущение и мировосприятие средневекового человека.

2. Несмотря на подчеркнутую беспомощность героини перед временем конечным, главным в книге все же является время цикличное – время бессмертия человеческой души и мира. Движение мира по кругу есть стремление к недостижимому совершенству Бога, находящегося в центре средневековой Модели вселенной.

3. Нужно отметить, что средневековая концепция построения книги с ее мироощущением и временем, разумеется, не является чистой стилизацией, которая была бы неуместна для современного молодого автора. Симонова, как остро чувствующий свое время писатель, отражает в книге концепцию Нового Средневековья, столь актуальную на сегодняшний день.

Список литературы

1. Журнальный зал «Книжная полка Евгении Риц». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/10/15r.html (дата обращения: 10.05.2018)
2. *Льюис К.С.* Избранные работы по истории культуры / Клайв Стейплз Льюис; сост., пер. с англ. и коммент. Н. Эппле; предисл. У. Хупера. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 928с. (Серия «Интеллектуальная история»)
3. *Подлубнова Ю.* Екатерина Симонова. Почему умирает единорог? // Неузнаваемый воздух. Книга о современной уральской поэзии. – Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2017. – с. 67–70
4. *Симонова Е.* Время. – New York, Stosvet Press, 2012. – 160 с.

10.01.01

А.В. Радионова канд. филол. наук

Смоленский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра литературы и журналистики,
Смоленск, allarad1@rambler.ru

О ПАРАДИГМЕ СТИХОТВОРЕНИЙ-CREDO В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

В статье дается характеристика стихотворений-credo с точки зрения их структурных и композиционных особенностей. Выявлены устойчивые тенденции в формировании парадигмы, проанализированы ее тексты, включающие два смысловых блока – экспозицию и декларацию. Охарактеризованы типологические черты этих композиционных частей и отношения между ними.

Ключевые слова: *лирика, этическое, стихотворение-credo, ситуация, композиция.*

Поэтические системы складываются вокруг определенного круга этических установок. Нравственные ценности имеют первостепенное значение для развития культуры вообще и для развития словесного творчества в частности. Русская лирика особенно расположена к этическим темам [9]. В корпусе этической поэзии по образцу древних вероизложений сформировалась традиция стихотворений-credo.

Н.М. Азарова отмечает наличие в поэзии философских конструкций, под ними понимаются «структуры, которые служат устойчивой типологической приметой философского текста» [1, с. 324]. Рассматривая особенности текстов с этической ситуацией, также можно заметить некоторые устойчивые тенденции. Стихотворение-credo в чистом виде предполагает прямую декларацию этических предпочтений в пределах этической ситуации, введением в которую является один из мотивов: 'я знаю', 'я верю', 'я люблю', 'я выбираю'. Такие тексты могут начинаться непосредственно с этих вводных мотивов («Верю» В.Г. Бенедиктова) и/или по структуре представляют собой цепочку императивов («Поэту» В. Брюсова). Но часто композиция стихотворений-credo усложнена и связана с включением в нее двух ситуаций – смысловых блоков: первый блок играет роль экспозиции, второй блок является собственно декларацией. Экспозиция – это ситуация, предвещающая непосредственное выражение жизненных и этических приоритетов, какой-то наличествующий фон для выражения принципов личной этики.

Нередко экспозиция представляет ситуацию наличествующего положения вещей, констатации фактов существующего объективного бытия, общепринятые правила. В этом случае второй блок (декларация) раскрывает субъективную оценку, взгляды, принципы, которые не всегда согласуются с общепринятыми правилами. Столкновение объективного и субъективного имеет разную степень обострения: от почти нейтрального сопоставления общественного бытия и своего индивидуального пути до резкого противопоставления своего выбора общественному мнению.

В роли экспозиции выступают ситуации разных функционально-смысловых типов. При экспозиции-описании в стихотворениях этическому выводу предшествует описание определенных реалий, существующих или предполагающихся. Например, доминирует описательный аспект в стихотворении Д. Самойлова «Давай поедem в город...» [7, с. 134]. После описания будущих благ и развернутого описания городской осенней природы, символизирующей закат жизни, следует декларация:

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

У Д. Самойлова можно увидеть и другой тип – экспозицию-рассуждение («Профессор Уильям Росс Эшби...» (Свободный стих)). После рассуждений о теории мозга следует декларация с обращением (*Выключите радио, отоспитесь / И почувствуйте в себе наличие мозга, / Этой мощной и негибкой системы* [7, с. 144]). В экспозиции-рассуждении автор может обозначить этическую проблему, показать дилемму, перечислить вопросы, на которые в декларации дается ответ; декларация с обращением четко выражает выбор субъекта (Д. Самойлова «Все реже думаю о том...»).

Экспозицию-повествование встречаем в стихотворении А.А. Блока «Поэты». Две строфы показывают бытовую жизнь и отношения поэтов. Далее продолжается подробный рассказ об образе жизни поэтов, об их привычках. Завершается стихотворение декларацией с обращением к читателю и другу: *Пускай я умру под забором, как пес, / Пусть жизнь меня в землю втоптала, – / Я верю: то бог меня снегом занес, / То вьюга меня целовала!* [4, с. 127].

Среди повествовательных ситуаций особо стоит отметить автобиографическую экспозицию, когда первый блок стихотворения представляет собой более или менее развернутую панораму жизни субъекта («Детство» Н.С. Гумилева). Если Н.С. Гумилев сталкивает впечатления детства и выводы зрелого, прожившего жизнь человека, то биографическая экспозиция в стихотворении И.А. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» дает панораму всего жизненного пути до актуального момента создания текста.

Декларация – основной блок стихотворения-credo, поскольку именно эта ситуация определяет принадлежность текста к данной парадигме. Если рассматривать содержательную и структурную стороны деклараций, то и среди них можно выделить разные типы. По качеству суждения декларации делятся на утверждающие и отрицающие. К декларациям-отрицаниям относится известное стихотворение В.С. Высоцкого «Я не люблю». В нем этические императивы скрыты за перечислением негативных явлений жизни с их отрицанием. Мотивы самопрезентации выражают отношение отрицания («я не люблю», «я против», «я ненавижу», «во мне нет жалости», «я никогда не полюблю»). Сочетание утверждения и отрицания можно увидеть в декларации, которую содержит стихотворение «Проклятые глупости» К.Д. Бальмонта.

Декларации различаются по модальности: утвердительной, побудительной, вопросительной, инфинитивной. Большой экспрессией характеризуются декларации побудительной модальности, содержащие призыв, как в стихотворении Д. Самойлова «Не верь ученикам! Они испортят дело!...».

В обращениях-побуждениях можно видеть разные речевые акты: просьбы, предложения, требования. Призыв может быть представлен как завещание. Выделяется целая подпарадигма завещаний, заветов, которые содержат этические императивы («Завещание» И.Ф. Анненского). Еще одна парадигма обращений – credo-молитвы. Credo-молитвы, как правило, не содержат экспозиции и состоят только из декларации («Молитва» Б.Ш. Окуджавы).

Пример декларации в инфинитивных конструкциях – стихотворение К.Д. Бальмонта «Отдать себя», которое построено с использованием инфинитивной серии. В другом его стихотворении «Жить среди беззакония» инфинитивы сочетаются с утверждениями:

Жить среди беззакония,	Но люблю безотчетное,
Как дыханье ветров,	И восторг, и позор,
То в волнах благовония,	И пространство болотное,
То над крышкой гробов.	И возвышенность гор.
<...>	[2, с. 358]

Декларации могут прямо утверждать признанные этические ценности или отрицать признанные пороки, но есть две формы острашения этических постулатов. Во-первых, это декларации-провокации, в которых утверждаются спорные ценности, не поддающиеся однозначной положительной оценке. Декларация-провокация – в стихотворении «Дикая воля» М.И. Цветаевой: *Чтобы все враги – герои! / Чтоб войной кончался мир! / Чтобы в*

мире было двое: / Я и мир! [8, с. 47]. Провокацию встречаем у И.А. Бунина в стихотворении «За рекой луга зазеленели...».

Во-вторых, существует вариант декларации «от противного», когда утверждается в качестве этической ценности нечто очевидно неприемлемое. Это декларации с двухголосием, когда за декларируемым мнением скрывается противоположное истинное мнение автора. В стихотворении В.Г. Бенедиктова «Что шумишь?» компонент наличествующей объективности представлен мнением развращенного душевной леностью общества, которое обращается к поэту с требованием избавить его от нравоучений. А индивидуализированный компонент, выражающий субъективные этические принципы, вытеснен в затекст стихотворения, но легко реконструируется из высказываний, являющихся рефлексией на эти этические принципы, существующие во внетекстовой среде или в других текстах: *Что нам в них, когда их ложью, / Благ земных имея часть, / Можно славить милость божью, / И, чтоб духом не упасть, / Да и плоти не ослабить, / Иногда немножко грабить, / Иногда немножко красть?* [3, с. 386]

Декларации имеют разные временные проекции. Например, декларация-установка на будущее в стихотворении Н.С. Гумилева «Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...» [5, с. 31]: *Но меня не смутить, я пробьюсь вперед / От насилия и мрака к святому добру, / И, завидев светила свободы восход, / Я спокоен умру.*

Декларациям стихотворений-credo свойственна афористичность. Установка автора выразить наиболее полно этическую основу мировоззрения в краткой форме лирического стихотворения приводит к увеличению смысловой емкости фразы. При этом, как правило, задействованы темы, актуальные для большого количества людей, касающиеся общечеловеческих ценностей (порядочности, чести, совести), формирующие определенную мировоззренческую парадигму.

Что касается композиции стихотворений-credo, две ситуации – экспозиция и декларация – чаще всего следуют друг за другом. Усложнение композиции происходит в случае чередования этих двух ситуаций, как у Н.С. Гумилев в стихотворениях «Людам будущего», «Издавна люди уважали...».

Во всех приведенных примерах, в которых присутствует экспозиция, она предваряет декларацию. Чаще всего так и происходит: или текст состоит только из декларации, или декларация следует за экспозицией. Гораздо реже встречаются тексты, в которых наблюдается композиционная инверсия. Как пример можно привести стихотворение М.Ю. Лермонтова «Не верь себе»: *Не верь, не верь себе, мечтатель молодой, / Как язвы, бойся вдохновенья...* [6, с. 176]. 24 строки развернутых наставлений раскрывают нравственную установку субъекта. А во втором смысловом блоке дается экспозиция – обоснование этой нравственной позиции по отношению к социуму.

А.А. Блок использовал кольцевую композицию, когда две строки декларации охватывают экспозицию в стихотворении «Верю в Солнце Завета». Случаи, когда экспозиция следует за декларацией, мы не считаем противоречащими термину «экспозиция», поскольку в данном случае он означает не место данного блока в структуре текста, а его роль по отношению к декларации – это всегда обстоятельства, которые привели субъекта к определенным выводам, благодаря или вопреки которым субъект сформировал мировоззренческую позицию.

Итак, поэтическое credo имеет ряд специфических особенностей, к которым относятся: часто декларативный заголовок стихотворения; активная позиция субъекта, выражающаяся в готовности действовать определенным образом и призыве к другим действовать также; мотивы самопрезентации; прием перечисления нравственных императивов. Credo всегда содержит декларацию этической установки – действия, которые субъект считает верными или неверными. Признак credo – мотивы самопрезентации: «я верю / знаю – я люблю / не люблю – я делаю выбор». В случаях усложненной композиции стихотворений-credo они состоят из двух ситуаций: экспозиции, то есть наличествующего фона для выражения принципов личной этики и декларации – ситуации, представляющей этический постулат. Отношения между этими ситуациями во многом определяют поэтику текста.

Список литературы

1. *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.
2. *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 1–3. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 504 с.
3. *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1983. 816 с.
4. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3: Стихотворения и поэмы. 1907–1921. Москва; Ленинград: Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1960. 714 с.
5. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
6. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. 270 с.
7. *Самойлов Д.С.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2006. 800 с.
8. *Цветаева М.И.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. 799 с.
9. *Ян Ен Лан.* Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Санкт-Петербург, 2006. 192 с.

10.01.01

Г.С. Спиридонова канд. филол. наук

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
факультет начальных классов,
кафедра русского языка и методики его преподавания,
Красноярск, spigal73@mail.ru

ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются типы персонажей-двойников и их функции в художественном тексте, предназначенном для детского чтения. Автор приходит к выводу, что конфликт двойника и героя в книге для детей не носит трагически неразрешимого характера, а часто, напротив, комичен и вполне благополучно разрешается в финале. Позитивный исход встречи героя со своим alter ego отличает детские истории о персонажах-двойниках от взрослых.

Ключевые слова: *русская детская литература, персонажи-двойники, сюжет, конфликт.*

Сюжеты с персонажами-двойниками встречаются в литературе разных эпох (от античности до постмодернизма) и у разных авторов (от Плавта до Саши Соколова). Современные исследователи выделяют две основные формы двойничества: удвоение и раздвоение [3], [4]. Удвоение означает пару равнозначных героев, похожих внешне или внутренне (Бобчинский и Добчинский); раздвоение – пару «оригинал-копия», в которой за оригиналом закреплено центральное положение, а за копией – олицетворение той или иной стороны его сущности (Голядкин-младший, Чёрный человек). Первый тип двойника называют *individuum*, второй – *dividuum* [4]. *Dividuum* – это alter ego героя, его вторая натура, отдельная, но не способная жить без оригинала. Т.Д. Комова утверждает, что сюжетная схема «встреча героя со своим двойником» обычно используется для изображения внутреннего мира героя в его нецельности и противоречивости [3, с. 6]. Двойник преследует героя, чаще всего вызывая в ответ возмущение и желание избавиться от него. Взаимоотношения двойника с героем, как правило, превращаются в горькую историю о том, как гибнет человек, задавленный собственной Тенью. Невозможно утверждать, что это единственный вариант сюжета о двойнике-*dividuum*'е, но следует признать, что он является самым распространенным.

В литературе для детей персонажи-двойники не менее популярны, чем во взрослой. Естественно предположить, что в структуре детского сюжета они должны приобретать какие-то особые качества и выполнять иные функции, чем в произведениях, адресованных взрослым. Проанализировав некоторые тексты, созданные отечественными детскими писателями в 1950-70-е гг., мы обнаружили следующие закономерности.

1. В текстах для детей встречаются двойники обоих типов: *individuum*'ы и *dividuum*'ы. Предметом нашего внимания стали в основном последние, то есть персонажи-двойники, получившиеся в результате раздвоения.

2. Общей для «взрослых» и «детских» сюжетов о двойнике-*dividuum*'е является ситуация конфликта между героем и его двойником. Тень убегает от мальчика Вити Веткина, потому что он плохо себя ведет: обижает окружающих, задирает нос, грубит и т.д. Витя пытается удержать её силой, запирает в комнате, привязывает к кровати, но она твердо решает, что больше тенью Веткина быть не хочет, перерезает верёвку и, просочившись в дверную щель, исчезает [7]. В девочке Тане («Гарантийные человечки» Э. Успенского) живут две половинки – Яна и Юшечка: «Эти две половинки всегда враждовали между собой. Одна уговаривала Таню быть послушной девочкой, не капризничать, убирать игрушки, вовремя ложиться спать. А вторая – наоборот: залезть на шкаф, стукнуть кого-нибудь лопаткой, отрезать себе

косички ножницами» [8, с. 107]. Двойником Незнайки выступает его Совесть. Она не даёт забыть о плохих поступках, тревожит по ночам, пристаёт с неприятными вопросами [6, с. 195-199]. Господин Ау ссорится со своим отражением, потому что неудовлетворен тем, как оно выглядит. Они наговаривают друг другу дерзостей, дело почти доходит до драки и, вконец раздраженное и разобиженное, отражение исчезает [8, с. 183-185]. Похититель постоянно разговаривает со своим отражением в зеркале и так же, как дядюшка Ау, недоволен: собственное лицо кажется ему слишком мрачным и грубым, он обращается к самому себе – «рожа» [2, с. 47-48].

3. При всей напряжённости и драматичности, конфликт двойника и героя в детском сюжете не носит трагического характера. В нём, как правило, нет ничего зловещего и страшного, он часто развивается по-карнавальному весело, и читать о нём смешно. Две половинки девочки Тани в «Гарантийных человечках» устают во взаимной борьбе, но вредная половинка (Яна) не всегда берёт верх, хорошая половинка (Юшечка) тоже может «говорить своё слово». То, что Яна разрушает, Юшечка приводит в порядок. Яна пачкает платице – Юшечка стирает; Яна разбивает чашку – Юшечка выносит осколки на помойку; Яна кидается блинчиками в соседскую девочку – Юшечка эти блинчики печёт [8, с. 114]. Комичны диалоги Незнайки с Совестью. Герой сначала оправдывается, но когда Совесть проявляет излишнюю настырность и угрожает («Я вот начну тебя мучить так, что ты жизни будешь не рад»), Незнайка злится и переходит в нападение: «А где ты была до этого? Почему раньше молчала? У других коротышек совесть как совесть, а у меня какая-то змея подколотная! Притаится там где-то, сидит и молчит... Дождётся, когда я сделаю что-нибудь не так, как надо, а потом мучит». И тут уже в неудобной позиции оправдывающегося оказывается Совесть: «Я не так виновата, как ты думаешь... <...> Вся беда в том, что я у тебя слишком маленькая, неокрепшая и голос у меня еще очень слабый. К тому же вокруг часто бывает шумно. В особенности днём...» Незнайка радуется («А, вот ты чего боишься!») и пытается заглушить её громкой музыкой, даже делает зарядку под магнитофон, включенный на полную мощность. Но Совесть не унимается и «продолжает жужжать прямо в уши» [6, с. 195-199]. Забавно сокрушается господин Ау, потерявший собственное отражение: «Допрыгался я! А как же теперь причёсываться? Как себя рассматривать? Шапки примерять?» Чтобы выманить любопытное отражение из укрытия, он решает идти «окольными, дипломатическими путями»: читает вслух сказку и останавливается на самом интересном месте [8, с. 185, 193].

4. В детском сюжете конфликт двойников разрешается вполне благополучно: примирением и воссоединением сторон, а также прозрением и исправлением «запутавшегося» героя, осознавшего своё несовершенство и решившего его преодолеть. Тень Вити Веткина возвращается к нему, потому что, спасая её, Витя «и про тень, и про дружбу, и вообще про всё понял» [7]. Общаясь со своим отражением, пятиклассница Оля получает возможность «посмотреть на себя со стороны» и видит собственные недостатки, которых раньше не замечала: излишнюю самоуверенность, нежелание признавать ошибки, неорганизованность и неаккуратность. Перевоспитывая Яло, Оля изменяется сама: она с большим вниманием и сочувствием начинает относиться к окружающим [1]. Совесть всё-таки побеждает Незнайку, он исправляет свои ошибки, и порядок в Солнечном городе восстанавливается. Господин Ау вдруг понимает, как виноват перед своим отражением, «какой неправильный образ жизни он ведёт», и моется и причёсывается, чистит зубы и ботинки, и в финале его отражение возвращается на своё прежнее место. Похититель голубей, в критический момент посмотревшись в зеркало, видит там «утомлённое лицо с чёрными кругами под глазами» и безутешно рыдает. А после записывает в дневнике: «Пережил тяжёлое душевное потрясение... Решил взять в руки штурвал своей жизни и начать новую, совсем новую жизнь, потому что влачить старую нет больше сил» [2, с. 171].

5. В классической («взрослой») литературе двойники олицетворяют собой в основном тёмное и бессознательное в человеке (разного рода неправильности, отклонения от нормы, болезненные проявления и искривления человеческой природы, вплоть до шизоидных), а в

«детских» двойниках воплощается, как правило, светлая сторона личности, её положительные и сознательные начала: совесть, разум, добродетель. Такой двойник не искушает героя, не вытесняет его и не стремится подчинить или погубить, а наоборот, пытается помочь и поддержать [5]. «Я ведь хочу, чтобы ты стал лучше, – говорит Совесть Незнайке. – Я не могу спать, когда вижу, что ты поступаешь скверно» [6, с. 294]. Двойник в детской книге может стать другом героя, его товарищем, и вместе они переживают удивительные приключения (Оля и Яло, Сыроежкин и Электроник).

Получается, что в литературе для детей персонажи-двойники, с одной стороны, выполняют привычную для себя *психологическую* (взрослую) функцию, то есть наглядно демонстрируют читателю сложность и противоречивость человеческой природы, раскрывая непростую правду о человеке. С другой стороны, здесь они выступают проводником идеи, которую обычно называют *педагогической*, или *воспитательной*. Идея эта сводится примерно к следующему: встреча со своим alter ego полезна, потому что позволяет человеку посмотреть на себя со стороны и именно в этом смысле представляет собой интересное и весёлое, хотя довольно трудное, приключение; уживаясь в пределах одной личности, доброе и злое, плохое и хорошее непрерывно борются друг с другом, и какой бы сложной и напряжённой эта борьба ни была, если человек по-настоящему хочет, доброе и хорошее непременно победят.

В русской детской литературе XX века эта идея имела иногда откровенно тенденциозный характер и была связана с целенаправленной пропагандой самовоспитания в советской послевоенной педагогике («Королевство кривых зеркал», «Удивительные приключения мальчика без тени»). Но даже такие идеологически выверенные сюжеты превращались порой в истории о том, «как встреча с другим человеком в самом себе и с самим собой в другом человеке порождает автономизацию и делает её радостной» [5, с. 189]. Именно вера в радостный исход встречи со своим вторым «я» принципиально отличает, на наш взгляд, детские истории о персонажах-двойниках от взрослых, и именно эта вера способствует тому, что интерес к подобным историям сохраняется до сих пор.

Список литературы

1. Губарев В. Королевство кривых зеркал // <http://lingua.russianplanet.ru/library/gubarev.htm>
2. Коваль Ю. Пять похищенных монахов. Повесть. – М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2010. – 192 с.
3. Комова Т.Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX века): Автореф. дис. канд. филол. н. – М., 2013. – 24 с. <http://cheloveknauka.com/v/540742/a/#?page=22>
4. Кржижановский С.Д. Философема о театре; Комедиография Шекспира // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2006. Т.4. С. 73-77; 192-195.
5. Куклин И.В. Воспитание воли в советской психологии и детская литература конца 1940-х – начала 1950-х годов // Основа утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980) / И.В. Куклин, М.Л. Майофис, П.А. Сафронов. – М.: НЛЮ, 2015. – С. 152-189.
6. Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей. – М.: ТЕРРА-TERRA, 1991. – 720 с.
7. Прокофьева С. Удивительные приключения мальчика без тени и тени без мальчика. – М.: Детский мир, 1962. – 48 с. <https://sheba.spb.ru/bib/teni-1962.htm>
8. Успенский Э. Общее собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в 10 т. Т. 3. – СПб.: Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993. – 240 с.

10.01.01

З.Г. Станкович канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра гуманитарных наук,
Казань, uky-onna@yandex.ru.com

САМОНОМИНАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ ГРУППЫ «МЫ» КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ

Целью исследования является проблема саморефлексии в творчестве Виктора Цоя, которая никогда ранее не ставилась применительно к лирике рок-поэта, что обуславливает новизну предмета исследования. Эвристичным аспектом данной проблемы выступает анализ одной из форм литературной саморефлексии, открывающей отношение поэта к себе и миру, а именно феномена самономиниции лирического субъекта. Новизна статьи состоит в том, что показана специфика саморефлексии, представленной в качестве комплекса самоназваний субъектной группы «мы». Самономиниция такого лирического субъекта может раскрывать особенности понимания Поэтом своего места как в сообществе друзей и со-творцов, так и в сложной социальной среде. Прослеживается динамика процесса самономиниции группового лирического субъекта на всех этапах творческого пути В.Цоя.

Ключевые слова: самономиниция, саморефлексия, лирический субъект.

Чаще всего под формой литературной саморефлексии принято понимать метапрозу, в которой объектом осмысления является сама литература, а также произведения «о процессе восприятия художественного текста или о реализации персонажем своего читательского опыта в собственной судьбе» [7, 70]. Однако представляется возможным понимание литературной саморефлексии и в более широком смысле: как специфическое отражение автором образов, созданных им в других видах искусства и рефлексия героя над собственной личностью. Если же такой герой оказывается рассказчиком или лирическим субъектом, то перед читателем возникает и своеобразная саморефлексия автора как личности.

Объектом исследования в данной статье является песенная лирика В. Цоя, а конкретнее, тексты, в которых автор даёт название группе лиц, обозначаемой им словом «мы». Творчество В. Цоя пришлось на эпоху восьмидесятых, перестройки, переоценки сложившейся ранее системы ценностей советского общества. У человека возникает потребность обозначить своё место в меняющемся мире, а в литературе появляются герои, оценившие самих себя, в частности, давая себе имя.

Песни Цоя, в которых наличествует самономиниция субъектной группы «мы», достаточно малочисленны. Причину этого можно найти в высказываниях самого рок-поэта. В 1989 году в интервью Цоя прозвучала любопытная мысль: «Когда речь идёт о песнях, я как раз сторонник слова «я». А что касается слова «мы», то я его сам не очень люблю. Я сам пою песни такого рода, но в принципе такой путь иногда может привести к гораздо более страшным вещам, чем слово «я» (...) Слово «я» в каком-то смысле честнее. (...) Но тоже это не всегда верно, потому что я слышал массу песен со словом «мы», и они мне нравятся» [1, 450].

Часто можно услышать мнение о том, что рок в 1980-е годы являлся выражением мыслей и чувств «поколения дворников и сторожей» и шире – людей, не желавших мириться с современными реалиями жизни. В таком случае местоимение «мы» вполне закономерно. С этой точки зрения песня «Перемен!» рассматривалась едва ли не как манифест молодёжи, рвущейся к новой жизни. Вот что говорил об этом сам Цой: «Как только началась гласность – все как с цепи сорвались говорить правду. Это было очень популярно. А в наших песнях нет никаких сенсационных разоблачений, но люди по привычке пытаются и здесь найти что-

то эдакое. И в результате «Перемены» стали восприниматься как газетная статья о перестройке. Хотя я её написал давно, когда ещё и речи не было ни о какой перестройке, и совершенно не имел в виду никаких перестроек» [1, 454]. Если отказаться от возможного политического подтекста, всё равно очевидно, что герой, говорящий от лица группы «мы», высказывает мнение некоторого сообщества, тогда цель исследователя – понять, какова эта группа и почему возникла необходимость именовать себя во множественном числе. Самономинация при местоимении «мы» присутствует в пяти песнях В. Цоя: «Мне не нравится город Москва», «Моё настроение» (1982), «Троллейбус», «Дети проходных дворов» (1985) и «Невесёлая песня» (1989).

В первых двух текстах совмещены формы первого лица как единственного, так и множественного числа: «Мне не нравится город Москва, мне нравится Ленинград. / Мы – рано созревшие фрукты, а значит, нас раньше съедят» («Мне не нравится город Москва») [8, 136]. «Моё настроение зависит от количества выпитого пива. Я никому не нужен и никто не нужен мне. / Поколение Икс, поколение Ноль. Мы странны, нас узнать можно с первого взгляда» («Моё настроение») [8, 239].

В «Мне не нравится город Москва» фактически идёт монолог от имени одного из «фруктов»: «Я упал, подбирайте меня, я уже начинаю гнить» [8, 136]. Образ фрукта в данном случае становится реминисценцией к хрестоматийному стихотворению М.Ю. Лермонтова «Дума»: «Так тощий плод, до времени созрелый, / Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, / Висит между цветов, пришлец осиротелый, / И час их красоты — его паденья час!» [3, 86]. У поэта-классика собственное поколение представлено как слишком рано обременённое знаниями и бесполезное, о чём и печалится лирический субъект. У Цоя же нет какого-либо сожаления по поводу того, как сложились обстоятельства: «Я доволен, если мне хорошо, / И я злюсь, если плохо мне. Я блюю, если я перепью, я лет десять живу, как во сне» [8, 239]. Это вполне логичная реакция на обстоятельства различного рода.

Во многих произведениях Цой высказывает мысль о том, что герой должен умереть молодым. Достаточно вспомнить здесь «Звезду по имени Солнце» и «Верь мне»: «И мы знаем, что так было всегда: / Что судьбою больше любим, кто живёт по законам другим / И кому умирать молодым» [8, 272], «Ночь – / Окурки с оплавленным фильтром, / Брошенный тем, / Кто хочет умереть молодым» [8, 234]. В этом смысле фрукты, которые рано съедят, могут быть интерпретированы как те самые «последние герои», о которых так много размышлял автор. Здесь полностью снимается мотив бесполезности, присутствующий у Лермонтова, но сохраняется представление о том, что «мы» созрели, выросли слишком рано, а значит, рано погибнем, причём гибель эта произойдёт в какой-то степени по вине других людей. Интересно и само слово «фрукт», которое в бытовой речи может употребляться в составе выражения «тот ещё фрукт». Оно, согласно словарю С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, используется при разговоре «о человеке подозрительном и ненадежном» [4]. Таковыми с точки зрения обывателей представлялись рок-музыканты в начале 1980-х годов, в то время, когда и была создана песня.

Подобным же образом позиция окружающих транслируется в песне «Бездельник»: «Болтаюсь, целый день гуляю. / Не знаю, я ничего не знаю. / Я бездельник, о-о, мама-мама (...)» [8, 21]. По замечанию Ю.В. Доманского, субъект «Бездельника» – «примитивный лентяй, своим поведением отвечающий представлениям старшего поколения о молодёжи» [2, 126]. Он называет себя словом, которым его «награждает» толпа, причём это негативное мнение принимается им как имеющее право на существование. Да, с чьей-то позиции я – бездельник, мы – те ещё фрукты. Не все могут меня (нас) понять, но есть мы, и этой группы единомышленников вполне достаточно. Более того, в «Моём настроении» лирический субъект заявляет: «Я никому не нужен и никто не нужен мне», а следовательно, потребность в единомышленниках существует не всегда.

В этом же тексте появляется самоназвание «поколение Икс, поколение Ноль». Под иксом традиционно понимается неизвестное, тогда как ноль – это, с одной стороны, ничто, а с другой стороны – некая отправная точка, с которой может начинаться нечто новое.

Лирический субъект утверждает, что он и ему подобные не похожи на окружающих и не принадлежат этому миру: «Мы странны, нас узнать можно с первого взгляда. / Мы забыли про боль – пережатая голь. / Я не знаю, кому из нас здесь что-нибудь надо» [8, 239]. Выражение «пережатая голь» обладает негативной коннотацией и тоже может быть расценено как чужая точка зрения на группу «мы». Возможно, это позволяет увидеть разное отношение к одному и тому же явлению: так видим себя мы, а иначе смотрят на нас посторонние.

Похожая ситуация прослеживается в песне «Дети проходных дворов» из альбома 1985 года «Это не любовь». В третьем куплете лирический субъект заявляет: «Есть два цвета – чёрный и белый. / А есть оттенки, которых больше. / Но нам нет никакого дела / До тех, кто чёрный, кто белый. Мы, дети проходных дворов, / Найдём сами свой цвет» [8, 236]. Дети проходных дворов часто понимаются как поколение ленинградской молодёжи, выросшее в новых районах города, словно бы порождённое этим локусом. Они рвали связи с устоявшимися общественными представлениями и искали свой путь, или цвет, если следовать выражению Цоя. Разделение на черных и белых может восприниматься в узком смысле как расизм, а в более широком – как желание разграничить «хороших» и «плохих», которое так или иначе существует в любом обществе. Дети проходных дворов выше всего этого. Существенными для них должны оставаться природные законы: «Я знаю, что если зима – должен быть снег. / А если лето – должно быть солнце. / И я это знаю, я об этом пою. / Я надеюсь на то, / Что дети проходных дворов услышат меня» [8, 236].

Итак, в песнях из первого альбома группы «Кино», а также в «Детях проходных дворов» «мы» – это группа молодых людей, слишком рано выросших, непонятных для окружающих своей внешностью, равнодушием к материальным благам и общественным стереотипам («пережатая голь», «нам нет никакого дела / До тех, кто чёрный, кто белый»). Называя данную группу, Цой может использовать негативные наименования, даваемые обывателями. Однако не во всех произведениях Цоя понятие «мы» наделяется сходными характеристиками. В этом плане интересна песня «Троллейбус», написанная для альбома «46» в 1983 году. Во втором куплете лирический субъект так описывает ситуацию внутри троллейбуса: «Все люди – братья, мы – седьмая вода. / И мы едем, не знаю, зачем и куда. / Мой сосед не может, он хочет уйти. / Но не может уйти: он не знает пути» [8, 120]. Формула «все люди братья и сыны одного Бога» [6, 371], высказанная Л.Н. Толстым в религиозно-философском трактате «В чём моя вера?» плохо вписывается в общую картину мира лирики Цоя, где субъект часто ощущает себя и подобных себе как непонятых. В результате братские отношения перерождаются в отношения к «седьмой воде на киселе», вроде бы, родственникам, но столь дальним, что чувств к ним уже не испытывают. Их присутствие приходится терпеть вопреки собственному желанию. Здесь также присутствует элемент сарказма, сходный с тем, что позднее появится в песне «Бошетунмай»: «Все говорят, что мы вместе, / Все говорят, но немногие знают – в каком» [8, 266]. Это утверждение может быть расценено как указание или на ложь, или на разлад между словом и делом, который ещё со времён XIX века стал считаться характерной чертой русского человека.

Цой не пытается назвать причины разрушения связей между людьми или найти виновных в этом процессе. Вероятнее всего, перед нами просто констатация факта. Мирозрение рок-поэта всё более усложняется. В «Невесёлой песне», входящей в один из последних альбомов, «Звезда по имени Солнце», мы встречаем следующие строки: «Командиры армии лет, / Мы теряли в бою день за днём. / А когда мы разжигали огонь, / Наш огонь тушили дождём. / Мы сидим у разбитых корыт и гадаем на Розе Ветров. / А когда приходит время вставать, / Мы сидим, мы ждём» [8, 275].

Как можно трактовать образ командира армии лет? Человек, являющийся хозяином своей жизни, сам решает, как ему расходовать отпущенные судьбой годы. Тем не менее, насколько бы волевым этот человек ни был, он всё равно проиграет, ибо в итоге потеряет все дни своей жизни. Таков закон природы. При этом, как видно из последующих стихов, яркой чертой «командиров» является их пассивность, подчёркиваемая повтором глагола «сидим». Здесь

обнаруживается явный парадокс, так как от командиров ожидается активность, а не бездействие. В какой-то степени «мы» здесь являются поколением Ноль, речь о котором шла в песне «Моё настроение», но только ноль в данном случае не будет восприниматься как начальная и отправная точка, а выступит в своём самом прямом значении – ничто. Люди, не совершившие ничего и истратившие свою жизнь зря. Как уже упоминалось выше, «Невесёлая песня» – одно из поздних произведений Цоя, и именно в нём открывается лермонтовский смысл размышлений над судьбой поколения. К нему рок-поэт приходит постепенно. Более того, явного указания на то, что «командиры армии лет» – это особое поколение, в тексте нет. В результате образ этот может быть расширен до общества в целом, не ограниченного возрастными рамками. Это просто люди, которые сами в силах определять ход своего времени. Можно увидеть здесь определённую аналогию со стихотворением Арсения Тарковского «Жизнь, жизнь», в котором звучат слова «Я век себе по росту подбирал» [5].

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы о самономинании группы «мы» как варианте саморефлексии. Во-первых, давая самоназвания, Виктор Цой рефлексировал над судьбой своего поколения. В более раннем творчестве он определяет его как загадочное «поколение Икс», с которого начинается новая жизнь, или, наоборот, бесполезное (поколение Ноль). Последнее значение усиливается в позднем творчестве Цоя, соединяясь с концептом бездействия. Рок-поэт говорит о слишком ранней зрелости своего поколения, влекущей за собой и раннюю гибель («мы – рано созревшие фрукты, а значит нас раньше съедят»). Во-вторых, самономинация позволяет автору размышлять над отношением окружающих людей к его поколению через негативные номинации «фрукт» и «перекатная голь». Саморефлексия и рефлексия здесь прочно соединяются. В-третьих, горизонт видения лирического субъекта способен раздвигаться, и тогда в поле его зрения оказываются более широкие отношения внутри целого общества, а не какого-то частного сообщества, сформированного на основе возраста или близких интересов. Так происходит в песне «Троллейбус» и «Невесёлая песня». Парадоксальное выражение «Все люди – братья, мы – седьмая вода» отражает настроения разъединённости, присутствующие в обществе. Люди объединяются в группы чисто механически, а не на основе сходных мыслей или чувств. При этом лирический субъект сам понимает проблему и не склонен перекладывать вину на других. Самономинация обнаруживает саморефлексию героя как понимания трагического одиночества и невозможности вырваться из замкнутого круга.

Таким образом, саморефлексия на основе самономинации группы «мы» подключает песенную лирику Цоя к классическим вопросам русской литературы, делая её ещё одним звеном в цепи трактовки вечных тем.

Список литературы

1. Виктор Цой: дневник интервью // Житинский А. Цой forever. Документальная повесть. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. С. 428-500.
2. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada – Издательство Кулагиной, 2010. 232 с.
3. Лермонтов М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1985. 479 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Фрукт // Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/фрукт> (дата обращения 08.02.2019)
5. Тарковский А. Жизнь, жизнь // [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/tarkovskij/zhizn.htm> (дата обращения 08.02.2019)
6. Толстой Л. Н. В чём моя вера? // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т.23. С 305-465.
7. Турышева О.Н. Проза о читателе как форма саморефлексии литературы // Сибирский филологический журнал. 2010. С. 70-75.
8. Цой В.Р. Группа крови. М.: Эксмо, 2008. 320 с.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10***В.Н. Бараков д-р филол. наук**

Вологодский государственный университет, институт культуры и туризма,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,
Вологда, alisa-loo@yandex.ru

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В КНИГЕ В.И. БЕЛОВА «ЛАД»**

В работе представлены результаты анализа православных традиций и их интерпретации в главной исследовательской книге В.И. Белова о народной эстетике «Лад». Соединение социального, философского и духовного контекста позволяет по-новому взглянуть на его очерковую прозу. Актуальность творчества В.И. Белова объясняется не только социальной проблематикой, но и метафизической природой его творчества.

Ключевые слова: *В.И. Белов, православные традиции, народная эстетика.*

В научных работах последних лет творчество В.И. Белова исследуется с разных точек зрения (6). Особое место уделяется изучению категории соборности в его прозе (7). Так, Инна Чеботарева, рассуждая о соборности его произведений, выявляет коренное отличие понимания чувства свободы у В. Белова и его оппонентов: «В соответствии с русско-православной традицией писатель не приемлет свободу от семьи, долга, общества и принятых коллективных норм жизни» (8). В связи с этим, большой интерес представляет анализ интерпретации православных традиций в его главной исследовательской книге о народной эстетике «Лад».

Важнейшей ценностью в укладе крестьянской жизни была семья: «Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка» (1, С. 108).

Столетиями вырабатывалось общественное отношение не только к бытовой, но и интимной ее составляющей. Честь, совесть, стыд, целомудрие... Это были не просто громкие слова, от этих ценностей зависело нравственное и физическое здоровье народа: «Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, тоже считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация, и его называли уже не парнем, а мужиком» (1, С. 125 - 126).

От семейно-бытового уклада - прямой путь к святым для нас понятиям: Родина, Вера, Народ.

На **родине** все было родным, принадлежало к роду. «Ты какого роду-племени?» - вопрошали герои русских сказок.

«Родная деревня была родной безо всяких преувеличений. Даже самый злобный отступник или забудыжник, волей судьбы угодивший куда-нибудь за тридевять земель, стремился домой... Оторвать человека от родины означало разрушить не только экономическую, но и нравственную основу его жизни» (1, С. 108).

По народным представлениям, у каждого человека три матери: родная, крестная и Мать-Сыра-земля (Россия). «Земля - лоно предков, последний приют всех живущих на ней людей... Тяжким грехом считалась “матерная” брань, т.к. ругающийся “матерными” словами бранит свою собственную мать, общую для всех Мать Пресвятую Богородицу и, наконец, Мать-Сыру-Землю» (5).

Вера всегда жила в нашем народе. В советское время нельзя было говорить: «православие», - не беда, этому слову нашли замену: «духовность». Василий Белов с благоговением пишет в книге о церковных праздниках, обрядах, иконах: «Что же объединяет все школы и стили русского иконописного искусства, что делает его цельным, определенным? Отвечать на этот вопрос, вернее, ставить его, опять же как-то не очень уместно... Тайна художественного творчества останется тайной, сколько бы мы ни раскрывали ее. Раскрытая же, разгаданная тайна будет принадлежать науке, а не художественному творчеству» (1, С. 277).

В. Белов говорил в книге о крестинах как об утерянном обряде: «В настоящее время описываемый обряд почти повсеместно исчез...» К счастью, это таинство вернулось в нашу жизнь.

Русский **народ** – великий философ и поэт, созидатель нашей истории, и оценивать его надо по вершинам, а не по худшим его представителям.

Василий Белов в недавно опубликованной речи на писательском пленуме в Вологде говорил: «Бессмертный памятник литературы «Слово о полку Игореве» написан на столетие раньше плача Даниила Заточника и в другом месте. Новое слово выросло на одних и тех же корнях, питается одними и теми же соками, соками народной жизни. Оба Слова этих прочно спаяны народной жизнью, то есть православием и русским фольклором. Вот чем связаны оба этих литературных памятника» (4, С. 109).

Не только равнодушие, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование ее интересов - главная причина неудач всех реформ в России, начинаемых "сверху". Единственный путь, с точки зрения В.И. Белова, – действовать самим, возрождать народное самоуправление: «Новгородское и Псковское вече, как будто бы известное каждому школьнику, на самом деле мало изучено. Оно малопонятно современному человеку. Что это такое? Демократическое собрание? Парламент? Исполнительный и законодательный орган феодальной республики? Ни то и ни другое... Ясно, что такое явление русского быта, как сход, несший на своих плечах главные общественные, военные, политические и хозяйственные обязанности, имело и собственную эстетику, согласную с общим укладом, с общим понятием русского человека о стройности и красоте» (1, С. 208 – 209).

Василия Белова при жизни и после смерти снисходительно, а то и презрительно называли и называют «деревенщиком»: «Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!» (2, С. 45). Но Белов в «Ладе» разглядел в крестьянстве (и не только в крестьянстве!) носителя православного сознания.

Основу народной жизни сломать невозможно. Никому еще не удалось и не удастся. Лад может исчезнуть только вместе с народом: «Даже три века господства кочевников не научили его, к примеру, есть конину или умыкать чужих жен» (1, С. 106).

Так что же такое – беловский «Лад» в современности и вечности?..

«Многие русские поэты и писатели осознавали свое служение как пророческое, - говорит Патриарх Кирилл. - Нередко они первыми ставили вопросы, которые *со временем* (выделено мной – В.Б.) осознавались как общечеловеческие проблемы...» (3).

В самом начале своего великого и скорбного пути Василий Белов понял, в каком расколатом духовном пространстве мы находимся: «Наша культура, наша духовность где-то во времена Пушкина пошла по двум направлениям: светская культура и культура чисто духовная, религиозная. Они как бы разошлись, и один, чаадаевский или декабристский путь, а другой – путь наших священнослужителей, духовенства. Это было трагическое и, как мне кажется, искусственное разделение» (2, С. 59).

В годы, когда происходило так называемое «второе крещение Руси», Василий Белов предостерегал: «Продолжается многовековая борьба с христианством... Нынче нашу Родину распинают на этом кресте и суждено ли ей воскреснуть, зависит от нас самих» (2, С. 122).

Его призывы, обращенные к мыслящей национальной интеллигенции, остаются актуальными и сейчас.

Список литературы

1. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. - М., 1982. - 293 с., ил. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/vas/ily/lad/index.htm>
2. Белов В.И. Раздумья о дне сегодняшнем. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. – 368 с.
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Русская литература не должна утратить свой пророческий дар // Русская народная линия [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/12/24/patriarh_kirill_russkaya_literatura_ne_dolzha_utratit_svoj_progocheskij_dar
4. Пророческое слово Василия Белова. Речь Василия Белова на пленуме Союза писателей России в Вологде 9 декабря 1999 года // Родная Кубань. – 2017. - № 4. – С. 107 – 111.
5. Тульцева Л.А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России. - М., 1996. - С. 302.
6. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002; Широкова Л.В. Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Вологда, 2004; Крижановский Н.И. Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004; Аркатова Т.Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Владивосток, 2008; Дворянова Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2008; Сальникова Я.В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2011 и др.
7. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002; Крижановский Н.И. Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004.
8. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук,
³В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ¹А.Т. Хайруллин, ¹А.Д. Лифанова, ¹Р.Н. Зигитбаев,
¹С.А. Батанин, ¹Л.Р. Сайтумирова, ¹А.Ф. Мухлисов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,
³Бирский филиал Башкирского государственного университета

ОПЫТ ЖУРНАЛИСТКОЙ РАБОТЫ ПРИ СОЗДАНИИ МОНОГРАФИИ «РОССИЯ-ВЬЕТНАМ-2019» (ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЕДИНОБОРСТВА)

Согласно распоряжению от 3 октября 2018 года Президента Российской Федерации В.В. Путина объявлено о проведении в 2019 году Года России во Вьетнаме и Года Вьетнама в России. В Республике Башкортостан работают и учатся представители Вьетнама, для сбора информации о них использован метод анкетирования и интервью, который часто используется в журналистике при подготовке тематической монографии.

Ключевые слова: анкета, интервью, монография, Вьетнам, Россия.

3 октября 2018 года подписано Распоряжение Президента Российской Федерации о проведении в 2019 году Года России во Вьетнаме и Года Вьетнама в России. Республика Башкортостан на протяжении многих лет тесно связывает свои международные, экономические и культурные отношения с Республикой Вьетнам: в 1999 году Премьер-министр правительства Социалистической Республики Вьетнам Фан Ван Кхай встречался в Башкортостане с Премьер-министром РБ Р.И. Байдавлетовым; в 2002 году Чрезвычайный и Полномочный Посол в Российской Федерации Нго Тат То открыл в г. Туймазы конкурс исполнителей протяжного башкирского пения «Озон кой» с участием певцов из разных стран; в 2006 году Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации Нгуен Ван Нгань встречался с Президентом РБ; в 2008 году Премьер-министр Правительства РБ Р.С. Сарбаев провел встречу с Чрезвычайным и Полномочным Послом Социалистической Республики Вьетнам Буй Динь Зинем, в ходе встречи обсуждены вопросы сотрудничества между двумя республиками. В национальном составе Республики Башкортостан от 1 до 5 тыс. человек представлены: казахи, таджики, евреи, латыши, грузины, вьетнамцы, чеченцы, молдаване, греки. Вьетнамская диаспора в Республике Башкортостан не имеет своего отдельного издания, посвященного истории, культуре и единороствам. При подготовке празднования 100-летия Республики Башкортостан и республиканской системы здравоохранения предложено подготовить монографию о представителях Вьетнама, которые работают и учатся на территории республики. Среди национально-культурных объединений необходимо отметить Общество вьетнамских граждан, которое функционирует с 2002 года. При упоминании международных связей Башкортостана и Вьетнама следует отметить, что ежегодно около 200 человек проходят производственную практику рабочие и специалисты из Вьетнама.

Студенты Башкирского государственного медицинского университета совместно с Ассоциацией историков медицины и Союзом журналистов Республики Башкортостан вышли с инициативой создать тематическую монографию, посвященную Году России во Вьетнаме и Году Вьетнама в России, которая будет состоять из следующих трех больших разделов (история, культура, единороства) [1, 2]. Историческую часть предложено сделать с уклоном на народную медицину Вьетнама, которая находит широкий отклик сегодня в лечебной и

профилактической практике медицинских организаций республики. Особо будет представлена Вьетнамская война 1966—72 годов против США, также будут рассмотрены отдаленные последствия воздействия токсических соединений против мирного населения Вьетнама, которое в XXI веке привело к росту онкологических заболеваний в третьем поколении. Будет рассмотрен вопрос роста иммиграции вьетнамцев в Республику Башкортостан с начала 90-х годов XX века народов из стран Юго-Восточной Азии. Исторический метод в журналистике будет использован при написании материала о реализации продукции нефтеперерабатывающих заводах Башкортостана во Вьетнаме. Будет проанализирована работа Комитета защиты Мира при организации акций сторонников мира (Вахты мира, памяти, Недели действий за разоружение, Уроки мира и др.), митинги солидарности с народами Вьетнама. Также предполагается представить деятельность специалистов из Башкортостана при строительстве социализма во Вьетнаме на различных предприятиях и отраслях. Предприятие «Башнефть» участвовало в разработке нефтяных месторождений во Вьетнаме. Отражение культуры будет представлено в биографиях артистов Е.Н. Варламовой, которая создала запоминающийся образ современной девушки в танцах народов Востока, в частности вьетнамского. Президент Академии наук Республики Башкортостан, ректор Уфимского государственного нефтяного технического университета Рамиль Назифович Бахтизин награжден вьетнамским орденом Дружбы. (1986). Художник Ильдар Галимнурович Бикбулатов в 1984 году написал картины из серии «Вьетнам» [3]. Преподаватель Борис Гайсеевич Ахметшин в 1985—1987 годы работал преподавателем русского языка и литературы в Ханойском институте иностранных языков. В творчестве известного башкирского поэта Мустая Карима также есть цикл «Вьетнам недалёк», написанный в 1956 году. Известная танцовщица Рашида Гильмитдиновна Туйсина исполняла на высоком профессиональном уровне вьетнамские танцы. Художник Мансур Калтаевич Якубов написал в конце 60-х — начале 1970-х годов триптих «Вьетнам». Согласно Распоряжению Президента Российской Федерации организационный комитет по проведению перекрестного года будет состоять из 27 человек. Возглавит его зампредела правительства Максим Акимов. Координатором станет спецпредставитель президента по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой. Планируется, что Россия и Вьетнам нарастят взаимный товарооборот до \$10 млрд к 2020 году. Вьетнамский бизнес инвестирует в совместные проекты вдвое больше, чем российский. Бывший министр общественной безопасности, носитель воинского звания генерал армии, член политбюро ЦК Компартии и действующий президент Вьетнама Чан Дан Куанг недавно был принят в Кремле. Владимир Путин приветствовал коллегу как родного. Самый высокий рейтинг за рубежом у Президента РФ В.В. Путина во Вьетнаме (79%), по данным международного исследовательского центра Pew Research Center. В России его рейтинг всего на 2 п.п. выше (по данным ВЦИОМ). Российско-вьетнамский инвестиционный фонд планирует вложить \$500 млн в несырьевые проекты в первую очередь в фармакологию и сельском хозяйстве. «Согласовано более 20 крупных совместных инвестпрограмм (РФ и Вьетнама) на сумму около \$10 млрд». В 2013 году, когда Путин был с визитом в Ханое и договорился там о присоединении Вьетнама к Евразийскому союзу через зону свободной торговли, Россия занимала 19-е место среди 100 государств и территорий, инвестирующих во Вьетнам. Было зарегистрировано 92 российских инвестиционных проекта общей стоимостью \$1,9 млрд. В 2012 году двусторонний товарооборот, по подсчетам российской стороны, составил \$3,6 млрд. По данным вьетнамского правительства, товарооборот в 2012 году не превысил \$2,4 млрд.

В Республике Башкортостан вьетнамское единоробство Вовинам Вьет Во Дао получило развитие с 2008 года, когда на учредительном совете был выбран Председателем Совета и Президентом Федерации Фагит Явдатович Латипов. Федерация Вовинам Вьет Во Дао Республики Башкортостан зарегистрирована 27 января 2009 года в Министерстве Юстиции РФ по Республике Башкортостан. Инициатива создания Федерации Вовинам Вьет Во Дао РФ исходила от Латипова Фагита Явдатовича при поддержке Президента Федерации Вовинам

Вьет Во Дао РФ Юрия Владимировича Попова. В настоящее время в Республике проводятся более 20 соревнований различного спортивного и возрастного уровня по борьбе Вовинам Вьет Во Дао и подготовлено более 200 квалифицированных спортсменов, среди которых достаточное количество обучающейся молодежи. В 2019 году в Уфе планируется провести международный турнир, посвященный перекрестному году Вьетнама и России.

Выводы:

1) Опыт работы в Союзе журналистов Республике Башкортостан позволил сделать концепцию и макет монографии «2019 год — Год России во Вьетнаме и Год Вьетнама в России».

2) Основным принципом группировки статей будут три направления (история, культура, спортивные единоборства), основными методами в журналистской работе – интервью и анкетирование.

3) Объем статей будет зависит от количества условных печатных знаков, которые необходимо заложить в словник, как ориентир для авторов, редакторов, корректоров и др.

Список литературы

1. История развития лечебной физической культуры в Республике Башкортостан / А.У. Киньябулатов, Д.А. Еникеев, Г.И. Мокеев, Е.Г. Мокеева, Т.З. Аминов // Медицинский вестник Башкортостана. Уфа, 2008, Том 3, №2. - С.31-33.
2. Вклад Врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Рес-публики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
3. Отображение истории медицины Башкортостана в работах членов Союзов художников СССР и России / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.М. Ярмухаметова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.25-27.

10.01.10

Т.А. Наговицина канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ МАСС-МЕДИА СИЛОВЫХ СТРУКТУР
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

Исследование посвящено научной проблеме корпоративных коммуникаций силовых структур Республики Татарстан. Автор обобщает опыт силовых ведомств Татарстана, анализирует работу пресс-служб Министерства внутренних дел РФ по Республике Татарстан и Федеральной службы исполнения наказания РФ по Республике Татарстан. Данные пресс-службы обладают огромными возможностями воздействия на общественное мнение.

Ключевые слова: *Корпоративные коммуникации, пресс-служба, Республика Татарстан, масс-медиа.*

Сегодня корпоративные коммуникации востребованы как никогда. Их цели и задачи продиктованы временем и апробированы корпоративными средствами массовой информации. Корпоративные коммуникации, представляющие сегодня систему управления внутренними и внешними информационными потоками, нацелены, в первую очередь, на создание и продвижение положительного имиджа организации или ведомства.

С понятием «корпоративные коммуникации» тесно связано и понятие «корпоративная культура», поэтому пресс-службы силовых структур обязаны своей культурой поведения и всей деятельностью показывать пример другим. Эффективное использование феномена корпоративной культуры и корпоративных коммуникаций – залог решения многих вопросов, стоящих перед силовыми ведомствами.

Среди методов информационной поддержки пресс-служб силовых структур стоит выделить сайты данных ведомств. Так, на сайте МВД РФ по Республике Татарстан есть раздел «Все новости», который, в свою очередь, имеет рубрики: «В центре внимания», «Противодействие коррупции», «Громкие дела» и др. Материалы данных рубрик интересуют не только сотрудников внутренних дел, но и большую часть населения Республики Татарстан. Каждый желающий может подписаться на рассылку новостей. Активное использование мультимедиа делает сайт более интересным и востребованным. На сайте можно также познакомиться с проектами МВД РФ по РТ. Таким образом, на лицо широкие возможности корпоративных коммуникаций. Посетители сайта получают проверенную и объективную информацию, что называется из «первых рук».

В последние годы сотрудники полиции потеряли авторитет среди населения. Возродить его – одна из задач корпоративных коммуникаций. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что спрос на корпоративные коммуникации есть. В этом заинтересованы обе стороны. Вошедшее в профессиональный обиход словосочетание «корпоративные коммуникации» охватывает современный, инновационный подход к решению традиционных задач – информирования, рекламы и дизайна.

Показателен в плане корпоративных коммуникаций и сайт Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Республике Татарстан (ФСИН РФ по РТ). Деятельность данной пресс-службы направлена на получение объективной информации журналистами местных и федеральных СМИ о работе данного ведомства.

Отдельно стоит выделить проведение сотрудниками пресс-служб силовых ведомств «горячих линий» и «телефоны доверия», пресс-конференции и брифингов. Данные традиционные формы сегодня не только не потеряли своей популярности, но и стали более

интересными, современными и востребованными. Показ слайдов и презентаций позволяет участникам подобных мероприятий наглядно видеть, как обстоят дела в районных отделах внутренних дел Республики Татарстан и в исправительных учреждениях Республики Татарстан.

В применении традиционных форм информационной поддержки, как показывает практика, использование корпоративных коммуникаций и их влияние на определенную целевую аудиторию остаются по-прежнему актуальными.

Пресс-конференции и «круглые столы» сотрудники пресс-службы ФСИН РФ по РТ проводят, как правило, в случаях либо ознакомления с новыми законами, связанными с жизнью осужденных, либо в случаях возникновения необходимости в выяснении спорных вопросов с общественностью и привлечении ее внимания к решению какой-либо проблемы. Участие журналистов пресс-служб силовых ведомств в проводимых подобного рода мероприятиях значительно расширяет их журналистские контакты и способствует повышению эффективности воздействия выше перечисленных пресс-служб уже на более широкую целевую аудиторию.

Примером проведения «круглого стола» может служить прошедшее 14 февраля 2019 года в Казани мероприятие, на котором были подведены итоги работы имамов-кураторов, занимающихся тюремным служением в исправительных учреждениях Республики Татарстан.

Кроме того на основании проведенного нами исследования работы пресс-служб МВД РФ по РТ и ФСИН РФ по РТ можно выделить два типа взаимодействия с массовой аудиторией. Первый - прямое общение и непрямое, которое не связано с личным контактом. В последнем случае контакт устанавливается посредством переписки по обычной почте, электронной почте и в Интернете. Сотрудники пресс-служб силовых ведомств Республики в настоящее время активно и эффективно используют в своей работе социальную сеть ВКонтакте. В Республике Татарстан в настоящее время активно в своей работе используют социальные сети.

Следует отметить, что комплексного исследования применения инновационных методов в работе органов внутренних дел Республики Татарстан и пенитенциарной системы Республики Татарстан не проводилось. Имелись исследования, посвященные анализу информационных приоритетов, языковых, жанровых элементов [1]. Данное исследование проведено с целью определить масштабы и разнообразие используемых данными ведомствами коммуникативных технологий, дать оценку их эффективности, сформулировать рекомендации по повышению результативности работы специалистов пресс-служб указанных ведомств.

С учетом того, что долгое время об уголовно-исполнительной системе было практически ничего неизвестно общественности, все материалы носили гриф секретности практически до 1990-х годов и в настоящее время существуют определенные режимные ограничения данные формы информационной поддержки являются самой эффективной формой взаимодействия между руководством ФСИН РФ по РТ и журналистами региональных изданий, так как последние получают информацию напрямую. Они могут задать любой интересующий их вопрос и получить компетентный ответ.

Как правило, вопросы позиционирования внутрикорпоративных СМИ возникают у масс-медиа с небольшим сроком функционирования. Для его обеспечения, в первую очередь, важно определение реального состояния целевой аудитории, ее запросы. Анализ социально-психологических настроений читателей сможет дать основу для выработки рекомендаций по улучшению выступлений сотрудников пресс-служб силовых ведомств.

Вопросы репутации, этики и доверия особенно важны для внутрикорпоративных специализированных медиа. Ведь в них помещаются новости местного уровня и в случае недостоверно поданной журналистами пресс-служб информации уличить их в сокрытии или преувеличении каких-либо фактов не составит особой сложности.

Основной принцип позиционирования, как считают Дж. Траут и Э. Райс, состоит не в том, чтобы создавать нечто новое и отличное от других, а в манипулировании тем, что уже живет в умах потребителей, (в нашем случае читателей), использовать уже имеющиеся связи [2, с. 45].

На сайте ФСИН РФ по РТ можно найти информацию не только для сотрудников данного ведомства, но и для осужденных и их родственников.

Руководство ФСИН РФ по РТ в целях воспитательной работы с осужденными стараются привлекать различные службы и ведомства. Сотрудники Республиканского центра социально-правовой помощи молодежи при поддержке ФСИН проводят консультации для осужденных на правовую и социальную тематику, помогают осужденным с устройством на работу после выхода из исправительных учреждений. В рамках профилактики наркомании сотрудниками Госнаркомконтроля регулярно проводятся лекции с осужденными.

Цель корпоративных коммуникаций в данном случае уже достигнута - установлены отношения между руководством ФСИН РФ по РТ и родственниками осужденных. При желании каждый из родственников лиц, находящихся в местах лишения свободы имеет возможность не только лично связаться с начальником ФСИН РФ по РТ по телефону (контакты указаны), но и получить письменный ответ на интересующий их вопрос.

Технологии он-лайн сегодня прочно вошли в нашу жизнь, значительно изменив современные медиа системы. По этому поводу Е.Л.Вартанова отмечает, что важной особенностью природы СМИ, оказывающей серьезное влияние на медиаэкономику, является их зависимость от технологического прогресса в информационно-коммуникационной сфере. [3, с. 67].

Таким образом, мы пришли к выводу, что в Республике Татарстан, как и во всей России, накоплен достаточно большой опыт работы корпоративных коммуникаций. Есть все условия для того, чтобы они успешно развивались и совершенствовались. Развитие корпоративных коммуникаций сегодня можно назвать одной из форм инновационного развития региональных масс-медиа.

Список литературы

1. *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003.-336 с.
2. *Наговицина Т.А.* Корпоративная пресса пенитенциарной системы: особенности развития и функционирования // Связи с общественностью в государственных структурах №2, 2012. - С.74-79.
3. *Траут Дж. И. Райс Э.* Позиционирование. Битва за узнаваемость. СПб: Питер, 2004. – 256 с.

10.01.10

В.М. Нелькенбаум

Башкирский государственный университет,
факультет башкирской филологии и журналистики,
кафедра русской и сопоставительной филологии,
Уфа, rabeda85@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

В работе представлены результаты изучения концептуального пространства произведений Б.Л. Пастернака. В статье подробно рассматривается история данного вопроса в трудах значимых исследователей рубежа веков. Также описывается система концептов, которые оказываются наиболее частотными в творчестве Б.Л. Пастернака.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, концептуальное пространство, мифологическое восприятие, мифомышление, творческое мышление.*

Концептосфера творчества любого писателя или поэта, в том числе и Б.Л. Пастернака, зависит от особенностей его познания и восприятия действительности, являясь фундаментом философско-эстетических взглядов мастера литературного слова, которые пристально рассматривались современными литературоведами.

Философско-эстетическое мировосприятие Б.Л. Пастернака, по мнению В.С. Баевского [1], выражается в глубоко индивидуальном понимании литературного процесса, которое связано с пониманием основ мироздания, с очеловечиванием явлений природы, с неподдельными чувствами, напоминающими чем-то первобытное ощущение при первом восприятии окружающей действительности.

Л.Л. Горелик [3] в своем исследовании рассматривает взаимосвязи обыденности и творчества, которые восходят к мифологическим представлениям о мире. Мы полагаем, что судьба художника и этапы становления его творчества зависят именно от мировосприятия окружающего мира самим писателем и поэтом.

А.Г. Маслова [4] в своем исследовании также рассматривает пространственно-временную организацию произведений Б.Л. Пастернака, уделяя внимание ключевым аспектам поэтики хронотопов в произведениях интересующего нас автора: она приходит к выводу, что в творчестве Б.Л. Пастернака отмечается проявление динамичности, напряженности, хаотичности, а «отсутствие границ» в произведениях идет параллельно со «всеобщей сцепленностью», выражающейся в связности предметов, событий и явлений [4, с. 17].

Е.М. Тюленева в диссертационной работе также изучает мифопоэтику Б.Л.Пастернака, анализируя в его лирике и прозе «мифомышление и концепцию безумного искусства» как два эстетических плана, друг друга предопределяющих [9, с. 7].

В диссертационной работе А.В. Радионовой анализируется на материале произведений Б.Л.Пастернака своеобразие природных образов, особое внимание при этом уделяется их взаимовлиянию и взаимосвязи в художественном мировоззрении автора [8].

Т.А. Мегириянец в своем исследовании также анализирует концептосферу Б.Л.Пастернака, исследуя содержание концепта «город» в творческом мировосприятии автора [5].

О.В. Богданович рассматривает особенности становления русской лирики первой трети XX века, особенно отмечая при этом разнообразие и креативность образов и мотивов в произведениях Б.Л.Пастернака [2].

Анализируя своеобразие философского мировоззрения Б.Л.Пастернака, мы также обращаемся к трудам М. Окутюрье, который называет в произведениях писателя ключевым понятие «жизнь» как «эмблему его философии» [6, с. 269].

Таким образом, мы можем резюмировать, что в произведениях Б.Л.Пастернака в полной мере отражаются основные позиции его философско-эстетических взглядов, его воззрения на сущность творческого процесса и на предназначение художника в нашем мире. При этом нам известно, что на становление художественного мировоззрения Б.Пастернака оказывали влияние его увлечения музыкой и живописью, а также философские беседы с профессором Г.Когеном и философская теория Г. Шпета, согласно которой возможно рассматривать словесный образ в качестве живого, многоуровневого организма, который обретает новое значение заново во взаимоотношениях с разными сферами бытия [10].

Таким образом, мы можем отметить, что в художественном мире Б. Пастернака природные явления от явлений культуры не отделяются, а творчество автора в себя включает даже самые незначительные детали мира природы и мельчайшие крупинки культурного пространства. Соответственно, именно симбиоз природных и культурных концептов в творчестве Б.Л.Пастернака представляет собой фундамент философско-эстетических взглядов писателя, которые легли в основу его индивидуально-авторской манеры, отражающей исключительно сущность писательского таланта.

По мнению Б.Л. Пастернака, все сферы жизни, должны быть пропитаны философией красоты и гармонии; именно природой, по мнению автора, вносится в обычную жизнь человека гармония и красота. Именно мир естества в творчестве писателя становится отражением настоящей жизни. Образы в творчестве Пастернака, связываемые автором с природными стихиями, всегда важны и концептуально глубоки. С точки зрения Б.Л.Пастернака, именно стихии воздуха, земли, воды, огня ассоциируются с грубой, неистовой, природной силой, отражающей масштабы величия мира природы.

Соответственно, мы полагаем, что содержание концептов, связанных со стихиями природы, в художественном мировоззрении автора во многом связано с первобытными представлениями людей о появлении и развитии стихий природы [7, с. 491]. Например, в произведениях писателя концепт «земля» связывается с устойчивостью или неустойчивостью существующего Мира, к которому творчестве Б. Пастернака обращен также образ гор, выступающих отражением вселенской природной мощи.

В художественном мире Б.Л.Пастернака в концептах, связанных с миром природы, выражается творческое мировоззрение автора, связанное с пониманием и принятием бесконечности существующей Вселенной, с осознанием зыбкости границ между явлениями бытия. К примеру, водная и воздушная стихии писателем воспринимаются, с одной стороны, в качестве источника жизни, а с другой – как выражение призрачности и «прозрачности» мира, через которые, как через вселенскую лупу, преломляется привычное восприятие бытия и проявляются его яркие и необычные элементы.

Кроме того, не менее значимыми в творчестве писателя становятся концепты, которые обращены к культурному пространству и мировому наследию. Например, в концептосфере писателя понятие дома расценивается в качестве такого особенного места, где робко зарождается писательский гений, где закладывается основа личностного и творческого самосознания.

Соответственно, концептосфера прозы Б.Л.Пастернака содержит в себе перечень взаимосвязанных концептов, которые представляет собой развивающуюся систему авторских взглядов на организацию и существование основ вселенской мудрости, среди которых наибольшее внимание автора привлекают взаимоотношения таланта и окружающей действительности.

Таким образом, концептосферу произведений Б.Л.Пастернака составляют разнообразные группы концептов, которые связаны с природными явлениями (концепты воздуха, огня, воды, земли), культурными элементами (концепты города, дома), категории, которые отражают внутренние чувства талантливого человека (концепты любви, счастья, игры, детскости). Следовательно, концептосферу писателя составляют такие концепты, в которых проявляется желание автора объединить в себе и вокруг себя все сферы жизни, внося своими произведениями в повседневную жизнь красоту, гармонию и любовь.

Список литературы

1. *Баевский, В.С.* Пастернак лирик: основы поэтической системы. – Смоленск: Трасти-маком, 1993. – 238 с.
2. *Богданович, О.В.* Эволюция темы творчества в русской лирике первой трети XX века (В. Я. Брюсов, А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак): автореф. дис... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2008. – 20 с.
3. *Горелик, Л.Л.* Ранняя проза Пастернака: миф о творении. – Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2000. – 172 с.
4. *Маслова, А.Г.* Поэтика хронотопа в раннем творчестве Б.Л. Пастернака: автореф. дис... канд. филол. наук. – Киров, 2003. – с. 17.
5. *Мегирьяни, Т.А.* Концепт «город» в творчестве Б. Пастернака: дис... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 198 с.
6. *Окутюрье, М.* Поэт и философия // Литературоведение как литература: сборник в честь С. Г. Бочарова / отв. ред. И.Л. Попова. – М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – с. 269.
7. *Пыхтина, Ю.Г.* Структура психологического пространства в лирике Б. Пастернака // Фундаментальные исследования. – 2013. – №8-2. – с. 491.
8. *Радионова, А.В.* О мотивах и образах, связанных с темой огня, в творчестве Б. Пастернака // Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма: итоги исследования в XX веке: материалы науч. конф. – Смоленск: СГПУ, 2000. – с. 124 - 132.
9. *Тюленева, Е.М.* Творчество Б. Пастернака 1910-1920-х годов: мифо-мышление и поэтика текста: автореф. дис... канд. филол. наук. – Иваново, 1997. – с. 7.
10. *Фатеева, Н.А.* Поэт и проза. Книга о Пастернаке. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.
11. *Фаткуллина Ф.Г.* Концептуальные метафоры с семантикой температурной деструкции // Исследования по семантике, Вып.26. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С.200-206.
12. *Galina G. Fefelova, Flyuza G. Fatkullina, Almira K. Suleymanova, Amina Sh. Abdullina, Zemfira S. Akhmatyanova.* The Concept of "Laughter" as a Form of Humorous Discourse (Using the Example of the Novel "12 Chairs" by I. Ilf and E. Petrov) // Modern Journal of Language Teaching Methods, Vol. 8, Issue 9, September 2018, pp.294-303.

10.01.10

С.А. Форостецкий

Северо-Кавказский федеральный университет,
Гуманитарный институт,
кафедра рекламы и связей с общественностью,
Ставрополь, forest10000@mail.ru

ДИСКУРС ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

В работе исследуются теоретико-методологические основания понятия «дискурс вооруженного конфликта в СМИ» (далее ДВК в СМИ), как одного из подтипов языкового дискурса, транслируемого современными медиа.

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивная гетерогенность, дискурс вооруженного конфликта в СМИ, ДВК в СМИ, типы дискурса.*

В современном мире понятие языкового дискурса проявляется во всех сферах общественной жизни. Дискурсивная типология, используемая во время общения реципиентов (экономическая, военная, религиозная и т.д.) за счет постоянного взаимодействия главных институтов общественной жизни, пересекаясь между собой, непрерывно видоизменяется и порождает все новые подтипы.

Одним из них является дискурс вооруженного конфликта в СМИ, о котором в своих научных трудах говорит В.А. Амиров, заявляя о том, что он представляет собой совокупность политических, собственно военных, гуманитарных, юридических, этических и иных составляющих публикаций российских печатных СМИ, посвященных проблематике вооруженных конфликтов последнего времени. [1] Естественно, что речь здесь идет не только о совокупности различных публикаций СМИ, но и о ряде типов дискурса, в результате смешения которых был выявлен этот подтип.

Основной сложностью в изучении данного понятия мы считаем выявление основных характеристик типов дискурса, которые были использованы в процессе создания этого подтипа. «Чистый» вид дискурса представляет собой каноническую систему, построенную на определенном списке правил, по которому должен строиться любой тип современного персонального и институционального языкового дискурса. Однако в реальной жизни носители языка часто нарушают правила построения дискурса, сами того не зная искажают его структуру, что в дальнейшем затрудняет его принадлежность и выявление внутри новообразованного подтипа, такого как ДВК.

Методы исследования. Исследование опирается на принцип диалектической взаимосвязи мышления, языка и действительности; феноменологический метод, направленный на установление корреляции и знаковых единиц с интенциональными структурами сознания в процессе смыслообразования. В качестве общенаучных методов в исследовании применялись структурно-семиотический подход, институционально-дискурсивный метод, коммуникационный и деятельностный подходы.

К истории вопроса. Теоретической основой исследования понятия «дискурс», а также видоизменение его типов стали труды отечественных и зарубежных ученых по теории и практике дискурса, теории в области социологии, психологии и культурологи.

В начале XXI века предметом внимания многих российских ученых становится потенциал языкового дискурса в различных общественных институтах [Карасик 2002, Кара-Мурза 2014, Кашкин 2010]. Интерес ученых вызывает и проблема интеграции таких моделирующих систем современного социума, как военный, политический и дискурс СМИ, а также дискурс вооруженного конфликта в СМИ [Амиров 2017, Шейгал 2000, Уланов 2014]. Однако остается большое количество вопросов в интерпретации границ этих типов и подтипов дискурса, которые касаются их взаимодействия в языковой системе.

В настоящее время в российской и зарубежной науке нет единого и четко сформулированного определения «дискурса» и «дискурса военного конфликта». Наиболее приемлемыми для нас понятиями этих определений являются термины В.И. Карасика и В.М. Амирова. В.И. Карасик предлагает называть дискурсом общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. [3] В.М. Амиров называет дискурсом военного конфликта в СМИ совокупность политических, собственно военных, гуманитарных, юридических, этических и иных составляющих публикаций российских печатных СМИ, посвященных проблематике вооруженных конфликтов последнего времени. [1].

Анализ материала. Различные подходы к интерпретации ДВК СМИ связаны с разнородностью освещаемых событий.

Основные типы дискурса (политический, военный, экономический и т.д.) представляют собой строгие по форме виды языковой коммуникации в различных институтах, которые можно классифицировать с помощью выделения в тексте следующих параметров: частная тема; жанровый критерий; форма передачи информации: устные, письменные, радио и теле жанры; внешняя форма: диалогические и монологические жанры; место в структуре: маргинальные и прототипные жанры; способ выражения: осложненные и вербальные жанры; характер дискурса: личностный и институциональный дискурс; временной план; национально-культурный параметр.

При рассмотрении ДВК в СМИ исследователи сталкиваются с проблемой выделения этих параметров, так как внутри него могут проявляться сразу несколько частных тем, жанровые критерии могут выглядеть искаженно, а внешняя форма может одновременно включать в себя и диалогические и монологические параметры.

На наш взгляд, вышеперечисленные типы дискурса и ДВК являются разными понятиями, поскольку их характерные черты разнятся, что видно при рассмотрении каждого из них по отдельности.

Несмотря на всю строгость структуры и признаков этих типов дискурса, они кардинально видоизменяются, попадая в среду СМИ. При этом происходит процесс дискурсивной гетерогенности, который влечет за собой появление в языке новых подтипов дискурса, к которым мы относим и ДВК в СМИ.

Для того чтобы детально разобраться в сущностных и функциональных особенностях ДВК в СМИ, нам необходимо выявить в нем признаки основных типов дискурса, а так же определить, в чем заключается отличие этого типа от тех, о которых мы говорили ранее. На наш взгляд, к ним относятся: непосредственно дискурс СМИ, военный и политический дискурсы.

В.М. Амиров, говоря о ДВК в СМИ, заявляет, что дискурс вооруженного конфликта выделяется из дискурса СМИ, благодаря специфическим характеристикам, которые присущи только этому подтипу. Среди этих них он выделяет следующие:

1. Особенности способы поиска, анализа и интерпретации информации, получаемой в том числе с помощью личного наблюдения журналиста, непосредственно работающего в боевой обстановке;
2. Особые способы конструирования образов героя и антигероя;
3. Особые приемы проверки поступающей информации;
4. Аргументация;
5. Высокая эмоциональность, отличающая этот вид дискурса от журналистского дискурса вообще. [1]

Все эти характеристики проявляются в текстах СМИ, освещавших события происходившие на Украине во время Майдана, и для того чтобы доказать уместность выделения ДВК в СМИ в отдельный подтип дискурса, проанализируем несколько текстов печатных изданий, в которых, по нашему мнению, ДВК проявляется наиболее ярко.

19 февраля 2014 года вышла статья с заголовком «От Евроинтеграции – к всеукраинскому хаосу. В Киеве горят здания и льется кровь», в которой в полной мере проявляется дискурс военного конфликта.

Например, во фрагменте статьи *«**Бои** начались в нескольких точках: в правительственном квартале и к вечеру распространились на весь центр города: люди бросали **коктейли молотова** в офисы Партии регионов и в отделения милиции, били витрины дорогих бутиков и банков, крушили автомобили премиум-класса. К моменту сдачи номера в печать было известно о сотнях **раненых** и троих **погибших**. СБУ и МВД выступили с совместным заявлением, в котором дали радикалам время на то, чтобы уйти с улиц - до 20.00 (мск), после чего пообещали жесткую **зачистку**.»* [5], довольно последовательно внедрены языковые единицы, присущие военному дискурсу: «**бои**», «**коктейли молотова**», «**раненых**», «**погибших**», «**зачистку**» и т.д. Всего в статье найдено 29 лексических единиц, которые присущи военному дискурсу. Это: *силовое противостояние (2 раза), бои (2 раза), выстрелы, взрывы, силовиков (2 раза), бронезилете, стреляют, снайперы, огнестрельное оружие, линии обороны, военные машины, наемники, бойцов, целились, стреляли, пулями, светошумовые гранаты. гранатам, тяжелые ранения, раненых, войска, захваченные, БТР, войну (2 раза) взрыв.* Таким образом, выявлены языковые признаки военного дискурса в этом тексте.

Лексем, которые употребляются в среде политического дискурса, было найдено еще больше. К ним мы отнесли: *«Партии регионов»(7); правительство(2) правительственный(4), правительственного(2); митингу (2); парламент (3), парламенте (4), парламентские; конституции(7), конституцию, конституционной(3), конституционного; депутат (3), депутатов(4); партия власти (4); оппозиция(9); реформа (7); президента(7); президентские(5), пропрезидентским(2); выборы(5); партии(7); власть(11); политик(4) политика, политического, политическую, политико-правовое; люстрация; Верховная Рада(6); правящей(3); спикер/спикера(2); фракции(4); конституционной(4), конституции; формы правления; реформе(3); голосование(3), проголосовать, советник; демонстрацию, демонстранты, демонстрантам; министров; госадминистрации(2); коммунистов; МИД; Госдеп; Минфин.*

Итак, проанализировав языковую специфику статьи, мы смогли выделить две лексических группы слов, которые относятся к разным типам дискурса, однако находятся во взаимодействии. Это говорит о том, что в данном тексте произошел процесс дискурсивной гетерогенности. Однако говорить о ДВК в СМИ пока рано, так как нами обнаружены лишь языковые единицы военного и политических дискурсов.

Для того чтобы определить, является ли данная статья предметом дискурса вооруженного конфликта, мы рассмотрели ее с целью выявления характеристик, предложенных В.М. Амировым, приведенных ранее.

В процессе анализа статьи нами были выявлены несколько из вышеперечисленных характеристик. Авторы материала активно использовали **особые способы конструирования образов героя и антигероя**. Это проявляется во фрагментах статьи, в которых авторы с помощью различных языковых средств «демонизировал» участников протестных акций: *«...люди бросали коктейли молотова в офисы Партии регионов», «...били витрины дорогих бутиков и банков, крушили автомобили...», «СБУ и МВД выступили с совместным заявлением, в котором дали радикалам время...», «Толпа теснила силовиков...», «толпа сметала линии обороны одну за другой. По пути жгли автобусы и военные машины.... А также громили...».* В данных отрывках мы зафиксировали процесс «демонизации» участников протестных акций, которых авторы материала неоднократно назвали «толпой», которая несла разрушения и сама провоцировала конфликты с силовиками.

Киевские власти фигурировали в данном материале нейтрально: *«представители правящей партии», «партия власти», «глава государства»* и т.д.

Не менее ярко в этом тексте проявляется и такая характеристика, как **высокая эмоциональность, отличающая этот вид дискурса от журналистского дискурса вообще.**

Этот признак проявляется в настоящем материале в большом количестве эмоционально-окрашенных единиц, встречающихся в процессе анализа статьи. Среди них были выделены следующие: *крушили, сметали, громили* (вместо нейтрального «уничтожали»), *радикалам* (вместо «участникам протестных акций»), *зашла в тупик* (вместо «не была решена») и т.д.

При помощи анализа статьи, путем выявления основных характеристик, присущих ДВК в СМИ, мы выяснили, что дискурс данного текста относится к «дискурсу вооруженного конфликта», который целесообразно обозначить как результат дискурсивной гетерогенности политического, военного дискурса и дискурса СМИ.

Выводы. Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем, что различные типы дискурса в чистом виде существуют крайне редко; по факту все типы дискурса обусловлены различными языковыми границами, каноническими нормами и т.д. В жизни носитель языка постоянно их нарушает, затрудняя инициализацию дискурса во время исследования. Усложняют задачу исследователей и СМИ, деятельность которых провоцирует возникновение все новых и новых подтипов дискурса, появляющихся в процессе дискурсивной гетерогенности. СМИ никогда не используют какой-либо дискурс в «чистом» виде, а объединяют сразу несколько его типов (включая дискурс СМИ).

Необходимо отметить, что использование СМИ военного и политического дискурсов в «чистом» виде окажется непродуктивным, так как аудитория, использующая эти информационные каналы, привыкла к получению информации посредством живого языка, наполненного различными средствами художественной выразительности, просторечиями, жаргонизмами, фразеологизмами – одним словом всем тем, что делает информацию не только полезной, но и интересной, живой к восприятию.

Список литературы

1. *Амиров В.М.* Журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов: особенности формирования функционирования // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г). — 2017. — С. 212-213.
2. *Дзялошинский И.М.* Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезным людям. — М.: Престиж, 2006. — С. 100.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг, личность, концепты, дискурс. — В.: Перемена, 2004. — С. 78.
4. Официальный сайт «Независимая газета» URL: http://www.ng.ru/cis/2014-02-19/1_ukraina.html?print=Y (дата обращения 15.11.2018)

10.01.10

А.Р. Шакурова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра телепроизводства и цифровых коммуникаций,
Казань, veiy@mail.ru

**МЕДИЙНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ О
ЕВРОПЕЙСКОМ МИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ДЖАНФРАНКО РОЗИ «МОРЕ В ОГНЕ» 2016 Г.)**

Данная статья посвящена проблеме миграционного кризиса 2015-2016 гг. в Европе и отражению этой проблеме в медиатекстах. Нами были изучены медийные стереотипы о мигранта и беженцах, представленные в документальном фильме европейского кинорежиссера Джанфранко Рози «Море в огне». Мигранты и беженцы являются уязвимым меньшинством, которое может быстро стать козлом отпущения за проблемы общества. Об этом и о судьбе европейцев как принимающей стороны рассказывает автор фильма.

Ключевые слова: *медийный стереотип, Европа, Лампедуза, миграционный кризис, беженцы, документальный фильм, «Море в огне».*

ВВЕДЕНИЕ

В течение 2015 года телевизионные экраны и газеты были заполнены историями о страшной гибели и страданиях тысяч людей, спасающихся от войны на Ближнем Востоке или от угнетения и нищеты в Африке. Мигранты и беженцы являются уязвимым меньшинством, которое может быстро стать козлом отпущения за проблемы общества: социальный и экономический упадок, преступность и безработица, давление на службы социального обеспечения и отсутствие безопасности. Европейская общественность серьезно озабочена происходящим на экранах. В 2016 году прошел симпозиум «Refugees and Migrants, the inconvenient truths – Journalism against bias and stereotypes», посвященный работе различных СМИ при освящении европейского миграционного кризиса. Ноябре того же года был проведен круглый стол «Europe's Migration And Security Nexus: The Role Of The EU And The UN». И обсуждения, попытки решения возникающих в связи с миграционными процессами в Европе проблем не остановились. Форум 2017 года «Towards a Global Social Contract on Migration and Development» и «The European Migration, Border and Security Roundtable 2018» также посвящены темам адаптации мигрантов. И упоминаний о подобных мероприятиях действительно много.

Российские медиа рисуют крайне мрачную картину. Именно этот кризис приводит к изменениям представлений россиян о Европе. Согласно опросу, проведенному Левада-центром [3] в 2015 году около 60% россиян негативно воспринимали Европейский союз. После проведения домашнего Чемпионата мира по футболу можно говорить о серьезном изменении в симпатиях граждан нашей страны. К Евросоюзу в конце июля 2018 года хорошо относятся 42% опрошенных. Анализируя состояние участников современного миграционного кризиса по сообщениям в СМИ, мы все больше склоняемся к необходимо обращаться и к медиаисточникам внутри Европы.

Стереотип - это нечто твердое, сложившееся, отпечатавшееся. В этом смысле изначально изменчивая структура становится неизменной [1]. Суть метода анализа медийных стереотипов описана Федоровым А.В.[2]. Исследователь предлагает подвергать анализу стереотипы сюжетной и жанровой структуры в медиатекстах, а также более конкретные стереотипы: фабульных ситуаций, обстановки действия медиатекста (предметы, место действия, исторический период и т.д.), характеров персонажей, их ценностей, идей, языка, мимики, жестов, одежды, приемов изображения.

Эмпирической базой исследования послужил документальный фильм Джанфранко Роззи «Море в огне». Фильм рассказывает об итальянском острове Лампедуза, который стал символом Европейского миграционного кризиса. В 2016 году этот проект был отмечен «Золотым медведем» на Берлинском фестивале.

На протяжении всего фильма мы не слышим автора, никакого закадрового голоса не считая небольшого вступления об острове Лампедуза. Ближе к середине повествования мы узнаем тайну названия. «Море в огне» - это песня. Но мы узнаем от бабушки Самюэля и другую трактовку: говоря море в огне, она имеет ввиду, что море во время войны было будто красным. И сразу после мы слышим африканскую песню о смерти в пустыне. Они поют о том, что они стремятся выжить. Море для них это возможность выжить.

В процессе анализа нами было отмечено, что сюжет построен на несложных дихотомиях: враждебный и агрессивный мир беженцев и цивилизованный мир Европы; устоявшиеся традиции итальянской семьи и свежие руины жизни беженцев; проблемы рыбаков острова (неспокойное море - нет доходов) и проблемы беженцев (была бы чем утолить жажду); содержание обращений к врачу (у Самюэля это проблемы со зрением и аллергия, а у беженцев ожоги от топлива); диалоги спасателей и их вежливые, но формальные обращения к беженцам и т.д. Весь фильм строится на явном или имплицитном сопоставлении. Но в течение всего фильма, мы понимаем: это обычная для острова жизнь, это состояние между жизнью европейца и смертью беженца - каждодневная рутина.

Жители Лампедузы похожи на героев итальянского неореализма. Это простые рыбаки, для которых работа — залог выживания. Автор не обходится без стереотипов: итальянская опера на местном радио и подпевающей ей диджей, спагетти, семейные посиделки большой итальянской семьей, тетушка Мария. Жители Лампедузы хранят старый уклад. На радиостанции местный диджей ставит пластинки на заказ, взрослые отправляются в плавание наловить рыбы на ужин. Образы взрослых итальянцев достаточно стереотипны. Они представляют в фильме европейские ценности. Мы видим типичные для морского европейского городка улочки с симпатичными домиками и цветными заборами. Автор фильма не показывает нам магазины или другие общественные места. Только квартиры, кабинет доктора и лодки.

В этот устойчивый мирок вторгается иррациональная энергия чернокожих беженцев. Мы видим корабль морского патруля, а затем слышим сводку погибших и прибывших морем в Лампедузу беженцев. «Вот бедолаги!» - так реагирует обычная домохозяйка слушая эту новость по радио и даже не отвлекается от приготовления пищи.

В течение фильма мы постоянно возвращаемся к 12-летнему Самюэлю и его семье. Его жизнь пока ничем не отличается от жизни его сверстников: уроки, игры, друзья, собака, рассказы бабушки о моряках. У Самюэля есть друзья в школе, с которыми он мастерит рогатки, стреляет из воображаемых автоматов, взрывает петарды в кактусах. Хотелось бы выделить также и доктора Пьетро Бартолло. В фильме он выполняет роль связующего звена между аборигенами и беженцами. Первый раз мы сталкиваемся с ним во время УЗИ. Он ведет беременность мигрантки. А потом проверяет зрение Самюэля. Затем он показывает и диагностирует фотографию покалеченного беженца. И из его же уст мы узнаем, что хоть беженцы и обычное явление для острова, к нему невозможно привыкнуть. Периодически на фоне шума волн мы слышим переговоры спасателей между собой (сколько спасли, есть ли больные) и - реже - с беженцами. Сами спасатели обязательно в форме и маске, вежливые.

Особо акцентировано позитивное отношение к детям, взрослые изображены в основном нейтрально. Со слов героев фильма мы понимаем, что отрицательный герой здесь — бесчисленные смерти беженцев в море.

Существенных изменений в жизни персонажей как таковых нет. Спасатели спасают, доктор лечит всех, а по ночам мучается кошмарами об умерших беженцах, мальчик Самюэль играет в мальчишеские игры, диджей ставит песни, а жители острова их слушают и занимаются своими обычными делами. Однако нарастание напряжения в фильме все же присутствует. С самого начала мы понимаем, что увидим не только спасение людей на воде, но и трагедию.

Весь сюжет построен на попытке всесторонне раскрыть тягостную, но неминуемую трагедию беженцев. Розы не берет интервью у прибывающих на остров людей, не разговаривает с аборигенами. Лишь иногда мы слышим их диалоги между собой. Проблема возникла задолго до момента съемок. И все, что мы видим, это ее развертывание во времени и пространстве. Не дают готовых решений и герои фильма. Но фильм все же о будущем. Не случайно герой фильма – подросток. Кажется, трагедия мигрантов должна пройти мимо него, но он уже принадлежит будущему, и именно ему придется столкнуться с новым миром.

Документальный фильм на первый взгляд не транслирует какие-либо стереотипы. Однако молчаливость автора заставляет нас искать подсказки-универсалии в видеоряде. Каков типичный итальянец? Рыбак? Как работают спасатели беженцев на море? Никто не говорит нам о профессиональной принадлежности доктора, моряков, рыбаков, диджея, домохозяйки. Их образы стереотипизированы и, несмотря на этнический колорит, легко узнаваемы. Весь фильм строиться так, что не возникает сомнения: перед нами типичные аборигены и типичные мигранты.

Интересно, что в фильме с беженцами аборигены соприкасаются только посредством радио, когда слышат информацию об очередном корабле. Только спасатели постоянно вовлечены во взаимодействие с ними. Мы не знаем, какой же образец поведения демонстрируют своим детям европейцы при реальном контакте с беженцами. Все, что доступно нашему анализу – это опосредованные реакции. Изображение спасенных беженцев стереотипны. В основном нам показывают мигрантов-мужчин среднего возраста. Они улыбаются, когда их снимают, но смотрят с беспокойством. Все женщины в ярких платках, практически все с детьми. Но тут же перед нами развертываются кадры футбольного матча между беженцами из разных стран. Дж. Розы на контрастах строит образ беженца как того, кто любой ценой хочет выжить и ценит жизнь.

Список литературы

1. *Сорокина Н.В.* Национальный стереотип как междисциплинарная проблема // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. №1. 2011. С. 51-59.
2. *Федоров А.В.* Анализ медийных стереотипов на занятиях в студенческой аудитории//Инновации в образовании» (Москва). 2006. № 6. С. 24-38.
3. Российская негосударственная исследовательская организация «Левада-Центр» URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения 17.02.2019).

10.01.10

А.Р. Шакурова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра телепроизводства и цифровых коммуникаций,
Казань, veiy@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

В статье дается обзор представлений о том, как стереотипы используются в текстах средств массовой информации. Сделана попытка описать средства эксплицитного и имплицитного внедрения стереотипов в медиатексты, среди которых особое место занимают пресуппозиция, «лишние» элементы, ирония, эмоционально окрашенная лексика и т.д.

Ключевые слова: *социальные стереотипы, медиатекст, телевизионные стереотипы, телетекст, телевизионный дискурс.*

Телевизионный стереотип – понятие, не устоявшееся в современной науке. Однако роль телевидения в развитии стереотипов переоценить сложно. Зачастую стереотип в медиадискурсе воспринимается как отрицательное явление. Стереотипы возникают и развиваются для экономии психических усилий. И без стереотипов каждодневная обработка информации об окружающем мире стала бы непосильной задачей.

Компоненты современного текста на российском телевидении, представленные в виде высказываний диктора, ведущего, участников телепередач, отражают значимые для представляемого текста элементы ситуации-события, происходящего на телеэкране, однако, некоторые элементы телевизионного текста могут пропускаться из-за логической понятности или известности. То есть, мы можем говорить о некотором несоответствии в телевизионных программах между получаемой информацией и отраженной в ней социально-культурной ситуацией.

Стилистические качества телевизионного текста подчинены тематической и общей стилевой доминанте той или иной программы на телевидении и проявляются на протяжении всего текстового телевизионного пространства.

Телевизионный текст отражает определенную временную последовательность информации: факты, события, мнения и т. п. Цель сообщения вытекает из проблемной ситуации, а выход из проблемной ситуации авторами предполагает гипотезу. Кроме того, автор может выражать определенное отношение к адресату телевизионного текста, которое получила название модальностью текста. Убедить телезрителя принять именно то видение причин и исхода проблемной ситуации, которого придерживается автор текста – важнейший признак современного телевизионного текста, который называется прагматичностью.

Р. Барт [1] указывал на особую важность невербальных элементов в текстах массовой коммуникации: «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков». Именно поликодовый характер телевизионного текста придаёт ему огромную воздействующую силу. При этом если вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, то использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень.

Стереотип имеет логическую форму оценочного суждения, которое в упрощенном и обобщенном виде приписывает группе те или иные свойства или модели поведения или отказывает группе в наличии тех или иных свойств или моделей поведения[3]. Изучить сам стереотип невозможно. Объектом подобных исследований, как правило, являются отражения стереотипа в проявлениях конкретной культуры.

В историко-литературном процессе отмечается особая роль стереотипности. Это, например, органический признак устного народного творчества, для которого характерно использование готовых формул. Авторское начало в текстах редуцирует использование стереотипа как общего места, перенося его из стилистических приемов в предмет изображения, зачастую дополняя авторской иронией, направленной на стереотипы поведения или стереотипные представления людей. В. Смирнов видит в обращении к эстетическим стереотипам условие возникновения беллетристической школы[6]: «Основой создания и функционирования беллетристической школы является эстетический стереотип, который складывается в определенную историческую эпоху в массовом художественном сознании и закрепляется средствами массовой информации...»

Авторы медиатекстов преподносят информацию и эксплицитно, и имплицитно. Причем скрыто информация передается, в том числе, через пресуппозицию и инференцию. Остановимся подробнее на пресуппозиции. Согласно М.А. Кронгауза, пресуппозицией называется такой пропозициональный элемент высказывания, ложность которого делает все высказывание неуместным (аномальным)[4]. Помимо понимания пресуппозиции как семантического элемента сообщения, принятого в философии и лингвистике, это понятие распространено и в практике нейронлингвистического программирования, где понимается несколько иначе. Пресуппозиции – это аксиоматические убеждения, используемые как инструмент, облегчающий, по мнению создателей НЛП, достижение желаемых эффектов от техник[2]. Это аксиомы реальности, создаваемые речью, базовые утверждения реальности. Пресуппозиции отвлекают сознание с помощью вопросов, выбора, последовательных инструкций.

Создание инференций часто опирается на текущие характеристики дискурсивного события. Телевизионный дискурс рассматривается нами вслед за Лариной Е.Г.[5] как телевизионная речь в ситуации социального взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории, представляет собой макросистему, в которой воплощается коммуникация весьма обширного круга людей, обладающих различными социальными, возрастными, профессиональными, территориальными и культурными характеристиками. Среди специфичных черт дискурсивного конструирования события в телевизионном дискурсе можно выделить частое использование эмоционально окрашенной лексики в номинации и характеристике события, акцентирование количественных параметров события, а также его уникальности и беспрецедентности. То есть преобладают кратоцентрические, чрезвычайные и созидательные типы событий.

Зачастую стереотипы передаются через эксплицитное название стереотипа или косвенную подачу, без его дополнительного эксплицирования. С точки зрения лексики речь может идти о метафоре, употреблении оценочной лексики, употреблении иноязычного слова, оксюморона, обыгрывании идиом. С точки зрения использования той или иной грамматической конструкции можно говорить об использовании противопоставлений, повторов, обыгрывании прецедентных фраз.

Бергельсон М. Б. и Некрасова А. Е. также выделяют на уровне дискурса следующие стратегии оформления стереотипов, связанные с семантикой развернутых элементов или организацией всего текста:

- определенные вкрапления в структуру нарратива («лишние» элементы с точки зрения связности повествования и экономии средств, которые, однако, несут определенную функцию – привлечение внимания зрителя к какой-то детали повествования);
- ирония;
- прием парадокса/эффекта обманутых ожиданий (например, когда конец сюжета противоречит началу);
- ситуация, когда выражение мнения о другой лингвокультурной группе невольно раскрывает ситуацию в «своей» лингвокультуре;
- косвенная подача стереотипа: подбор ситуации, которая являлась бы иллюстрацией того или иного стереотипа (подача стереотипа без слов). Подобная подача стереотипа позволяет

автору оставаться нейтральным в выражениях, но как бы намекать на стереотип, заставляет зрителя домыслить стереотип. Более того, создаваемый в этом случае эффект привлекает внимание зрителя недосказанностью.

Кроме нарратива, обеспечивающего дескриптивное представление стереотипов в телевизионных текстах представлена диалогическая речь персонажей - интервьюируемых, которая позволяет устанавливать стереотипные фразы, характеризующие языковую личность.

Таким образом, в телевизионном тексте стереотип находит отражение через систему определенных лексических, стилистических, художественных средств, которые позволяют без явного включения в текст стереотипного высказывания указать на стереотип.

Список литературы

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р.Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 124.
2. *Зобова А.А.* Провокативность медиапространства: аксиологический аспект // Вестник ННГУ. 2014. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provokativnost-mediaprostranstva-aksiologicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 20.02.2019).
3. *Квастхофф У.* Социальный предрассудок и коммуникация — лингвистический анализ стереотипов // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. ст.5 / сост. А.В.Павлова. СПб.: Антология, 2013. С. 113–137.
4. *Кронгауз М.А.* Семантика // М.: Издательский центр «Академия», 2005.- С.204.
5. *Ларина Е.Г.* «Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, №5, 2006. – С. 166-168.
6. *Смирнов В.* Эстетический стереотип как основа формирования беллетристической школы (на материале журнала «Отечественные записки») // Концептосферы и стереотипы русской литературы / под ред. Ч. Андрушко. -Познань, 2002. - С. 28.
7. *Филиппова А.В.* Функционирование креолизованного текста в политическом дискурсе // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - №1 – 2011. С 144-147.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***О.О. Есафьева канд. педагог. наук, Н.А. Просина**

Пензенский государственный университет,
институт международного сотрудничества,
кафедра русского языка как иностранного,
Пенза, penza.rki@rambler.ru

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ
А. ПЛАТОНОВА**

В работе представлены результаты исследования эпистолярного текста А. Платонова на предмет использования средств создания образности с учётом жанрово-стилистических особенностей текста.

Ключевые слова: *образность, эпистолярный текст, Платонов.*

Образность – способность языковой единицы приобретать новые смыслы в процессе художественной коммуникации – является проявлением эстетической функции языка художественной литературы.

Такие ученые, как В.Б.Шкловский, А.П. Квятковский, связывают образ и образность с употреблением тех или иных специальных приемов построения текста, которые называют средствами художественной изобразительности. Образ рассматривается как явление стиля там, где имеет место применение металогии – употребление в тексте слов и выражений в переносном значении. Образ приравнивается к тропам и фигурам, но не исчерпывается ими. Например, С.М. Мезениным речевая образность не мыслится вне эстетического начала. Однако, как считает учёный, возникая «на пересечении двух систем: эстетической, надязыковой (художественный вымысел) и лингвистической (языковое оформление)», в качестве материального носителя имеет «языковые единицы, понимаемые как единства знака и значения» [2: 50-51].

Важно понимать, что образ имеет место и в нехудожественных текстах. Так, Н.С. Валгина пишет: «Словесный образ может использоваться и в других видах литературы, тогда его значение можно определить как форму наглядного представления действительности» [1: 120]. Художественный же образ отличается тем, что он представляет собой способ «конкретно-чувственного воспроизведения действительности с позиции определенного эстетического идеала» [1: 120].

Для нас рабочим определением понятия «образность» стало следующее: образность – это способность языковой единицы приобретать новые смыслы, дополнительные семантические фрагменты, диктуемые общим контекстом речевого произведения (в соответствии с авторским замыслом или помимо него). Образные средства речи не исчерпываются лексическими единицами, однако эстетический потенциал единиц других языковых уровней (фонетического, морфологического и синтаксического) реализуются именно в слове, сочетании слов, словесном наполнении в контексте речевого произведения.

Письмо – уникальная форма общения, рассказа о себе и времени. В эпистолярном наследии Платонова представлено всё их многообразие: любовные и семейные, делового стиля и публицистического, дружески-разговорного и книжного стилей, предназначенные для печати и личные. Письма Андрея Платонова являются неотъемлемой частью творческого наследия писателя.

Соглашаясь с мнением Н. Корниенко о том, что письма Платонова являются не только неотъемлемой частью «внешней и внутренней биографии», но и образцами «его эпистолярной прозы, обладающей всё тем же неповторимым стилем, по которому... узнаём автора «Чевенгура» и «Фро», «Котлована» и «Афродиты» [3: 8], мы признаём эстетическую ценность отдельных эпистолярных текстов А. Платонова. Основанием для такого утверждения стал тот факт, что центральное место в эпистолярном наследии Платонова занимает его переписка с невестой, а затем женой Марией Кашинцевой.

Цель работы – показать своеобразие использования средств создания образности в эпистолярном тексте А. Платонова, поэтому в статье приведены только некоторые результаты исследования, на примере которых можно видеть, как образность текста воплощает авторский замысел, работает на выполнение конкретной коммуникативной задачи.

Для анализа был отобран текст письма А. Платонова, датированного 1921-ым годом. Письмо адресовано будущей жене писателя Марии Александровне Кашинцевой. На автографе письма рукой М.А. Кашинцевой сделана пометка: «Первое письмо ко мне». Это послание открывает цикл любовных писем интимного характера. В нём отразилось влияние «лунной» темы В.Розанова, с книгами которого Платонов познакомился в 1921-ом году («Опавшие листья», «Люди лунного света»). Текст данного письма лёг в основу текста письма влюблённого Дванова к Софье Александровне Крашениной в повести «Строители страны» и сохранился в автографе «Чевенгура». Цитирование производится по первому изданию книги писем Андрея Платонова «...я прожил жизнь» [3: 98-100].

Данное письмо по тематике относится к любовным, имеет интимный характер (текст рассчитан на одного конкретного читателя). Его содержанием являются любовные чувства автора (признание в любви), т.е. на лицо признаки лирического текста в жанре послания. Цель текста – вызвать ответную реакцию предмета любви, добиться от адресата ясности в отношениях, отклика в форме конкретных действий («простите меня», «послушайте меня», «поймите», «примите меня или отвергните»).

Для достижения поставленной цели автор использует присущие жанру лирического послания средства: обращения («Мария» - 5), лирические отступления пейзажного характера («лунная» тема В.Розанова), конечно, средства художественной выразительности.

Текст беспредельно эмоционален, что говорит о крайнем напряжении чувств автора. В тексте нет восклицательных предложений. Его эмоциональность обеспечивается на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне Платонов активно использует слова различных стилей (в данном случае – высокая лексика и нейтральная): «совсем иной», «смерть и вечное воскресение», «сердце...вспухает» и т.п. Это продиктовано условиями коммуникативной ситуации. Например, фраза «Мои товарищи по работе называют меня то ослом, то хулиганом» (из письма Платона 21-ого августа 1920 года в редакцию «Трудовой армии») [3: 80] в тексте любовного послания превращается в реминисценцию «Я грубый дикарь, это мне говорили и товарищи мои». Осёл, хулиган – грубый дикарь. Слова «накалил», «разрубил», «врезался» можно отнести к эмоционально-окрашенной лексике. Можно отметить морфологическую принадлежность этих слов к глаголам совершенного вида, действие в которых завершено, стало фактом, и поэтому неисправимо (содержит трагическое начало). В их отношении можно говорить об аллитерации, которая передаёт эмоциональность происходящего.

Аллитерация, повторение одинаковых или сходных согласных, – одно из наиболее часто используемых средств выразительности. Согласные в русском языке выполняют основную смысловоразличительную функцию. Это способствует установлению различных предметно-смысловых ассоциаций, увеличивающих изобразительно-выразительные возможности аллитерации. Звуковое подобие слов подчёркивает смысловую близость предметов, намекает на звуковую сторону изображаемого, акцентирует внимание на важных словах.

Нельзя отрицать того факта, что звуки речи способны вызывать незвуковые представления. Так, в первом предложении письма, любовного послания, неоднократно используется сочетание глухих согласных [ск], [ш], [ш'] подчёркивающее скрытое внутреннее напряжение автора. Яркую эмоциональную окрашенность придаёт использование сонорного [р] как одного, так и в сочетании с другими согласными, что акцентирует внимание на фразах «грубый дикарь», «сердце в смертельной судороге». Переключка звуков в этих словах усиливает их образную значимость, подчёркивая степень внутренней напряженности и эмоциональности.

В наличии антитеза на основе антонимов, в том числе и текстуальных («прошу» - «отдаю», «смерть» - «воскрешение», «примите» - «отвергните» и др.).

Как и в художественных текстах Платонова, в тексте письма важную роль играет анафора («Я чувствую... Я живу...»/ «Я не могу ждать... Я вас смертельно люблю.»/ «Я вас смертельно люблю. Я не убью себя...»). Она не только подчёркивает авторскую индивидуальность, но и исключительность. Интересно, что автор удаётся удаётся анафоры и любимую: «Вы же конец всего. Вы моя смерть...», определяя её особую значимость в его жизни.

В данном эпистолярном тексте в атрибутивных конструкциях отсутствует актуализация скрытой предикативности, но семантическая подвижности в атрибутивных конструкциях имеет место и позволяет Платонову достичь в них сдвига значения атрибута в соседние семантические зоны. «Лунное пламя» – окказионализм, в основе которого можно усмотреть оксюморон: традиционный свет луны – пламя, пламя лишается автором высокой температуры, однако далее «выжигает...жизнь». То же происходит в атрибутивных конструкциях «великие глупости», «нестерпимую красоту», «вечное воскресение».

Научная новизна предпринятого исследования, как представляется, состоит именно в том, что в нем на первый план выходит вопрос о художественности эпистолярного текста А. Платонова, а сам эпистолярный текст анализируется на предмет использования средств создания образности с учетом его жанрово-стилистических особенностей. За ним признаётся статус своеобразной поэмы в прозе высокого лирического строя, обладающей бесспорной художественностью.

Список литературы

1. *Валгина Н.С.* Теория текста [Текст]: Учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280с. Серия: Учебник XXI века.
2. *Мезенин С.М.* Образность как лингвистическая категория [Текст]// Вопросы языкознания, 1983. - № 6. – С. 48 – 57.
3. *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: Письма. 1920-1950 гг./ Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. – Москва: Астрель, 2013. – С. 98-100.

10.02.01

У Анна, Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
Москва, wuanna1990@gmail.com; evg-kirov@mail.ru.

КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

В данной статье рассматривается влияние конвергенции на лингвистическое оформление политического дискурса сходной тематики, характер которого анализируется с учетом лингво-прагматических факторов. Конвергенционные мотиваторы сходства языковых элементов политического дискурса отражаются на разных уровнях, мы сосредоточим внимание на анализе прилагательных как маркерах политической позиции в политическом дискурсе лидеров РФ и США.

Ключевые слова: *политический дискурс; конвергенция; прилагательные; лингво-прагматические факторы.*

Конвергенция (от латинского *convergo*- сближаюсь, схожусь) - термин, возникший в биологии, а потом распространившийся в разных науках, в том числе и в языкознании, употребляется для обозначения процессов сближения, взаимоассимиляции; позднее термин был перенесен в область общественно-политических наук, включая политическую - и медиадискуртологию [Вартанова, 2000, с. 39]. Что касается *теории конвергенции*, то эта теория в области собственно *политологии* была предложена А. Сахаровым и впоследствии разрабатывалась в основном во второй половине 20 века многими учёными, философами и политическими деятелями [1,2,5,7,8 и др.].

Процесс конвергенции в политическом дискурсе является общим отражением сближения средств выражения при сходстве тематического и идеологического плана, в рамках которых существует аналогичное явление при употреблении языковых средств, т.е. в политической коммуникации языковые единицы или стилистические фигуры в определенной степени ориентированы на тенденцию интеграции [Вартанова, 2003, с. 301]. При этом мы исходим из понимания дискурса, предложенного в работе [Киров, 2018].

Мы рассмотрим такой элемент политического дискурса, как прилагательные, выражающие политическую позицию. Для исследования конвергенции прилагательных как маркера политической позиции, нами будет проведен анализ эффектов суггестии высказывания на основе прилагательных, используемых в политических речах президентов В.В. Путина и Д. Трампа.

1. Прилагательные с активной характеристикой политической позиции сразу становятся заметными в тексте, поскольку формируют корпус политических эпитетов.

В своей инаугурационной речи в 2018 году В.В. Путин высказал следующее мнение о тружениках старшего поколения: *«Их мужество, неустанный труд, непобедимое единство, священное отношение к родной земле – вечный пример преданности Отчизне»*. (07.05.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>)

Употребление словосочетаний «неустанный труд» и «непобедимое единство» свидетельствует о проявлении уважения к благородному духу предков, поскольку они приложили все усилия для защиты страны в её нелегкое время. Одновременно употребление прилагательного «вечный» свидетельствует о увековечении памяти об отцах и дедах. Данные прилагательные в целом похожи на компоненты (семы) в семантике слова, но образуют более обобщенную семантику комплекса слов (мегаэпитет).

Приведем отрывок речи, с которой выступил В.В. Путин во время торжественной церемонии открытия чемпионата мира FIFA 14 июня в 2018 году: «Мы ответственно готовились провести у себя это грандиозное мероприятие и сделали всё для того, чтобы болельщики, спортсмены, специалисты могли полностью погрузиться в атмосферу великолепного праздника футбола и, конечно, получили удовольствие от пребывания в России – открытой, гостеприимной, радушной – обрели здесь новых друзей, новых единомышленников». (<http://kremlin.ru/events/president/news/57787>)

В данном ПД особенно важны такие прилагательные с маркером политической позиции, как «грандиозный», «великолепный», «открытый», «гостеприимный», «радушный». Во-первых, появление прилагательного «грандиозный» характеризует масштаб данного мероприятия, другие слова – такие как «большой» – просто не могут выразить важность этого мероприятия. Во-вторых, слово «великолепный» отражает, что чемпионат мира по футболу имеет значение не только важного, но и красивого мероприятия. Такие прилагательные, как «открытый», «гостеприимный», «радушный» выражают отношение говорящего к характеру русского народа. В России можно почувствовать открытый менталитет русской нации как нигде в мире. В целом формируется мегаэпитет с выраженной политической позицией.

Проанализируем фрагмент выступления Д. Трампа: «**Конструктивный** диалог между Соединенными Штатами и Россией дает возможность открыть **новые** пути к миру и стабильности в нашем мире.» («*Constructive dialogue between the United States and Russia forwards the opportunity to open new pathways toward peace and stability in our world.*») (D. Trump, «the Helsinki press conference» 16.07.2018, <https://www.vox.com/2018/7/16/17576956/transcript-putin-trump-russia-helsinki-press-conference>)

В этом случае прилагательное «конструктивный» (*constructive*) не только отражает признание взаимовыгодного содержания встречи и переговоров глав двух стран, но и дает позитивное подтверждение позитивности этого диалога, а не является просто признаком дипломатического этикета, так как тон и стилистика этого фрагмента речи отличается от обычного употребления Д. Трампом этого слова в предыдущих его политических выступлениях. Кроме того, появление прилагательного «конструктивный» (*constructive*) подтверждает, что обе стороны намерены нормализовать американо-российские отношения и стремятся уйти от антонимичного прилагательного и ситуации, характеризующейся словом "деструктивный". Следовательно, данное прилагательное "конструктивный" не только имеет положительное значение в коннотативном контексте, но также создает фон понимания возможных политико-экономических ситуаций, которые могут возникнуть в отношении между двумя странами.

2. Прилагательные с эмоциональной компонентой более ярко проявляют отношение оратора к предмету речи, при этом очень многое могут сказать как бы "между строк", формируют многогранный политический эпитет.

Проанализируем речь, произносимую В.В. Путиным в «Послании»: «Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с **разрушительной, варварской** идеологией и не имеем права допустить, чтобы **новоявленные** мракобесы добились своих целей». («Послание», 03.12.2015. <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>)

Данное высказывание В.В. Путина относится к террористическому нападению на Россию, а именно к крушению российского пассажирского самолета 31 октября 2015 года. В этом высказывании употреблены прилагательные «разрушительный» и «варварский» для выражения возмущения по отношению терроризму, и появление вместе этих двух прилагательных с семантикой политической позиции усиливает отрицательный смысл и отношение к идеологии терроризма. В собственном смысле слов прилагательных политической позиции «разрушительный» и «варварский» также содержатся семы эмоционального отношения, поэтому политический мегаэпитет с данными словами как элементами целого имеет отрицательную семантику с усиленной эмоциональной компонентой в выражении политической позиции.

В выступлении Д. Трампа в подобной тематической ситуации, формирующей дискурсивную позицию конвергенции, мы обнаруживаем сходные слова и выражения, т.е. в речи президента США употребляются эмоциональные прилагательные политической позиции для выражения ненависти к терроризму: «Здесь, в Америке, мы видели **жестокую** атаку одну за другой. («Here, in America, we have seen one brutal attack after another.» (15.08.2016, Donald Trump's speech on fighting terrorism, <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-terrorism-speech-227025>))

Здесь прилагательное политической позиции «жестокий» (*brutal*) выражает субъективно-отрицательное отношение Д. Трампа к террористическим актам с одной стороны, также отражен универсальный общечеловеческий характер самой проблематики.

Рассмотрим еще один фрагмент речи Д. Трампа: «*Нам нужно посмотреть на злобное нападение, которое произошло в Барселоне не далее как на прошлой неделе, чтобы понять, что террористические группы не остановятся ни перед чем, чтобы совершить массовое убийство ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей.*» («*We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the mass murder of innocent men, women and children.*»)

В данном случае употребление прилагательного «злой» (*vicious*) отражает эмоционально-негативную позицию Д. Трампа по отношению к событиям в Барселоне, и как видим, принцип конвергенции детерминирует сходные эмоции, которые мотивируют выбор сходных языковых средств для их выражения, что формирует как следствие яркий политический эпитет.

Таким образом, эпитеты политической позиции в ПД В.В. Путина и Д. Трампа могут сближаться как по семантике, так и по эмоциональным компонентам значения слов при сходном отношении лидеров к обсуждаемым проблемам.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМСА-РВЕ55, 1995 г. М.: Наука, 1990. - 224 с.
2. Большая советская энциклопедия (электронная версия): [в 30 т.]. 3-е изд. - М.: Эксмо, 2008.
3. Вартанова Е.Л. Конвергенция как неизбежность. О роли технологического фактора в трансформации современных медиасистем // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия; под ред. Я. Н. Засурского, Е. Л. Вартановой. М.: Изд-во МГУ, 2000.
4. Киров Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. - 2018. - Т. 17, № 2. - С. 15-25.
5. Сахаров, Д.А. Конвергенция, мирное сосуществование. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html (дата обращения 18.02.2019).
6. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. /Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов; Пер. с англ. С.А. Сидоренко. - М.: Политиздат, 1992. - 543 с.

10.02.01

¹Г.Г. Фефелова канд. педагог. наук, ¹А.Ф. Сагитова канд. филол. наук,
¹А.К. Сулейманова д-р филол. наук, ²Ф.Г. Фаткуллина д-р филол. наук

¹Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кафедра русского языка и литературы,
Уфа, ufa-ugntu@mail.ru,

²БашГУ, кафедра русской и сопоставительной филологии

ЛЕКСЕМЫ «СМЕХ» И «УЛЫБКА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОМИЧЕСКОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Данная статья посвящена исследованию лексемы «смех» и его составляющей «улыбка» как основных категорий эмотивной лексики, реализующихся в юмористическом дискурсе. Акцентируется внимание на художественных лексемах как ведущих элементах, отражающих индивидуально-авторский подход в произведении. На примере романа И. Ильфа и Е. Петрова рассматриваются лексемы, содержащие разноплановые оттенки эмотивной семантики.

Ключевые слова: *смех, улыбка, эмотивная лексика, языковая картина мира, юмористический дискурс.*

В современной лингвистике в последнее время большое внимание уделяется изучению концептов, которые состоят из образов, ассоциаций, понятий, ментальных единиц языка, играющих ключевую роль в языковой картине мира. Существует множество направлений, в которых фигурирует понятие концепт: лингвистика, культурология, философия, логика, когнитология и другие гуманитарные науки [2, 3, 5].

В языковой картине мира человек и язык изучаются лингвистами как единое целое. Пространство, в котором находится и черпает информацию языковая личность, состоит из концептов и абстрактных ментальных конструкций. Посредством концепта знания человека организованы.

Художественные концепты имеют огромные возможности, так как включают в свой состав индивидуально-авторские и общекультурные элементы, одним из которых является смех. Смех как феномен изучался многими отечественными и зарубежными учеными (В. Я. Пропп, Л. В. Карасев, А. А. Сычев, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Attardo, Raskin и др.). Были предложены различные виды и классификации смеха: как физиологическое, чувственно-эмоциональное, психологическое явление, как выражение комического и т.д.

Согласно мнению ученых, комический смех является наивысшей степенью проявления смешного. В силу своей многогранности он нацелен не только на окружающих, но и на себя и полностью связан с эмотивной деятельностью человека и его сознанием.

Художественный текст содержит в себе массу кодов и является результатом вторичной коммуникативной деятельности. Эмотивные семы отражают авторскую интенцию и общий пафос произведения. В тексте кроме универсальных черт концепта отражаются и авторские, что делает его неповторимым, актуальным и злободневным.

Лексемы «смех» и «улыбка» в романе «Двенадцать стульев» используются в тандеме, обе имеют положительные и отрицательные коннотации. Например, «Носит людей по стране. Один за десять тысяч километров от места службы находит себе *сияющую невесту*» [1, с. 28]. *Сияет* в значении «радостная», а если радость, то сопутствовать ему будет невербальный сигнал в виде улыбки, а это мимическая кинема, и в лексикографических источниках определяется как движение мышц лица, которые появляются в беседе коммуникантов.

Улыбка имеет очень широкий диапазон: от искренней до притворной. Например: «Запасы иронии, накопленные Виктором Михайловичем за десять лет революции, были неистошими. На лице его *заиграли серии улыбок различной силы и скепсиса*» [1, с. 68]. В данном микроконтексте мы видим лексему «улыбка» с отрицательным значением, она несет в себе негатив, недоверие, сомнение, и ее метафоризация *заиграли серии* только усиливает отношение авторов к описанию переживаний внутреннего мира героя с оттенком грусти.

Лексема «улыбка» отражает настроение романа и придает ему смеховой эффект. Она встречается в тексте 18 раз и представлена следующими маркерами, характеризующими те же ключевые аспекты, что и смех. Выражена такими частями речи, как деепричастие, глагол, существительное (*улыбаясь, улыбнуться, улыбками*), что подчеркивает образность и полярные настроения героев. Анализируемая лексема часто употребляется в контексте с метафорами, выступающими в функции обстоятельства, что подчеркивает стремление авторов ярко и выразительно передать эмоции, показать настроение, внутренний мир героев произведения, их взаимоотношения (*грациозно улыбнулся, чарующе улыбаясь, лучезарно улыбаясь*). Употребление лексемы в психологическом формате акцентируется на ее восприятии и подчеркивается ее антонимичность (*учтиво улыбаясь, смущенно улыбаясь, лицо расплывалось от счастья, берег покрылся улыбками и улыбнулся наизящнейшим образом, попытался улыбнуться, улыбка получилась дикая, иронически улыбаясь, заиграли серии улыбок различной силы*).

Контекстуальный анализ показывает, что эмотивные семы в романе могут содержать как положительные и отрицательные эмоции, так и нейтральные, как выражать, так и вызывать их. Герои романа «Двенадцать стульев» проявляют различные эмоции с помощью лексем «смех» и «улыбка».

Проявление иронии и отрицательного оттенка лексем «смех» и «улыбка» мы можем наблюдать по тексту всего романа, например в следующих микроконтекстах: «На черном лице Виктора Михайловича определилась *ироническая улыбка*. – Ну, а вы как думаете? – Он *усмехнулся* с еще большей иронией. – Уж во всяком случае, не договоры с большевиками подписывать. – Вы думаете, что он подвергается опасности? Запасы иронии, накопленные Виктором Михайловичем за десять лет революции, были неистошими. На лице его *заиграли серии улыбок различной силы и скепсиса*» [1, с. 68]. «Тогда пешеход остановился, *иронически посмотрел* на мальчика и воскликнул...» [1, с. 29]. «Виктор Михайлович остаток недели провел на месте аварии, *иронически улыбаясь*, крича на рабочих и поминутно заглядывая в провал» [1, с. 65]. «Киса, – ответил Ипполит Матвеевич, *усмехаясь*» [1, с. 214] – в данном предложении мы видим иронию героя над самим собой.

Для яркого и образного выражения негативных эмоций в романе используются такие приемы, как эпитеты, ирония, сатира, градация: «Тут только Ипполит Матвеевич понял, какие железные лапы схватили его за горло. – Двадцать процентов, – сказал он угрюмо. – И мои харчи? – *насмешливо спросил* Остап» [1, с. 38]. «Варфоломеич долго еще *подсмеивался* над околпаченным покупателем» [1, с. 78]. «Спланировав в последний раз, Полесов заметил, что его держит за ногу и *смеется гадким смехом* не кто иной, как бывший предводитель Ипполит Матвеевич Воробьянинов» [1, с. 97].

«И только впущенный наконец в вагон вернулся к обычному спокойствию и даже *повеселел*» [1, с. 26]. Лексема показывает физическое состояние героя, вызывающая в итоге всех манипуляций, произошедших с персонажем, положительные эмоции, направленные непосредственно на него самого.

По стилистическому взаимоотношению слов друг к другу словосочетание *радостными шажками* можно назвать антонимичным: *радость* как наивысшая степень, а *шажки* как нечто уничижительное. В этом выражается комичность происходящего. Используя лексему *смешно*, авторы иронизируют над происходящей ситуацией.

В следующем примере мы видим, как метко используют авторы метафорическую иронию: «При этом Остап *грациозно улыбнулся*» [1, с. 71]. Лексема *грациозно* употребляется в значении изящно, так говорят, как правило, о движениях, а по контексту эта улыбка дает

право превосходства Остапу на архивариусом Коробейниковым, т. е. метафорическим сочетанием авторы нам сразу описали всю фигуру Остапа и его отношение к *старичку* [1, с. 72], как называют его авторы, что подчеркивает снисходительность писателей к своему персонажу, хотя ассоциативно он больше вызывает негативные эмоции, чем нейтральные.

«В номере, обставленном с деловой роскошью (две кровати и ночной столик), слышались конский храп и *ржание*: Ипполит Матвеевич *весело умывался* и прочищал нос... Ипполит Матвеевич, *лучезарно улыбаясь*, вышел в коридор и стал прогуливаться... *Доброе его лицо расплывалось от счастья...*» [1, с. 79]. Данный эпизод является апофеозом использования эмотивной лексики в романе. Авторская модель выражения положительных эмоций, направленная на самого героя и на окружающих, показала многообразие стилистических столкновений, из которых появляется смех. Авторам в одном абзаце удалось совместить зооморфизм *ржание* в значении «громко и радостно смеяться», эпитет *весело*, метафору *лучезарно* и трансформированный фразеологизм *лицо расплывалось от счастья* в значении «лицо расплывалось в улыбке».

Смех и улыбка в произведении выражаются в физическом, психологическом, временном, метафорическом и других аспектах, что позволяет говорить об особом проявлении комического в романе. Авторы использовали смех как оптимистичное и сильнейшее оружие при создании юмористических и сатирических образов [4]. Смех является прерогативой человека, он такой же сложный, многоаспектный и разноплановый, как и сам человек. Смех и улыбка – это сложные ментальные образования, которые воплощаются в юмористическом дискурсе.

Список литературы

1. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. 640 с.
2. *Сагитова А.Ф., Рахимова Э.Ф., Хайруллина Р.Х.* Роль языкового сознания в моделировании мира // *Вестник Башкирского университета.* – Т. 23. – 2018. - № 4. – С. 1182 – 1187.
3. *Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К.* Языковая картина мира как способ концептуализации действительности. – Уфа, 2011, Вестник БашГУ, Т.16 , № 3(1) , 2011.– С. 1002-1005.
4. *Фефелова Г.Г.* Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 170-173.
5. *Фефелова Г.Г.* Культурный анализ русского юмористического дискурса // *Культура, литература и гуманитарные науки народов евразии: прошлое настоящее, будущее: Материалы Международной научно-практической конференции.* – Уфа, РИЦ БашГУ, 2018. – С. 317-318

10.02.01

Р.Х. Хайруллина д-р филол. наук, Ш.Р. Хуснитдинов

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра русского языка,
Уфа, rajhan@mail.ru

СЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКОГО ПОСЛОВИЧНОГО ФОНДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ С ОППОЗИЦИЕЙ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»)

В работе раскрывается лингвокогнитивный механизм семантического моделирования на материале русского пословичного фонда. Семантические модели паремий в русском языке рассматриваются как выражение особенностей национального миропонимания и закрепление в языке этических норм поведения в обществе. Авторами выделено 13 типов семантических моделей в русских паремиях, в которых реализуется оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ, описываются их лингвокогнитивные основы.

Ключевые слова: *семантическая модель, паремия, национальное миропонимание, менталитет.*

Семантическое пространство языка (континуум) представляет собой совокупность значений языковых знаков, и, прежде всего, номинативных единиц. Важнейшими свойствами семантического континуума выступают системность, иерархическая организация, онтологически обусловленные логические связи между языковыми единицами, среди которых можно выделить и такие структурообразующие свойства, как тождественность и оппозиция. Важнейшие оппозиции, структурирующие познание мира, были выделены еще В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым. В рамках антропоцентрического подхода важное место в структурировании языковых знаний о мире занимает оппозиция СВОЙ-ЧУЖОЙ, позволяющая говорящему идентифицировать себя и своих членов социума путем противопоставления себя другим, отграничить чужое в широком понимании слова от собственного (внешний вид, пространство, образ жизни, миропонимание в целом). Такое противопоставление находит выражение в вербализации семантических моделей разных языковых единиц, и преимущественно единиц лексико-фразеологической системы русского языка. «Одно из важнейших противопоставлений в жизни и мироустройстве общества – это свой и чужой, которое является важнейшим культурным концептом», – пишет В.А. Маслова [3, с. 170].

В данной статье исследуются семантические модели русских паремий, закрепивших противопоставление своего и чужого. Объектом исследования являются более ста паремий с лексическими компонентами СВОЙ – ЧУЖОЙ с целью выявления особенностей миропонимания русских и выражения в языке традиционной национальной черты характера русских – соборности.

В лингвистической литературе семантическая оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ рассматривается достаточно широко – от языковой символизации противоположных понятий в картине мира до этнически обусловленного отграничения своего жизненного пространства от чужого. «В ряду подобных образований (категорий, концептов, фреймов – Р.Х.) выделяется и семантическая оппозиция «свой – чужой», онтологическая сущность которой определяется разными лингвистами как категория (семантическая, понятийная, лингвокультурологическая, коммуникативная, имплицитная), категориальный комплекс, концепт, концептуальная диада, лексико-семантическое поле», – констатирует разные точки зрения лингвистов на природу данной оппозиции Е.В. Кишина [2, с. 174].

Семантическая оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ в лингвистической науке исследуется с позиций когнитивной лингвистики (Порядина, 2002), лингвокультурологии (Маслова, 2007, Серебренникова, 2005), лингвофилософии (Колесов, 2001), сопоставительного языкознания (Свинкина, 2016). Комплексный подход к изучению данной оппозиции представлен в трудах

В.В. Красных, М.Н. Петроченко, С.Л. Сахно, Е.П. Захаровой и др. Мы также признаем в качестве ведущего комплексный подход, позволяющий вскрыть онтологические, когнитивные и культурологические особенности вербализации этой оппозиции. «Онтологической природой языка можно объяснить многие явления и законы, формирующие его структуру и содержание, ибо связи триады *мир вещей – мышление – язык – неразрывны*» [6, с. 35].

Под семантической моделью мы вслед за Е.И.Селиверстовой понимаем «пословичный конденсат», то есть логическую основу, сгусток смысла, переданного переносно-образным значением поговорки. Несмотря на уникальность образов в поговорках, они могут иметь общие принципы построения. «Моделируемость поговороческой системы – явление общего принципа моделируемости языковых явлений», пишет Е.И.Селиверстова [5, с.181].

Семантическая оппозиция играет важную роль в моделировании народной картины в целом, поскольку благодаря ей в картине мира расставляются оценочные акценты. Они отражают степень отношения человека, пространства, идей и понятий к определенному социуму. Отсюда свое всегда хорошее, понятное, близкое, чужое – плохое, непонятное, далекое и опасное. Ср. : *Чужая душа – потемки. Чужая сторона слезами полита.*

Особенности семантического моделирования в поговорках обусловлено ключевыми идеями в понимании понятий СВОЙ – ЧУЖОЙ. Образ чужого представляется как сложное ментальное образование, в составе которого может быть выделена градация степени «отчужденности»: иной, другой, чужой, плохой. «Инаковость» обнаруживает разную степень проявления аксиологического признака или свойства.

Будучи выражением дуальности как когнитивного принципа мироустройства, рассматриваемая семантическая оппозиция, по справедливому выражению М.Ю. Свинкиной, является «источником развития личности и культуры в целом» [4, с.95]. Развитие данной оппозиции заключается в формировании самоидентификации личности (территориальной, этнической, ментальной, языковой, социальной, профессиональной и т.д.): от своего по территории – до своего по духу. Опорными (ключевыми) семами в поговорках с данными компонентами являются *свой* «собственный, принадлежащий себе» и *чужой* «иной, несобственный, принадлежащий другому».

Комплексный анализ семантики, культурной составляющей, способов выражения стереотипов мышления носителей русского языков дает возможность выделить следующие семантические модели поговорок:

1). Свое место (пространство) хорошее, а чужое – плохое, опасное.

Всяк кулик свое болото хвалит. В своем болоте и лягушка поет. Своя земля и в горсти мила. В своем доме и стены помогают. 2). Чужое добро не приносит пользы. *От чужих нажитков не нажить пожитков. Чужим добром не построишь дом. Чужое добро не впрок.* 3). Свои недостатки не кажутся таковыми, не бросаются в глаза, как чужие. *Всякому своя худоба не кажется. Своя сопля несолона. Всякому свое немыто, да бело. Свое дитя горбато, да мило. В чужом глазу соринку видит, в своем бревна не замечает.* 4). У каждого свое место. *Знай, сверчок, свой шесток. Не в свои сани не садись.* 5). Своим многое прощается, сходит с рук. *Свои люди – сочтемся. В своей семье невелик расчет. Свой своему поневоле брат.* 6). Чужая беда (потеря) не велика, не переживается так, как своя. *Чужое горе душу не тяготит. Чужую беду руками разведу, на свою слезами изойду. Всякому своя беда горька. Каждому своего жаль. Болен зуб у себя во рту. На чужих руках мозолей не видно.* 7). В своем месте (доме) каждый хозяин. *В своем дому как хочу, так и ворочу. Свое добро хоть в печь, хоть в копылку. Своя рука владыка. Всяк петух на своем пепелище хозяин.* 8). Люди одного социума одинаковы или похожи. *Свои собаки дерутся, чужая не приставай. Тот мне и свой, кто ко мне добр.* 9). Чужое добро всегда кажется больше/лучше. *В чужих руках кусок больше кажется. В чужих руках пирог больше да ломоть толще. В чужих руках ломоть за ковригу.* 10). Чужое добро нельзя (стыдно, позорно) брать, свое надо иметь. *На чужой каравай рот не разевай, а поутру вставай да свой затевай. Лучшие по миру собирать, чем чужое забирать. Считай деньги в своем кармане. Чужого не желай, своего не теряй. Свои*

сухари лучше чужих пирогов. 11). Чужим добром (речью, поступком, волей) распоряжаться не волен, нет возможности, прав. *На чужой роток не накинешь платок. Чужой рот – не огород, не запрешь. Прогнали Варвару из чужого амбару.* 12). В своем месте нельзя гадить, паккать его. *Никакая сорока в своем гнезде не гадит. Каждая птица свое гнездо защищает.* 13). Нельзя вмешиваться в чужие дела. *Не суй нос в чужой вопрос. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.*

Как видим, в русских паремиях получили выражение нормы поведения и межличностных отношений между своими и чужими, дана оценка тех или иных поступков, рекомендации и советы, как надо себя вести в определенных жизненных ситуациях в соответствии с духовно-нравственными и этическими установками русской лингвокультурной общности. Для русских свое пространство, поведение, речь, люди всегда характеризуются положительно, хотя в паремиях не отмечается агрессивного противостояния с другими. Более того, часто чужое находится под запретом. Традиционные национальные черты русского человека – открытость, общительность, мягкость, доброта, соборность (общинность) – находят отражение в логических основах русских паремий.

Говоря о логической основе русских паремий с компонентами СВОЙ – ЧУЖОЙ, необходимо отметить и наличие противоположных коннотативных оценок: «Свое лучше/больше чужого» и «Чужое всегда кажется лучше/больше своего». Причем, первое суждение чаще связано с морально-нравственными и эмоциональными категориями (*Всякому своя беда горька; Болит зуб у себя во рту*), а второе – с материальными благами (*В чужих руках лопать за ковригу; Охал дядя, на чужие деньги глядя; Чужое добро берет за ребро*).

Русские паремии, реализующие оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ не всегда включают в свой состав эти ключевые, смыслообразующие лексемы. Понятие СВОЙ может передаваться с помощью местоимений *сам, себя: Всяк дома сам себе хозяин*. Иногда семантику тождества, свойственности передает повторение лексемы: *Ворон ворону глаз не выклюет; Рыбак рыбака видит издалека* (семантическая модель – представители своего социума похожи между собой и не причиняют друг другу зла). Отдельную группу паремий образуют единицы с именами собственными в составе: *Хороша Маша, да не ваша; Федот, да не тот; Прогнали Варвару от чужого амбару; Не твое дело, Федосья, собирать чужие колосья*. Некоторые личные имена использованы для придания рифмы (Федосья – колосья, Варвару – амбару), другие конкретизируются с помощью местоимений, обозначающих сходство или противопоставление человека из своего или чужого социума (Федот, Маша).

Таким образом, комплексный анализ семантических моделей русских паремий, реализующих оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ, позволяет сделать вывод о том, что данная семантическая оппозиция выступает одной из важнейших в структуре русского языкового сознания. В описанном фрагменте русской паремиологической картины мира ярко отражается ценностно-смысловая картина мира русского народа, его духовно-нравственные и этические нормы поведения, главные традиционные черты русского национального характера.

Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 19-012-00430

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1997. – 405 с.
2. *Кишина Е.В.* Семантическая оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. – 2011. – № 4 (48). – с. 174-179.
3. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. – М.: «Наследие», 1997. – 208 с.
4. *Свинкина М.Ю.* Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. – 2016. – №: 6 (54). – с.94-105.
5. *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы: Постоянство и изменчивость. М.: Флинта-Наука, 2017. – 239 с.
6. *Хайруллина Р.Х.* Лингвофилософия. Уфа: изд. БГПУ, 2012. – 137 с.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Э.О. Айвазашвили

Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра теоретической лингвистики и практики межкультурного общения,
Пятигорск, evelina.aivazashvili@yandex.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЯ ЧЕРЕЗ ЛЕКСИЧЕСКУЮ
КАТЕГОРИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

В статье рассматривается лексическая категория неопределенности как оператор коммуникативно-прагматического потенциала одного из жанров современного англоязычного бизнес-дискурса - бизнес-совещания. Автор предпринимает попытку изучить прагматический диапазон данного феномена и выявляет существование 4 групп операторов, представленных лексическими элементами данной категории, - эффективности коммуникации, убедительности, уточнения и экспрессивности.

Ключевые слова: лексическая категория неопределенности, коммуникативно-прагматический потенциал, бизнес-совещание, бизнес-дискурс.

В рамках современного англоязычного бизнес-дискурса и одного из его жанров - жанра бизнес-совещания важную роль играют так называемые лексические маркеры неопределенности, создающие необходимый прагматический эффект и помогающие значительно расширить коммуникативные возможности адресанта. С одной стороны, категорию неопределенности в языке и речи можно расценивать как «отзвук неопределенности в суждениях человека», с другой – как процесс, который «протекает интенсивно и охватывает почти всю систему истинностных оценок» [4, с.803-804]. Т.П. Желонкина, констатируя резко возросший интерес к категории неопределенности как неотъемлемому компоненту современного английского языка, отмечает, что «неточным является не мир языка, а наше субъективное восприятие его» [5, с. 114]. Среди причин возникновения категории неопределенности она называет недостаточную осведомлённость коммуникантов, вызванную разным объёмом фоновых знаний. Д. Кристалл (D. Crystal) и Д. Дейви (D. Davy) к причинам появления в речи слов и выражений из категории *vague language* относят ситуации, в которых говорящий просто забывает нужное слово; либо не знает точного слова, либо такой лексической единицы не существует в языке; само высказывание не требует точности в формулировке; выражение из категории неопределенности употребляется намеренно для создания более неформальной атмосферы общения [7, с. 112]. С точки зрения Дж. Ченнелл (J. Channell), важным моментом является степень соответствия ожиданиям адресата и целесообразность использования адресантом подобной лексики в речи [6]. М. Хэндфорд (M. Handford), в свою очередь, предостерегает исследователей от восприятия лексических единиц и конструкций категории неопределенности как образцов коммуникативной «недостаточности» и отмечает, что, с точки зрения речевого взаимодействия, такие языковые единицы «на лексическом, дискурсивном и иллокутивном уровнях являются необходимым и неизбежным» [8, с. 242]. Он также указывает на особую релевантность данного феномена именно сфере делового общения, поскольку *vague language* позволяет эффективно вести бизнес-переговоры, предоставляя возможность рассмотрения различных вариантов решений, позволяя адресанту «переложить», как минимум, часть ответственности за их принятие на адресата,

одновременно отвечая и его потребностям, создавая условия для взаимного сближения и взаимопонимания [8, с. 244]. Дж. Ченнелл подразделяет слова и конструкции, входящие в категорию неопределенности, на три группы: неопределенные аппроксиматоры (*англ. vague approximators*) (например, *about, lot(s) of, a bit of*), идентификаторы категории неопределенности (*англ. vague category identifiers*) (например, *and so on, stuff, a whole range of things*) и слова-заполнители (*англ. placeholder words*) (например, *thingy, whatsisname, whatsit*) [6]. А Кёстер (А. Koester) также выделяет три группы в рамках категории неопределенности: неопределенные существительные (например, *things*), неопределенные аппроксиматоры (например, *about*) и маркеры категории неопределенности (например, *and things like that*) [9, с. 89]. Наряду с упомянутыми нами причинами возникновения категории неопределенности в деловом общении, она считает важным выделить три дополнительных источника: во-первых, неуверенность в сообщаемой информации, во-вторых, отсутствие необходимости быть предельно точным при наличии «общего знания», в-третьих, потребность в создании непринужденной атмосферы «общего знания» в рамках коммуникативной стратегии сотрудничества.

В рамках исследования специфики бизнес-совещания, как жанра современного англоязычного бизнес-дискурса, наибольший интерес с точки зрения выявления коммуникативно-прагматического потенциала представляют именно маркеры категории неопределенности (*англ. vague category markers*). Среди наиболее распространенных в корпусе нашего исследовательского материала мы можем отметить такие лексические элементы как *a couple of; and things like that; something/ anything like that; a lot of; and this / that and the other; etc./et cetera; and everything else; and so forth; the rest of it; the other thing; all that sort of stuff; that type/ sort/ kind of thing; a bit (of a); (and) all (of) that* и др. [см., например, 10]. Мы установили, что в рамках бизнес-совещания категория неопределенности имеет широкий прагматический диапазон, и выявили существование 4 групп операторов коммуникативно-прагматического потенциала, представленных лексическими элементами данной категории, - эффективности коммуникации, убедительности, уточнения и экспрессивности. Рассмотрим их подробнее.

Группа 1. Лексические операторы эффективности коммуникации

Входящие в данную группу лексические элементы категории неопределенности возникают в речи участников совещания в тех случаях, когда необходимо создать атмосферу естественности и вежливости. Например:

Karina: What's that then? - Maria: We might be sponsoring a one-day event for schools to inform students about energy, where it comes from, how we use it, **that type of thing** [13] (*рус.* Карина: Тогда что? - Мария: Мы могли бы спонсировать однодневное мероприятие для школ, чтобы рассказать ученикам об энергии, откуда она берется, как мы ее используем, такого рода вещи).

Группа 2. Лексические операторы убедительности

В следующей выявленной нами группе лексические элементы категории неопределенности выступают в качестве операторов убедительности (через введение в высказывания дополнительных аргументов). Например:

B: Sorry. It did seem sort of relevant, but anyway ... - C: OK, OK, tell us after, but I think if we are going to be considering this **kind of thing**, we need to come up with the country profile as soon as possible. - A: What sort of profile? Can you be more specific? - C: Well, like facts and figures on the lifestyle, eating habits, business culture, **that sort of thing** [11, с. 134] (*рус.* В: Извините. Мне казалось это уместным, но в любом случае ... - С: Ну хорошо, расскажите нам об этом чуть позже, но я думаю, что если мы собираемся рассматривать такого рода вещи, мы должны определить профиль для каждой страны как можно скорее. - А: Какого рода профиль? Можете уточнить? - С: Ну, факты и цифры, говорящие о стиле жизни, привычках в еде, деловой культуре и тому подобное).

Группа 3. Лексические операторы уточнения

К данной группе, мы отнесли лексические элементы категории неопределенности, позволяющие конкретизировать либо уточнять излагаемую участниками совещания информацию. Например:

D: Thanks Aleks. Do you think you could send us out the names and profiles of the ones you have appointed? Is anything planned in the way of training and briefing? - A: Oh yes, I forgot. We're hoping to have a meeting with them all – in Hong Kong actually – in three months' time. **It's a sort of get-to-know-you group bonding thing**, because then we will have done most of the training and organizing via email [12, с. 124] (рус. D: Спасибо, Алекс. Как Вы думаете, Вы могли бы отправить нам те имена и профили, которые Вы наметили? Планируется ли что-нибудь в области обучения и инструктажа? - A: О да, я совсем забыла. Мы надеемся встретиться с ними в Гонконге через три месяца. Это, своего рода, знакомство с группой, потому что так мы сделаем большую часть обучающей и организационной работы по электронной почте).

Группа 4. Лексические операторы экспрессивности

Нередко лексические элементы категории неопределенности выступают в качестве операторы экспрессивности и дополнительной эмоциональной окраски высказываний и реплик участников. Например:

D: OK. How are things in Melbourne? Keeping busy, I hear? - B: You could say that. You have given us **a lot of** work with this one! - A: But it's a great project [12, с. 123] (рус. D: Хорошо. Как дела в Мельбурне? Заняты делом, я слышал? - B: Можно и так сказать. Вы дали нам много работы! - A: Но это отличный проект).

Особый интерес представляют примеры, в которых лексические маркеры неопределенности расположены в конце фразы. В этом случае мы можем отметить, что в качестве ответа на подобную реплику, как правило, выступают междометия (например, *mm*, *hm*, *uhum*), краткие ответы *yes / no* (или их эквиваленты, например, *yeah*, *aye*, *sure*, *nope*, *nah*), дискурсивные маркеры (например, *right*, *well*, *so*, *okay*) и маркеры экспрессивности (например, *oh*, *ah*, *(that's) great*, *good*, *crazy*). Например:

S₁: Fifty to sixty is a ... is an honour too. - S₂: Yeah. - S₁: Or fifty five to sixty five or **something like that**. - S₂: **Yeah** [10, с. 216] (рус. Пятьдесят на шестьдесят - это тоже честь. - Да. - Или пятьдесят пять - шестьдесят пять, что-то в этом роде. - Да.).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, лексические маркеры категории неопределенности способствуют обеспечению эффективности коммуникации через создание атмосферы естественности, вежливости, убедительности и введение дополнительных аргументов, конкретизации и экспрессивности.

Список литературы

1. Акопянц А. М. К вопросу о коммуникативно-прагматической валидности лексических новообразований в дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1 (59). С. 30-33.
2. Акопянц А. М., Бабитова Л. А. Лингвистический ландшафт глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4 (66). С. 64-66.
3. Акопянц А. М., Бабитова Л. А. Развитие языка в системе глобальной коммуникации // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск. 2017. С. 92-96.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
5. Желонкина Т. П. Существительные с «Размытым» значением в современном английском языке // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvitelnye-s-razmyтым-znacheniem-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 12.01.2019).
6. Channell J. Vague Language. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 226 с.
7. Crystal D., Davy D. Advanced Conversational English. - London: Longman, 1975. – 170 с.
8. Handford, M. J.A. The genre of the business meeting: a corpus-based study: PhD thesis. - University of Nottingham, 2007. – 378 с.
9. Koester A. Investigating Workplace Discourse. - London: Routledge, 2006. – 183 с.
10. Vaughan E., McCarthy M., Clancy B. Vague category markers as turn-final items in Irish English // World Englishes, 2017. - John Wiley & Sons Ltd. - С. 208-223.
11. Harding K., Lane A. International Express. Upper-intermediate. Student's Book. - Oxford University Press. 2001. - 137 с.
12. Harding K., Lane A. International Express. Upper-intermediate. Student's Book. - Oxford University Press. 2010. - 143 с.
13. Hughes J., Naunton J. Business result. Intermediate. URL: <http://www.yousubtitles.com/BUSINESS-RESULT-INTERMEDIATE-UNIT-2-A-team-meeting-id-1095180> (дата обращения: 24.01.2019).

10.02.04

В.В. Батицкая канд. филол. наук, В.В. Гурин канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, mbv17@yandex.ru, gurinvv83@rambler.ru

АНАЛИЗ ИДИОМ С ЛЕКСИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «HEART» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию идиом с лексическим компонентом «heart» в английском языке. Авторами предпринята попытка классифицировать данные фразеологические единицы. Проведенный анализ идиом с лексическим компонентом «heart» позволил выявить их семантические признаки, определить области их употребления, а также описать национальное своеобразие исследуемых единиц.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, идиома, лексический компонент, английский язык.*

Актуальность избранной темы определяется интересом к раскрытию национальных особенностей фразеологических единиц, что способствует лучшему усвоению языка и пониманию английской речи.

Идиомы – это устойчивые словосочетания с полностью или частично переосмысленным значением [1]. Как и другие фразеологические единицы, они вторичны по отношению к слову, поэтому в их основе лежит образная и комбинаторная мотивированность.

В данной статье исследуются идиомы с лексическим компонентом «heart», который определяется как 1) the organ inside the chest which controls the flow of blood by pushing it round the body; 2) the heart when thought of as the centre of a person's feelings, especially of kind or sincere feelings [6]. Таким образом, heart – это не только орган, который контролирует поток крови в организме человека, но и центр человеческих эмоций и чувств.

Выборка идиом с лексическим компонентом «heart», а также их классификация были проведены на основании следующих источников: Большой англо-русский фразеологический словарь под редакцией А.В. Кунина [2]; Краткий словарь трудностей английского языка. От текста к контексту / A Concise English-Russian Dictionary of Expressive Formulae. From Text to Context под редакцией В.М. Модестова [3]; International Dictionary of Idioms [5].

Семантический анализ идиоматических выражений с компонентом «heart» позволил классифицировать их по следующим группам.

1 группа содержит идиомы, в которых лексический компонент «heart» ассоциируется с добротой, сочувствием, состраданием, жалостью.

1. Have a heart of gold.

Отзывчивый, добрый, хороший человек – это «золотой» человек, человек с «золотым сердцем»:

Ms. Evanson has a heart of gold; she is sincere and friendly [2].

2. Bleeding heart.

Некоторые люди бывают особенно отзывчивы к чужим бедам. В подобном случае говорят, что их сердце «обливается кровью»:

The man is a bleeding heart and he is always asked by other people for money to help others [2].

Идиома *bleeding heart* в следующем примере демонстрирует отзывчивость, добросердечие героини к животным и её отношение к непорядочным мужчинам:

...began in the seventies, arranged by a ranch lady with a spot in her bleeding heart for wild horses and bad men. She also donated rangeland... [4].

3. *Have a heart.*

Контекстуальное употребление приведённой идиомы свидетельствует о присутствии или отсутствии желания и стремления действовать:

“...quit after a couple of hands.” Ozzie commented that nobody seemed to *have a heart* for it. We all laughed. Harder than the pun deserved...[4].

4. *Heart goes out to (someone).*

В следующем примере рассматриваемая идиома демонстрирует отношение равнодушных людей к чужому горю:

It’s always a tragedy for? Believe me, Mr. Ess, my heart goes out to you, because for the father it’s really a tragedy I do understand that you’re upset, and, believe me, my *heart goes out to you*. I’ll flag this double-red [4].

5. *Heart is in the right place.*

Шутить с сердцем – опасное занятие. Оно может и «истечь кровью», и «потеряться», «разбиться» и «оказаться не на месте». Уметь оставаться доброжелательным, даже если раздражён или расстроен, очень важная способность человека. Тогда, действительно, сердце находится в «правильном месте».

Описанные выше значения актуализируются в следующем примере:

“...He’s a decent sort, and he’s intelligent, and his heart is in the right place. It’s all the people who came after him” [4].

6. *Heart is not in (something).*

Значение «душа не лежит к чему-либо» актуализируется в следующем примере:

... In the fall she will go back to teaching school, but her *heart is not in it* as before. For twenty years she was John’s wife...[4].

7. *Know (something) by heart.*

Если человек запоминает что-либо всерьёз и надолго, то эти знания откладываются не только в голове, но и в сердце:

The little boy *knows many stories by heart* [3].

8. *Lose heart.*

Многие знают выражение «потерять голову». В то же время идиома «потерять сердце» знакома не всем несмотря на то, что каждый хоть раз в жизни чувствовал упадок сил из-за неудачи:

...had sown some fear in him; yet he kept reminding himself not to *lose heart*. Sooner than he expected, in the afternoon the final list was posted...[4].

9. *From the bottom of one’s heart.*

Выражение об искренних и неподдельных чувствах часто исходит от самого сердца:

My sister thanked the man from the bottom of her heart for saving her dog’s life [5].

Во 2 группе включены идиомы, в которых лексический компонент «heart» отождествляется с грубостью, жестокостью.

1. *Have a heart of stone.*

Часто люди ожесточаются, перестают откликаться на чужую беду, пекутся лишь о собственном благополучии. Такие «каменные сердца» трудно растопить:

...of any obligations to my maker. After all, I *had a heart of stone*. I could never return a touch, and my wanting eyes would never soften [4].

2. *A false heart.*

Данная идиома используется в значении «вероломство».

3 группа включает фразеологические единицы, в которых компонент «heart» ассоциируется со страхом, неуверенностью в себе.

1. *Have one’s heart in one’s boots.*

2. *Pluck up one’s heart.*

4 группа состоит из идиом, ассоциирующихся с искренностью.

1. *Have a heart-to-heart talk with (someone).*

2. *Heart to heart.*

Настоящее счастье связано с присутствием в жизни человека близкого друга, с которым можно обсудить любые проблемы. В таком случае диалог ведут уже не два человека, а «две души»:

...noted earlier, the two were not on such close terms that they could speak *heart to heart* ...[4].

Сердце – это не только самая важная часть нашего организма. Сердце воспринимается как обитель человеческой души, центр его чувств и эмоциональных переживаний, поле битвы зла и добра. Наверное, поэтому во многих языках, в том числе и в английском, так много выражений связано с лексемой *heart*.

Исходя из вышесказанного была выделена 5 группа идиом, в составе которых компонент *heart* связан со страданиями, переживаниями от любви.

1. *Eat one's heart out.*

2. *Have one's heart go out to someone.*

3. *Be sick at heart.*

4. *Break one's heart.*

6 группа включает идиомы, ассоциирующиеся со смелостью, решительностью.

1. *Heart of oak.*

2. *A stout heart.*

3. *Have one's heart set against (something).*

Нами было выявлено 7 идиом, которые нельзя отнести к какой-либо группе, так как чёткой границы между чувствами, описанными данными идиоматическими выражениями, нет: *at heart* – в глубине души; *at the heart of smth.* – в основе чего-либо; *by heart* – наизусть; *be the heart and soul of the company* – быть душой компании; *for my heart* – ни за что; *cross one's heart* – клясться, божиться; *heart and soul* – всей душой, всеми силами, полностью отдаваясь, вкладывая всю душу.

Таким образом, выявленные идиомы ярки семантически, неповторимы, оригинальны. Чаще всего они ассоциируются с любовью, душой, переживаниями разного характера, неуверенностью, трусостью, надеждой, чёрствостью, бессердечием, а также с добротой и сочувствием. Иными словами, при помощи компонента «*heart*» описывается весь спектр чувств человека от жестокости до безрассудной любви.

Список литературы

1. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка = *Lexicology and Phraseology of Modern English*: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь около 20 000 фразеологических единиц. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – 1210 с.
3. Модестов В.М. Краткий словарь трудностей английского языка. От текста к контексту / *A Concise English-Russian Dictionary of Expressive Formulae. From Text to Context*. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 626 с.
4. *Corpus of Contemporary American English* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 23.01.2019)
5. *International Dictionary of Idioms*. – Cambridge, 2000. – 587 p.
6. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. – Harlow: Longman, 1998. – 1568 p.

10.02.04

А.А. Гимадеева канд. педагог. наук, Д.Б. Гарифуллина

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, Alfiya-Gimadeeva@mail.ru, daffodil.77@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ГАЗЕТ)

Данная статья посвящена выявлению лексических особенностей заголовков политических статей. Актуальность темы определяется тем, что существует необходимость детального изучения активных языковых процессов в современной англоязычной электронной прессе. В настоящее время мы получаем огромную долю информации, в том числе и из газет в электронной версии, особенно о политических отношениях. Эмпирическим материалом послужили заголовки из англоязычных электронных газет политической тематики. Нами представлены выводы о лингвистических особенностях заголовков англоязычной прессы.

Ключевые слова: *английский язык, англоязычная пресса, лексические особенности, газетные заголовки, политические статьи.*

Новое время порождает новые средства массовой информации. Как известно, газета это один из видов массовой коммуникации, поэтому для него характерны некоторые особенности. Следует отметить, что использование языка на страницах газет тесно связано с их содержанием, задачами и функциями как социального явления.

К настоящему времени имеется обширная литература по рассматриваемому вопросу. Особенности языка газеты рассматриваются в работах Г.О. Винокура, Г.Я. Солганика, В.Г. Костомарова, Л.П. Горбунова и др. Данная статья посвящена выявлению лексических особенностей заголовков политических статей в англоязычных электронных газетах. Материалом для нашего исследования послужили заголовки политических статей, которые мы отобрали из электронных версий газет: The Daily News, The Daily Telegraph, The Guardian, The Independent, The New York Times, The Times, The Wall Street Journal.

Одной из важных функций газетных статей является функция воздействия. Значит, заголовок статьи, ее содержание и языковые средства должны быть подобраны с учетом вышесказанного. Заголовок статьи – это первое, на что мы обращаем внимание при поиске информации. Например:

- *«Labour considers 'Amazon tax' for online retailers to aid struggling high street shops»* (The Independent 13.01.2019)
- *«Trump vents fury over Russia stories and again threatens national emergency»* (The Guardian 13.01.2019)
- *«GOP rejected Obama's executive reach but accepts Trump's»* (The Daily News 12.01.2019)

По мнению Г.Я. Солганика, «подчеркнуто социальная функция газетного слова определяется и спецификой “адресата речи” – обращенностью газетного языка к неисчислимой количественно и разнородно качественной аудитории» [4 с. 12]. Таким образом, газетные заголовки также социально ориентированы, как и непосредственно статья. Приведем примеры:

- *«What is the Brexit deal, and what will happen if Theresa May loses the vote in Parliament »* (The Telegraph 13.01.2019)
- *«Pence's pickle: How to bargain when no one speaks for Trump»* (The Daily News 10.01.2019)

- «*Democrats Promise Probe of Trump Meetings With Putin*» (The Wall Street Journal 13.01.2019)

В следующих примерах заголовки, помимо информативности, выполняют функции эмоционального воздействия на читателя:

- «*Cold War Games: U.S. Is Preparing to Test the Waters in Icy Arctic*» (The Wall Street Journal 11.01.2019)

- «*White House Contemplates Weeks More of Shutdown*» (The Wall Street Journal 11.01.2019)

- «*John Major: let's take time out and revoke article 50*» (The Times 13.01.2019)

С одной стороны, каждый отдельный человек не принимает участия в тех политических действиях, о которых передается информация в той или иной статье, но большая доля информации вливается в сознание индивида, держит его в состоянии сопричастности и включенности в данное конкретное сообщество. Рассмотрим следующие примеры:

- «*Will Theresa May resign if she loses the Brexit vote? Will there be a second referendum? And other scenarios explained*» (The Telegraph 12.01.2019)

- «*Companies should keep in touch with women on maternity leave, says Treasury minister*» (The Telegraph 11.01.2019)

- «*Revealed: Commons plot to seize control from Theresa May ahead of Brexit vote*» (The Times 13.01.2019)

Одной из важных целей газетных заголовков является обеспечение компрессии информации:

- «*Britain may never leave EU, warn Tory donors*» (The Times 12.01.2019)

- «*Brussels to send backstop letters as May battles to save Brexit deal*» (The Times 12.01.2019)

- «*White House Contemplates Weeks More of Shutdown*» (The Wall Street Journal 11.01.2019)

Специфическое построение заголовков также должно заинтересовать заметкой читателей:

- «*F.B.I. opened inquiry into whether Trump was secretly working on behalf of Russia*» (The New York Times 11.01.2019)

- «*Kamala Harris is hard to define politically. May be that's the point*» (The New York Times 12.01.2019)

- «*On Politics: the biggest stories of the week*» (The New York Times 12.01.2019)

«Для газетных заголовков свойственно обилие общественно-политических терминов, числительных, неологизмов, интернациональных слов, диалектизмов, поэтизмов, перевод которых обычно не вызывает сложностей» [3 с. 437]. Приведем примеры:

- «*Tulsi Gabbard: Democrat says she will run for president in 2020*» (Guardian 12.01.2019)

- «*Paris bakery 'gas explosion' kills three*» (Guardian 12.01.2019)

- «*1 dead, 3 injured in Palmdale crash that sends sedan onto railroad tracks*» (The Daily News 13.01.2019)

Необходимо также отметить, что в политических статьях часто употребляются имена собственные:

- «*Where and when to watch President Trump's address to the nation on border security and the wall on TV, radio and the internet*» (The Daily News 08.01.2019)

- «*Hundreds remember Roberta Weintraub as a 'master' at building a better L.A.*» (The Daily News 06.01.2019)

- «*What the secret Brexit legal advice says and how it differs from what Theresa May told us before*» (The Telegraph 06.12.2018)

В заголовках англоязычной прессы активно используются и аббревиатуры. В статье под аббревиатурой мы понимаем любое сокращение, т.е. используем данный термин в широком смысле. Например:

- «*Brexit donors predict UK will stay in EU as Theresa May faces humiliating Commons defeat over deal*» (The Independent 12.01.2019)

- «*Brexit: MPs have power to stop no-deal, admits Jeremy Hunt*» (The Independent 12.01.2019)

- «*V.A. seeks to redirect Billions of dollars into private care*» (The New York Times 12.01.2019)

Таким образом, в настоящее время мы получаем огромную долю информации, в том числе и из газет в электронной версии, особенно о политических отношениях. В связи с этим, следует отметить, что существует необходимость детального изучения активных языковых процессов в современной англоязычной электронной прессе.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 9-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384с.
2. Гимадеева А.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом как отражение татарской и английской языковых картин мира. – Казань: ИП Чермянина. – 2013 . – 286 с.
3. Медведев Н.А., Землянко Е.В. Лексические особенности англоязычных газетных заголовков и передача их при переводе // Молодой ученый. – 2017. –№. – С. 437–439. –URL <https://moluch.ru/archive/139/39193/> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Солганик Г.Я. Лексика газеты: Функциональный аспект (Учебное пособие для вузов по спец. «Журналистика»). – М.: Высшая школа, 1981. – 112с.
5. BBC News. Режим доступа: <https://www.bbc.co.uk/>
6. The Daily News. Режим доступа: <https://www.dailynews.com/>
7. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/>
8. The Independent. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/>
9. The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/>
10. The Daily Telegraph. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/>
11. The Times. Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/>
12. The Wall Street Journal. Режим доступа: <https://www.wsj.com/>

10.02.04

¹Н.В. Горохова канд. филол. наук, ²В.И. Сидорова канд. филол. наук

¹Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
факультет гуманитарного образования,
кафедра иностранных языков,
Москва, n.gorokhova@nxt.ru,

²Омский государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра «Иностранные языки»,
Омск, v_i_sidorova@mail.ru

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В статье рассматривается явление терминологической антонимии, определяется наличие противоположности понятий в научно-профессиональной области знания – терминологии химической технологии. Авторами делается попытка проанализировать термины химической технологии, с целью определить их логические возможности. Примеры выделенных по семантическим классам антонимов, а также продуктивные способы их образования находят свое отражение в статье.

Ключевые слова и фразы: *антонимия, антонимическая пара, терминология, химическая технология.*

Исследование явления антонимии представляется весьма актуальным в силу крайней абстрактности языка науки, которому свойственна бинарность. Кроме того существует ряд спорных вопросов в определении лингвистической сущности антонимии, являющейся средством выражения логической противоположности, стремления выявить диалектические конрарности существенных свойств, явлений, признаков предметов. Проблемой антонимии в разные годы занимались многие ученые-лингвисты [2, 5, 9, 11], но распространенность антонимических отношений в специальных терминосистемах, а также недостаточная изученность антонимии терминов отмечается терминологами и на современном этапе развития языка [1, 8, 12, 13]. Характерность антонимии свойственна для тех областей научного знания или профессиональной деятельности, где категория противоположности является релевантной [5: 35]. Некоторые авторы подчеркивают, что в терминологии антонимия стала средством выражения необходимых и неизбежных явлений науки [2: 25]. По мнению других исследователей антонимия свойственна терминологической лексике даже в большей степени, чем общелитературной, в силу логической организованности терминологий [2: 79]. По утверждению отдельных лингвистов антонимия является наиболее близкой к логико-философским категориям, изучающим логические отношения в языке [12: 195]. В работах современных ученых описывается противопоставление понятий как звено терминологической системы, призванное определить ее логические возможности [1]. Антонимия рассматривается как противопоставление понятий в терминологии, организующее начало формирующейся терминосистемы [7]. В иных научных трудах явление антонимии всесторонне анализируется, определяются причины и особенности ее функционирования в терминосистеме языка для специальных целей, где антонимия применяется для обозначения крайних точек терминосистемы и раскрытия ее логических потенциалов [13].

Новизна данной работы заключается в оригинальном исследовании антонимии в терминологическом массиве специального языка английской химической технологии, выявлении антонимических отношений и связей терминосистемы данной научно-

профессиональной области, где рассматриваются и характеризуются ее особенности и изучаются типы антонимов ей присущие. Материалом исследования послужил терминологический корпус английской химической технологии, представленный в англо-русских словарях по химии и химической технологии, а также статьи из журналов «Carbon», «Applied Catalysis», «Journal of Catalysis», «Chemical Engineering», «Chemical Abstracts».

Ключевым критерием выделения антонимии как языкового явления выступают системные отношения противопоставленных в лексике слов. Появляющиеся в науке понятия, как показывает практика, обладают антонимической парой: большинство явлений имеет противоположное себе явление, большинство процессов имеет обратные процессы, большинство понятий имеет «антипонятия» [1]. При возникновении необходимости в образовании одного понятия, за ним появляется понятие-антоним, таким образом антонимия выступает одной из лингвистических универсалий. Базовым элементом, определяющим антонимию, становится ассоциация по контрасту, демонстрирующая важные отличия однородных предметов, явлений, признаков, действий и т.д. [1].

Антонимами – это слова одной и той же части речи, имеющие противоположные значения. Они взаимно отрицают и в то же время предполагают друг друга, обозначая противоположные проявления одной и той же сущности [6: 21]. В основе классификации антонимов, предложенной учеными-лингвистами, лежит логическая противопоставленность научных понятий [11: 16-18], где в семантическом плане антонимы подразделяются на три основных класса (контрарные, комплементарные и векторные противоположности) и шесть типов антонимических отношений, т. е. модификаций названных классов [7: 6].

В зависимости от выражаемого типа противоположности в терминосистеме химической технологии выявлены следующие семантические классы антонимов:

Контрадикторная антонимия – это самый простой вид противоположности противоречащих понятий. Данная категория представляет собой противопоставление по линии наличия / отрицания свойства или признака. Это пара однокоренных терминологических единиц, одна из которых включает отрицательный аффикс, и содержит значение отсутствия какого-либо признака, т.о. префикс функционально выполняет роль определителя противоположности. Контрадикторная противоположность представляет бинарную оппозицию в отличие от контрарной. Так например: *reversible reaction* – *irreversible reaction* (обратимая реакция – необратимая реакция); *calcined catalyst* – *uncalcined catalyst* (кальцинированный катализатор – некальцинированный катализатор); *soluble precipitate* – *insoluble precipitate* (растворимый осадок – нерастворимый осадок); *alkylation* – *dealkylation* (алкилирование – деалкилирование); *hydrogenation* – *dehydrogenation* (гидрирование – дегидрирование) [3].

Контрарные термины-антонимы представляют собой отношение противоположности, а не строгой аппозиции. Они обладают общим элементом, который базируется на их функциональном подобии. Контрарный тип антонимии подразумевает однородные (видовые), но несовместимые аппозитивные понятия. Специфическую особенность контрарной антонимии составляет градуальность, предоставляющая возможность расширить антонимическую пару до терминологического ряда, где элементы отличаются по мере проявления того или иного признака, например: *monomolecular layer* – *multimolecular layer* (мономолекулярный слой – полимолекулярный слой); *first component* – *second component* (дiazосоставляющая – азосоставляющая); *monoradical* – *diradical* (монорадикал – бирадикал); *one-stage conversion* – *two-stage conversion* (одностадийная конверсия – двухстадийная конверсия) [4].

Комплементарные термины-антонимы не несут в себе отрицательных признаков и характеризуются положительным содержанием. Комплементарная пара терминов создается на родовых или видовых связях, исключая расширение за счет нейтрального промежуточного компонента. В терминах-антонимах данного вида одно понятие словно бы влечет другое, но не опровергает его существования. Например: *turbulent conditions* – *laminar conditions* (турбулентный режим – ламинарный режим); *homogeneous catalysis* –

heterogeneous catalysis (гомогенный катализ – гетерогенный катализ); **crystalline structure – amorphous structure** (кристаллическая структура – аморфная структура) [4].

Конверсивные термины-антонимы выражают противоположнонаправленные свойства и представляют такой тип семантической оппозиции, при котором антонимическая пара обозначает одно и то же явление или действие, но обратное по направленности и своему характеру обозначения. Например: **internal diffusion – external diffusion** (внутренняя диффузия – внешняя диффузия); **direct reaction – counter reaction** (прямая реакция – обратная реакция) [10].

Во время исследовательской работы было установлено, что в терминосистеме химической технологии антонимические пары образуются следующими способами:

1) лексическим методом: **electron donor – electron acceptor** (донор электрона – акцептор электрона); **live catalyst – dead catalyst** (активный катализатор – дезактивированный катализатор); **normal combustion – poor combustion** (полное сгорание – неполное сгорание); **oxidation – reduction** (окисление – восстановление); **moving-bed reactor – fixed-bed reactor** (реактор с движущимся слоем – реактор с неподвижным слоем); **perfect combustion – incomplete combustion** (полное сгорание – неполное сгорание) [4].

2) посредством словообразования, при котором префиксы функционально выполняют роль определителя противоположности: **oxidation – deoxidation** (окисление – восстановление); **amination – deamination** (аминирование- деаминирование); **isotropy – anisotropy** (изотропия – анизотропия); **polymerization – depolymerization** (полимеризация-деполимеризация); **saturated solution – unsaturated solution** (насыщенный – ненасыщенный раствор); **aquation – deaquation** (гидратация – обезвоживание); **fluoridation – defluoridation** (фторирование – дефторирование) [3].

Примеры антонимов, приведенных в статье, и функционирующих в исследуемой терминосистеме, свидетельствуют о том, что терминологические единицы являются денотативно, а не сигнификативно противопоставленными номинациями.

Таким образом, явление **антонимии** в исследуемой терминологии языка для специальных целей представляет собой одно из проявлений системности и включает отношения терминологических оппозиций различного рода, позволяя анализировать природу понятий описываемых процессов и явлений корпуса химической технологии. Антонимы терминологии химической технологии не только имеют полярные значения по одному из признаков, но и обоюдно предусматривают существование друг друга, логически корреспондируя между собой. Иными словами, диалектическое единство противоположных явлений действительности обеспечивает и семантическое единство обозначающих их антонимов.

Список литературы

1. *Горохова Н.В.* Антонимия в англоязычной терминологии нефтегазового дела. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-84.
2. *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
3. *Кафаров В.В.* Англо-русский словарь по химии и химической технологии. М: РУССО, 2002. 584 с.
4. *Кедринский В.В.* Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. М: РУССО, 2002. 768 с.
5. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет. Методы. Структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
6. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
7. *Новиков Л.А.* Типология учебных словарей // Учебные словари. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы: доклады сов. делегации (Болгария. Варна). М.: МГУ, 1973. С. 3-34.
8. *Новодранова В.Ф.* Роль антонимии в организации терминосистемы // Терминоведение. М.: Моск. лицей, 1996. № 1-3. С. 50-51.
9. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект пресс, 1996. 536 с.
10. *Сидорова В.И.* Англо-русский словарь терминов по катализу. Омск: ОмГТУ, 2007. 88 с.
11. *Сулейманова А.К.* Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 268 с.
12. *Татаринев В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. Российское терминологическое общество РоссТерм. М.: Московский лицей, 2006. 528 с.
13. *Шарафутдинова Н.С.* Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме. Ульяновск : УлГТУ, 2016. 204 с.

10.02.04

М.В. Грушина канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, pronyakina_margo@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Статья посвящена проблеме гендерной асимметрии в лингвистике. В работе перечислены некоторые способы преодоления языковой и социальной гендерной дискриминации.

Ключевые слова: *гендер, гендерные стереотипы, гендерная дискриминация, лингвистическая асимметрия.*

Интерес к проблеме пола возник в середине двадцатого века в связи с развитием феминистской мысли, что привело в 60-х гг. двадцатого века к так называемой «второй волне» феминизма. Это оказало благотворное влияние на изучение гендерных исследований в различных областях науки.

Учеными были предприняты попытки установить роль языка в социально-поведенческом неравенстве, проанализировать существование гендерной асимметрии, выявить наличие элементов в языке, которые способствуют женской дискриминации.

Результаты данных исследований дали возможность современным ученым продолжить систематизировать гендерный концепт в понятийных рамках коммуникативно-парадигматической лингвистики, а также получать новые данные о степени влияния гендерного аспекта на коммуникативное поведение личности, тем самым создавая комплексную параметрическую систему гендерной специфики речевого поведения.

За последние несколько лет были выявлены гендерные маркеры речевого поведения женщин и мужчин, изучены особенности речевого поведения лиц нетрадиционной ориентации, рассмотрены и проанализированы основные социальные маскулинные и фемининные стереотипы и намечены тенденции новых гендерных стереотипов женской речи.

Сегодня лингвистические гендерные исследования предпринимая все меньше попыток дифференцировать гендерный аспект мужской и женской речи и все больше шагов сделано в сторону языковой нейтрализации.

Таким образом, лингвистические гендерные исследования сохраняют свою актуальность, независимо от того какие тенденции преобладают на современном этапе лингвистики, поскольку фрагментарность собранного материала позволяет ученым продолжать накапливать и систематизировать материал. [2, С. 20]

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является проблема внедрения и создания гендерно-нейтрального языка, назначение которого заключается в сокращении гендерной стереотипизации и социальной дискриминации. Данный термин представляет собой совокупность тех языковых реформ, к которым стремились ученые-феминистки. Результатом подобной языковой реформы должен был стать язык, система которого полностью изменила бы свое андроцентричное направление.

По мнению А. Першая гендерную нейтрализацию языка следует понимать, как в «широком», так и в «узком» значении. В «широком» значении речь идет о нейтрализации сексизма в языке, т.е. гендерно-нейтральный язык будет направлен на инклюзию, включение для женщин, дав им равные с мужчинами возможности для лингвистического (само)выражения, например, специальные трансгендерные местоимения в английском — *s/he* и *ze*, а также употребление *they* в единственном числе и т.д.

В «узком» значении нейтрализация представляет собой полное отсутствие гендерного маркера. Например, в языке используются такие формы, где пол носителя не «виден». В английском языке форма *«postman»* заменяется на *«mail carrier»*. В этом случае происходит нейтрализация пола/рода в языке. [1]

Гендерно-нейтральный язык не является новым направлением и первые попытки его внедрения были предприняты еще в начале двухтысячных. В работах таких ученых как можно заметить тенденции к устранению гендерной асимметрии в отношении женщин и мужчин. Учеными было предложено заменить маскулинную форму *«policeman»* на гендерно-нейтральную *«police officer»*, или применять как маскулинную, так и фемининные формы при обращении, например, *«the applicant...he or she»*. [4, С.19]

Таковыми учеными как М. Хеллинг и Х. Буссман в работе *«Gender Across Languages»* был проведен анализ более 30 языков из различных языковых семей. Им удалось выявить, что гендерная асимметрия существует в форме общего мужского рода. Например, в английском языке местоимение «он» может быть использовано не только в отношении мужского пола или смешанной гендерной группы, но и когда пол не имеет значения. Фемининные формы рода, напротив, функционируют в языке только в качестве индикаторов женского пола.

Форма мужского рода может быть использована для обозначения всех живых существ в соответствии с гендерной иерархией, в которой лица мужского пола приобретают более высокий социальный статус, чем представители женского пола.

Гендерная асимметрия существует в большинстве языков, но в зависимости от структуры языка ее присутствие может быть совершенно незаметным. Сегодня можно выделить три основных типа языков: грамматические гендерные языки, естественные гендерные языки и языки с полным отсутствием гендера. [7, С.170] Грамматические гендерные языки, например, немецкий и французский – это языки, в которых имя существительное имеет свой грамматический род, а род личных имен существительных имеет тенденцию выражать пол референта. В естественных гендерных языках таких как английский личное имя существительное может быть гендерно-нейтральным, например, английское слово *«neighbor»* можно трактовать либо как «сосед», либо как «соседка». Референтный пол в языках данного типа выражается с помощью местоимений (например, *he / she*). В языках третьего типа с полным отсутствием гендера, например, турецкий язык, ни личные местоимения, ни личные имена существительные не укажут на пол того или иного лица. В данном случае только с помощью гендерно-дифференцированной лексики (*man/woman/father/mother*) можно будет понять о ком идет речь. Таким образом, явление гендера и лингвистической гендерной асимметрии наиболее ярко проявляется в языках первого типа. [5, С. 110]

Независимо от языковой структуры ученые сходятся во мнении, что маскулинные формы, используемые в речи, обычно интерпретируются людьми не как совокупность обоих полов, а как индикатор именно мужского рода.

В различных типах языков явление гендерной нейтрализации воспринимается по-разному. В естественных гендерных языках таких как английский или датский гендерно-нейтральные формы достаточно просто внедрить в языковую систему, но даже здесь существует гендерная дискриминация, поскольку люди, принадлежащие к данному языковому сообществу, подсознательно распределяют маскулинные и фемининные маркеры в соответствии с социальными ролями и стереотипами. Так, например, англичане делят различные виды деятельности на мужские и женские, поскольку гендерные стереотипы исторически заложены в их подсознании [6, С. 979], даже несмотря на то, что гендерно-дифференцирующих слов в естественных гендерных языках существует достаточно мало, намеренное использование маскулинных форм может быть расценено как дискриминация. [8, С. 756]

Существует несколько способов минимизации гендерной асимметрии. Одним из таких способов считается официально-принятая норма употребления гендерно-нейтрального языка в речи. Таким образом создается двусторонняя связь, которая с одной стороны направлена на

устранение гендерного неравенства, а с другой стороны официально закреплённая языковая норма способствует социальным переменам.

Несмотря на то, что данный способ кажется довольно простым, существует ряд проблем, на которые необходимо обратить внимание. Так, например, общество может принять и начать использовать гендерно-нейтральную языковую норму в различных официальных ситуациях, но будет ли использована данная языковая норма в рамках неформального общения остаётся неизвестным.

Социальные стереотипы, связанные с мужским превосходством в определенных сферах деятельности, также не способствуют гендерному равенству и принятию гендерно-нейтрального языка.

На первый взгляд гендерная асимметрия дискриминирует женщин, поскольку формы мужского рода преимущественно используются для обозначения как представителей мужского, так и женского рода, тогда как формы женского рода не являются прототипичными образцами. Таким образом, именно женщины должны ощутить положительную динамику гендерно-нейтрального языка. С другой стороны, рассуждая о способах минимизации языковой и социальной гендерной дискриминации, мы забываем о том, каким образом гендерно-нейтральный язык повлияет на мужчин. Интересное исследование было проведено в 1984 году. [3, С. 374] Цель данного исследования состояла в том, чтобы выяснить какой эффект оказывает гендерно-нейтральный язык на мужчин и женщин. Участникам было предложено прочитать два текста и пересказать их через определенный промежуток времени. Один текст содержал формы мужского рода, другой был гендерно-нейтральным. В результате эксперимента было выявлено, что мужчины смогли точнее воспроизвести текст, который содержал формы мужского рода. Полученные данные указывают на то, что внедрение и использование гендерно-нейтрального языка заключается не только в преодолении лингвистической новизны, социальных стереотипов, но и в осознании того, что мужчины теряют языковую привилегированность, которая существовала до сих пор благодаря языковой асимметрии.

В заключении следует отметить, что проблема гендерной нейтрализации языка может оказать значительное влияние на языковую и социальную дискриминацию, а также будет способствовать накоплению эмпирического и теоретического материала, что позволит ученым продолжать исследования в данной области.

Список литературы

1. *Андреевских О., Першай А., Ситникова Я.* Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? [Электронный ресурс]. URL: <https://makeout.by/2017/02/27/genderno-neytralnyy-yazyk.html> (дата обращения: 09.02.2019).
2. *Пронякина М.В.* Гендерные особенности англоязычного текста журнального интервью: дис. ... канд. Филол. Наук. М., 2017. 168 с.
3. *Crawford M., English L.* (1984). Generic versus specific inclusion of women in language: effects on recall. // *J. Psycholinguist. Research.* 1984. №5 V.13. - P. 373–381.
4. *Fairclough N.* (2003). Political correctness: the politics of culture and language. // *Discourse & Society.* 2003. №1 V.14. - P. 17–28.
5. *Hellinger M., Bussmann H.* / *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men.* 2001. Vol. 1. p.343.
6. *Oakhill J., Garnham A., Reynolds D.* (2005). Immediate activation of stereotypical gender information. // *Memory & Cognition.* 2005. №6 V.33. - P. 972–983.
7. *Stahlberg D., Braun F., Irmen L., Sczesny S.* Representation of the sexes in language. 2007. - New York, NY: Psychology Press. P. 163–187.
8. *Stout J. G., Dasgupta N.* When he doesn't mean you: gender-exclusive language as ostracism. // *Personality and social psychology bulletin.* 2011. №6. V.37. P. 757–769.

10.02.04

Г.Р. Еремеева канд. педагог. наук, Е.В. Смыслова, П.А. Свечникова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков для физико-математического направления и
информационных технологий,
Казань, guzeliksanova@rambler.ru

**РАЗРЕШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛЕНГОВЫХ
ВЫРАЖЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ЛЕСКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)**

Целью статьи является выявить, подходит ли один из классических алгоритмов разрешения лексической многозначности, метод Леска, для сленговых выражений. Авторами проведен анализ значений некоторых сленговых выражений из популярного среди подростков романа «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера. Отбор материала исследования был осуществлен методом сплошной выборки с последующим использованием метода Леска. Проведенный анализ показал, что выбранный алгоритм Леска совершенно не подходит для разрешения лексической многозначности сленговых выражений. В заключении статьи авторами предложено рассмотреть применение улучшенного алгоритма Леска и его производных.

Ключевые слова: лингвистика, лексическая многозначность, разрешение, метод Леска, сленг.

На сегодняшний день машинный перевод активно используется как для перевода отдельных слов и предложений, так и для целых текстов. Следует признать, что связанный текст в результате такого перевода получить сложно, однако уловить суть и идею первого вполне возможно. Отдельную же проблему представляет перевод сленга, так как часто сленговые выражения правильно понимаются только носителями языка, либо людьми, которые хорошо знают данный язык. Оставив проблему перевода сленга в стороне, сосредоточим свое внимание на анализе возможности его распознавания в тексте, поскольку в речи подростков **повседневные** слова нередко приобретают новые необычные значения, что обуславливает возникновение проблемы разрешения лексической многозначности.

Актуальность данной работы определяется двумя факторами. Во-первых, современные авторы все больше пишут о подростках, в связи с чем пытаются передать их стиль общения, что, в свою очередь, невозможно без использования сленга. Следовательно, важно помочь переводчикам, которые могут быть незнакомы с молодежной культурой, правильно понять писателя (а к тому времени, когда книги будут переводиться исключительно компьютерами, это будет просто необходимо). Во-вторых, роман «Над пропастью во ржи» Дж.Д. Сэлинджера, написанный в 1951 году, все еще не теряет популярности среди молодежи. Так, книга, написанная от лица подростка и потому изобилующая сленговыми фразами, входит в топ-100 лучших романов мира по версии журнала “Time” [4].

Таким образом, цель исследования заключается в проверке возможности корректного перевода сленга с помощью машинного перевода и оценивании возможности перевода подобных произведений в целом.

Возникающая при обработке естественных языков проблема разрешения лексической многозначности (word-sense disambiguation, WSD) – это проблема определения смысла (значения) слова в зависимости от контекста [2], [7]. Людьюми она зачастую решается неосознанно, но вызывает серьезные затруднения у компьютеров.

Американский ученый Уоррен Уивер ставит вопрос следующим образом: «Если рассматривать слова в книге по отдельности, как через непрозрачную пластину с отверстием для одного слова, то, очевидно, определить значение этого слова невозможно. ... Но если удлинять щель в этой пластине, до тех пор, пока будет видно не только центральное слово, но и, скажем, N слов с каждой стороны, тогда, если N достаточно велико, значение центрального слова можно определить однозначно. ... Вопрос: “Какое минимальное значение N, по крайней мере, в большей части случаев, приведет к правильному толкованию центрального слова?”» [8].

Ответ на этот вопрос попытался дать Майкл Леск, американский программист, в 1986 году разработавший один из классических алгоритмов разрешения лексической многозначности, названный методом Леска [5], который в последующем много изучался, расширялся и улучшался. В оригинальном методе Леска автор полагает N=10 (не более). Следующим шагом является поиск определений центрального слова в словарях (Леск использовал «Oxford Advanced Learner’s dictionary»), после чего каждое слово из контекста (тех самых 10 слов) ищется в найденных определениях. В итоге центральному слову присваивается то определение, в котором найдено наибольшее количество слов из контекста. В своей статье Леск указывает точность алгоритма – 50-70%, полученную при работе с короткими отрывками из романа «Гордость и предубеждение» Джейн Остин и новостной лентой Associated Press.

Метод Леска, используемый в качестве методологической базы исследования, предполагал следующие шаги:

1. Выбрать слово, значение которого необходимо определить, и обозначить контекст (не более 10 слов).
2. Найти определения в словаре (или любом другом схожем источнике).
3. Реализовать поиск слов из контекста в найденных определениях. При каждом совпадении определение получает балл.
4. Верным считается определение, получившее наибольшее количество баллов [1].

Ввиду отсутствия необходимых навыков программирования, алгоритм был реализован вручную. Для поиска определений были использованы «Oxford Advanced Learner’s dictionary» [6] и словарь синонимов [3].

В первую очередь рассмотрим список слов, значение которых требуется определить, и их контекстов (в алфавитном порядке):

1. Bunk – “looking sore as hell because their dates are late - that's bunk”.
2. Chisel – “was cracking all over the place. «You're trying to chisel me.»”
3. Dizzy – “I felt funny when I got outside. Sort of dizzy”.
4. Dough – “near four thousand bucks. He's got a lot of dough”.
5. Louse – “bartender was a louse, too. He was a big snob”.
6. Mushy – “very Dixieland and whorehouse, and it doesn't sound at all mushy”.
7. Ratty – “old Spencer had on this very sad, ratty old bathrobe”.
8. Yellow - “I was pretty scared. I'm very yellow about those things”.

Первым был использован «Oxford Advanced Learner’s dictionary». Результат работы алгоритма для этого источника приведены в таблице 1. Корректный вариант толкования отмечен *.

Таблица 1 – Oxford Advanced Learner’s dictionary

Слово	Баллы	Смысл	Определения и совпадения
Bunk	1	1	a narrow bed that is fixed to a wall, especially on a ship or train; that
	2	2	(also bunk bed) one of two beds that are fixed together, one above the other, especially for children; are, that
	0	3*	nonsense
Chisel	0	1	a tool with a sharp flat edge at the end, used for shaping wood, stone or metal

Dizzy	1	1	feeling as if everything is spinning around you and that you are not able to balance; feel
	1	2	making you feel dizzy = making you feel that a situation is changing very fast; feel
	0	3*	silly or stupid
Dough	1	1	a mixture of flour, water, etc. that is made into bread and pastry; of
	0	2*	money
Louse	0	1	a small insect that lives on the bodies of humans and animals
	0	2*	a very unpleasant person
Mushy	1	1	soft and thick, like mush; and
	0	2*	too emotional in a way that is embarrassing
Ratty	1	1	becoming angry very easily; very
	0	2*	inbadcondition
	0	3	lookinglike a rat
Yellow	0	1	having the colour of lemons or butter
	0	2	an offensive word used to describe the light brown skin of people from some E Asian countries
	0	3*	easilyfrightened

Далее был рассмотрен словарь синонимов. Результаты для второго источника приведены в таблице 2. Корректный вариант толкования также отмечен *.

Таблица 2 – Synonyms dictionary

Слово	Баллы	Смысл	Определения и совпадения
Bunk	0	1*	nonsense
	0	2	twin bed, usually stacked, place to sleep
Chisel	0	1	shaping tool
	0	2	cut, wear away
Dizzy	0	1	light-headed, confused
	0	2	flighty, scatterbrained
Dough	1	1*	money; bucks
Louse	0	1*	bad person
Mushy	0	1	doughy, soft
	0	2*	romantic, corny
Ratty	1	1*	shabby; old
Yellow	0	1*	cowardly
	0	2	sunny color

Результат работы всего алгоритма и его точность (в процентах) представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты работы алгоритма Леска

Источник	Метод Леска (в случае 0 баллов – ошибка)	Только первый вариант толкования	Только последний вариант толкования
Oxford Advanced Learner's dictionary	0 %	0%	75%
Synonyms dictionary	25%	62,5%	50%

Результаты показывают, что оригинальный алгоритм Леска совершенно не подходит для разрешения лексической многозначности в случае сленга. Это можно объяснить тем, что автор романа для имитации речи подростка использует по большей части короткие, точные предложения. Фразы героя не отличаются лексическим многообразием, а для выражения своих чувств он часто использует одни и те же слова несколько раз подряд. Такой стиль коммуникации популярен и сейчас, когда множество людей общаются при помощи коротких сообщений в социальных сетях или мессенджерах.

Анализ результатов также установил, что словарь синонимов лучше подходит для определения смысла сленговых выражений. Однако стоит отметить, что Оксфордский словарь, который является академическим словарем, содержит больше определений, в том числе правильных, отсутствующих в словаре синонимов. Таким образом, при выборе только последнего варианта, точность толкований с его помощью увеличивается до 75%. Это объясняется тем, что «разговорные» варианты обычно помещаются в конце словарной статьи.

В целом, можно сделать вывод, что перевод сленга все еще остается проблемой: выражения, используемые подростками в начале 50-х годов XX века, уже успели укорениться в умах людей и попасть в лингвистические словари, когда значение современных выражений отражены только в онлайн словаре англоязычного сленга «Urban dictionary», пополняемого и редактируемого отдельными добровольцами.

Дальнейшее исследование данной проблемы может быть продолжено на анализе улучшенного алгоритма Леска и его производных на материале того же романа, либо других произведений, где активно используется сленг (например, роман Э. Берджесса «Заводной апельсин»). Кроме того, представляется перспективным рассмотрение большого количества других способов разрешения лексической многозначности.

Список литературы

1. Введение в обработку текстов. Лекция 7. Лексическая семантика, М.: ВМК МГУ, 2013. 56 с.
2. *AlokRanjan Pal, DigantaSaha*, Word sense disambiguation: a survey // International Journal of Control Theory and Computer Modeling (IJCTCM), Vol.5, No.3, 2015, pp.1-16.
3. Dictionary Synonym. URL: <http://www.thesaurus.com/> (accessed 10.01.2019).
4. *Lev Grossman, Richard Lacayo*, Гроссман. All-TIME 100 Novels. 2010. URL: <http://entertainment.time.com/2005/10/16/all-time-100-novels/slide/the-catcher-in-the-rye-1951-by-j-d-salinger/> (accessed 16.01.2019).
5. *Michael Lesk*, Automatic Sense Disambiguation Using Machine Readable Dictionaries: How to Tell a Pine Cone from an Ice Cream Cone // Bell Communications Research. Morristown, NJ, 1986, pp. 24-26.
6. Oxford Advanced Learner`s dictionary // Oxford University Press. 2018. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 10.01.2019).
7. Philip Edmonds, AgirreEneko. Word sense disambiguation. Scholarpedia, 3(7):4358. doi:10.4249/scholarpedia.4358. 2008. URL: www.scholarpedia.org/article/Word_sense_disambiguation (accessed 03.01.2019).
8. *Warren Weaver*, Memorandum on translation 1949. URL: <http://www.mt-archive.info/Weaver-1949.pdf> (accessed 03.01.2019).

10.02.04

Е.В. Комлева д-р филол. наук, Н.В. Сергеева

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, elena.v.komleva@gmail.com, s_nadezhdac@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЦЕПТИВНОСТИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена обоснованию статуса перцептивности как функционально-семантической категории, в значение которой входит языковое выражение восприятия субъектом объекта / субъекта, находящегося непосредственно в поле наблюдения воспринимающего в синхроническом аспекте. Предпринимается попытка представить конститuentы функционально-семантического поля перцептивности на основе общей семантической функции восприятия, рассмотреть языковые средства, которыми выражена эта функция, в ядерной и периферийной позиции.

Ключевые слова: *перцептивность, функционально-семантическая категория, конститuentы, функционально-семантическое поле, ядро, периферия.*

Понятие перцепции (от лат. percipiō – представление, восприятие) встречается во многих словарях и справочных материалах [3;6;5;1]. Понятие перцепции эквивалентно понятию восприятия и определяется как «сложный процесс приема и преобразования информации, обеспечивающий организму отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире» [6, с. 251]. Перцепция включает обнаружение объекта в поле восприятия, различение отдельных признаков в объекте, выделение в нем информативного содержания, адекватного цели действия, формирование образа восприятия [там же]. Перцептивность многократно становилась предметом научного анализа, прежде всего, в психологии. Так, выдающийся отечественный психолог А. Н. Леонтьев [4] рассматривает данное понятие, как постоянно продолжающийся активный творческий процесс познания на когнитивном уровне с целью получения информации из внешнего мира. В связи с тем, что перцептивность является неотъемлемой составляющей межличностного общения и обязательным условием восприятия при получении и передачи информации, способом изучения, познания субъекта, перцептивность представляет интерес и для лингвистической науки. Задача данной статьи – рассмотреть средства актуализации перцептивности разноуровневыми единицами языка, что позволяет предположить закрепление за перцептивностью статуса функционально-семантической категории (ФСК). ФСК представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций [2]. ФСК имеет план содержания и план выражения. Категориальное значение перцептивности заключается в языковом выражении восприятия субъектом объекта / субъекта, находящегося в его непосредственном наблюдении в синхроническом аспекте. Исследовательский материал показывает, что для выражения чувственного восприятия субъектом объекта/субъекта регулярно используются разноуровневые языковые средства с семантикой чувственного восприятия (зрительного, звукового, тактильного, обоняния, вкусового).

Наличие разноуровневых языковых средств с функцией чувственного восприятия позволяет объединить их в рамках функционально-семантического поля перцептивности (ФСКП). ФСКП имеет в языке план содержания (передача восприятия) и план выражения (языковые разноуровневые средства с семантикой восприятия). В структурном отношении ФСКП является полицентрическим, состоящим из четырех микрополей: микрополе восприятия, лексико-грамматическое микрополе личности, микрополе темпоральности и микрополе залоговости.

Микрополе восприятия структурно представлено пятью микрополями: микрополем (МП) зрительного восприятия (*visual*), микрополем звукового восприятия (*acoustic*), МП вкусового восприятия (*gustatory*), МП обоняния (*olfactory*), МП тактильного восприятия или осязания (*tactile*). Ядром МП зрительного восприятия является глагол *to see*, к периферийным относятся глаголы: *to look at – to seem*. Ядерным средством МП звукового восприятия выступает глагол *to hear*, околоядерным – *to listen*, периферийным – *to sound*. В МП вкусового восприятия ядерным средством является глагол *to taste*. Ядро МП обоняния представлено глаголом *to feel*, в ядре МП осязания размещен глагол *to sense*.

Конституенты лексико-грамматического микрополя персональности служат для обозначения субъекта-перцептора и выражаются лексико-грамматическими единицами данного микрополя – местоимениями. Конституенты данного поля удаляются от ядра по признаку уменьшения проявления присутствия субъекта. В ядре, в этой связи, находится местоимение 1 лица, ед. числа – *I*, эксплицитно отражающее субъект; в околоядерной зоне – *we, you*; на периферии – местоимения *they, he, she*, а также неопределенные местоимения *someone, somebody, anyone*; отрицательные местоимения *nobody, no one, none* и универсальные – *all, each, both, everybody, everyone*.

Микрополе темпоральности служит для передачи временного аспекта перцептивности. Ядро микрополя темпоральности представлено глаголами настоящего времени (*Present Simple*). Определение настоящего времени *Present Simple* в качестве доминантного компонента микрополя темпоральности основано, прежде всего, на критерии наибольшей точности и интенсивности передачи синхронического аспекта восприятия. Околоядерная зона представлена *Present Continuous*. На периферии располагаются *Present Perfect, Present Perfect Continuous*.

Микрополе залоговости состоит из микрополей активного и пассивного залогов. Форма активного залога актуализирует точку зрения говорящего. В активной конструкции *Present Simple Active, Present Continuous Active* присутствует подлежащее, выраженное субъектом, выполняющим действие или отношение к описываемой ситуации, поэтому перцептивность в таких конструкциях реализуется ярче.

В страдательном (пассивном) залоге субъект перемещается сам на позицию объекта переходит в ранг наблюдателя. Пассивные конструкции реализуют ситуацию восприятия, когда субъект неизвестен или эксплицитное указание на него является значимым для контекста, например, *They were seen*.

Микрополя восприятия, персональности и залоговости, темпоральности, входящие в макрополе перцептивности, находятся в отношениях пересечения в перцептивной категориальной ситуации – в тексте.

Рассмотрим реализацию ФСКП на конкретном примере, заимствованном из статьи ежедневной газеты в Великобритании «*Guardian*»: *Callum is big, strong and punches hard. But he blows hot and cold. We'll see how good he is if he makes the final* [7].

Данный пример демонстрирует реализацию ФСКП ее ядерными конституентами, такими как настоящее время (*Present Simple*), действительный залог глаголов «*to see*», «*to blow*», «*to punch*», личное местоимение «*We*». Местоимение «*We*» создает эффект присутствия множества перцепторов, настоящее время, действительный залог, семантика глагола «*to see*» обеспечивают синхронический аспект ситуации восприятия.

Группировка разноуровневых средств языка, служащих для выражения значения перцептивности, позволяет представить перцептивность как функционально-семантическое поле. В значение ФСКП входит языковое выражение субъектом объекта/субъекта, находящегося в его непосредственном наблюдении в синхроническом аспекте. Перцептивность является функционально-семантической категорией, поскольку обладает всеми ее признаками: планом выражения через общность семантической функции восприятия реализующих ее языковых единиц, планом содержания в виде лексических и грамматических конституентов, взаимодействующих между собой, структурой с членением на микрополя, с центром и периферией.

Список литературы

1. *Апресян, Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. *Бондарко, А.В.* Категоризация в системе грамматики /А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с.
3. *Кондаков, И.М.* Психология: Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. –2-е изд. доп. и перераб. – СПб: Прайм-Еврознак, 2007. – с.107
4. *Леонтьев, А.Н.* Лекции по общей психологии /А.Н.Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 508 с.
5. *Попов, М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 466 с.
6. *Прохоров, А.М.* Советский энциклопедический словарь. / Гл. ред. А.М. Прохорова. –М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

Интернет ресурсы

7. George Groves: ‘I don’t want to be damaged, but I haven’t earned enough yet’ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2018/feb/07/george-groves-chris-eubank-jr-boxing-interview> (дата обращения: 09.02.2018).

10.02.04

В.Ю. Кузнецова (Барбазюк) канд. филол. наук, А.Е. Воробьев канд. филол. наук

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков, кафедра № 33,
Москва, vera087@mail.ru,
Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра переводоведения и практики перевода английского языка,
alexresurs@mail.ru

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Данная статья посвящена особенностям перевода англоязычных газетно-информационных материалов. Рассмотрен ряд их специфических черт, которые необходимо учитывать при передаче на русский язык. Проведенный анализ показал, что особую сложность может вызвать перевод абстрактных лексических единиц, т.к. они требуют от переводчика глубокого знания темы.

Представленный в работе материал может быть использован при разработке теоретических курсов по общему переводу. Данные наблюдения будут полезны начинающим переводчикам. Перевод примеров на русский язык был выполнен автором статьи.

Ключевые слова: *перевод, текст, культура, язык.*

В условиях современной коммуникации англоязычные газетно-информационные материалы становятся одним из основных объектов перевода. При этом не вызывает сомнения тот факт, что в процессе перевода происходят различные типы преобразований исходного текста для достижения переводческой эквивалентности.

Действительно, «информация, подлежащая передаче при переводе, и информация, реально переводимая... не всегда совпадают – вопреки расхожему представлению о семантической точности перевода, воспроизводящего некую лексико-грамматическую основу исходного текста» [1, с. 121]. Поэтому в процессе перевода необходимо учитывать тот факт, что каждый язык обладает своими особенностями, которые могут быть нехарактерны для других языков. Очень часто переводчик, пытаясь приблизить переводной текст к исходному, забывает об этом, особенно, если это касается переводов газетно-информационных материалов. «Translating newspapers presents its own unique challenges. Much of it has to do with the fact that newspapers are made up of different sections and types of articles, each with their own style and language. What works for one section or article may not work for all of them.» [2] (пер. авторский: Перевод газет связан с рядом специфических проблем. Во многом это связано с тем, что газеты состоят из разных разделов и типов статей, каждый из которых имеет свой собственный стиль и язык. То, что работает для одного раздела или статьи, может не работать для других).

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что в последнее время в англоязычной прессе произошел ряд заметных изменений, которые еще не подвергались комплексному сопоставительному анализу. Пристального внимания заслуживает анализ и выявление лексико-грамматических и структурных особенностей англоязычных газетно-информационных материалов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для переводоведения. Ведь именно знание специфики организации газетно-информационных текстов требуется для адекватной интерпретации передаваемой в них информации.

Теоретическая значимость статьи заключается в обосновании необходимости отдельного изучения специфики перевода англоязычных газетно-информационных материалов для соответствия требованиям адекватности и эквивалентности.

Цель данной статьи – выявить основные особенности англоязычных газетно-информационных материалов, а также изучить специфику их перевода на русский язык.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка выделения пяти основных специфических черт англоязычных газетно-информационных материалов и в выявлении особенностей их перевода.

Теоретической основой исследования послужили труды таких ученых как В.С. Виноградов, Л.Л. Нелюбин, П.Р. Палажченко, Д.И. Красовский, А.П. Чужакин, Т.А. Казакова и др.

Материал исследования составили газетные тексты онлайн-формата 2018 года. Языковой материал собирался методом сплошной выборки.

Основными методами исследования в статье являются:

- метод лингвистического описания;
- метод сопоставительного анализа.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные данные позволят усовершенствовать подготовку переводчиков.

Не секрет, что структура английского языка значительно отличается от структуры русского. Конечно, различия между ними не столь велики как, например, различия между английским и арабским языком, тем не менее, они существуют и их достаточно много. не осознавая эти различия, переводчик едва ли сможет удачно перевести текст. к сожалению, определить их достаточно сложно. Перевод газетно-информационных материалов имеет ряд особенностей, которые отличают его от, например, научного перевода. На первый взгляд, может показаться, что газетно-информационные материалы относительно легко перевести. Тем не менее, не все так просто.

В действительности, при переводе газетно-информационных материалов переводчик имеет дело с информацией когнитивной и эмоциональной. Главным принципом построения текста будет стремление автора не только проинформировать реципиента, но и достичь определенного эффекта, воздействовать на аудиторию, чему будут подчинены как все средства выразительности, так и способ организации текста.

Рассмотрим ряд специфических черт англоязычных газетно-информационных материалов, которые необходимо учитывать при переводе (см. рис. 1).

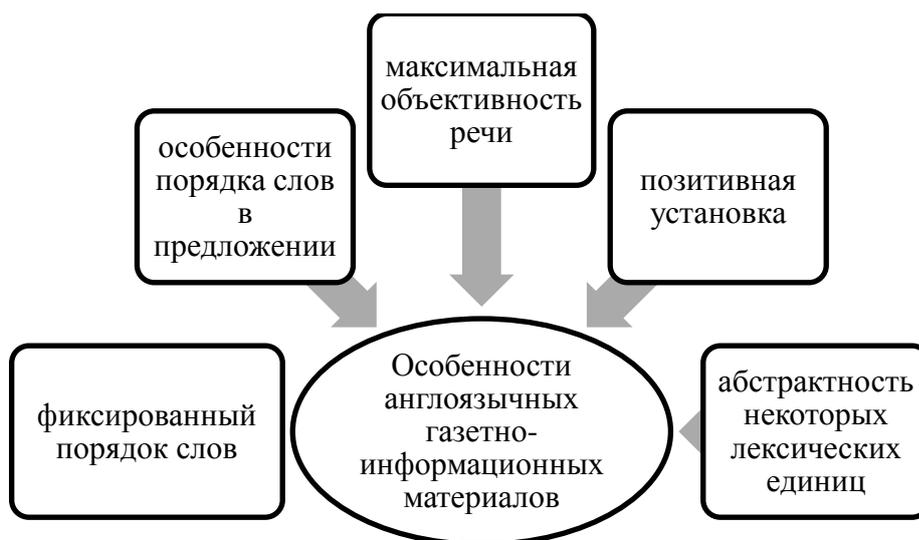

Рис.1- Особенности англоязычных газетно-информационных материалов

Прежде всего, стоит проанализировать специфику порядка слов в предложениях. В английском языке порядок слов в предложении фиксированный. Тем не менее, при переводе на русский язык переводчик изменяет порядок следования членов предложения. Рассмотрим несколько примеров, которые проиллюстрируют эти различия:

➤ *Russia will supply Syria with other defense equipment in addition to the S-300 air defense system to ensure the safety of its troops following the downing of a Russian Il-20 plane last week, **Viktor Bondarev, the chairman of the Russian parliament's upper house Defense and Security Committee, said on Monday** [10].*

Перевод: ***В понедельник Председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Виктор Бондарев заявил,** что для обеспечения безопасности своих войск Россия поставит в Сирию к системе противовоздушной обороны С-300 дополнительное военное оборудование. Эти меры вызваны крушением самолета ИЛ-20.*

➤ *Russia will respond if the United States places medium-range missiles in Europe, **Yury Solomonov, the chief designer at Moscow Institute of Thermal Technology said** [9].*

Перевод: ***Генеральный конструктор Московского института теплотехники Юрий Соломонов заявил,** что, если Соединенные Штаты разместят ракеты средней дальности в Европе, то Россия примет ответные меры.*

Не менее важной особенностью является и то, что в английском языке обстоятельства времени, места и причины находятся в конце предложения, а в русском языке – в начале предложения. Соответственно, при переводе с английского на русский язык происходит перестановка обстоятельства в начальную позицию в предложении. Например:

➤ *A commemorative ceremony was held **at the intersection on Sunday** [7].*

Перевод: ***В воскресенье на перекрестке** состоялась торжественная церемония.*

➤ *Democrats in the US House of Representatives have agreed on a spending bill that would help end the government shutdown by providing money to fund the work of the government until February 8, **media reported on Monday** [5].*

Перевод: ***В понедельник СМИ сообщили,** что Демократическая партия в Палате представителей США согласилась принять законопроект о расходах, который поможет положить конец временной приостановки работы правительства, предоставив до 8 февраля деньги на финансирование их работы.*

Еще одной важной чертой англоязычных газетно-информационных материалов является максимальная объективность. Для английской культуры характерно стремление максимально объективно представить ситуацию. Это достигается путем частых прямых и косвенных ссылок на авторитетный источник или результаты исследования:

➤ ***The Associated Press concluded that** thousands or even tens of thousands of Uyghurs had been sent to detention camps for extremism, with such imprisonment lasting between three months and two years, during which time Uyghurs are forced to learn Mandarin and the principles of "ethnic unity, de-radicalization and patriotism" [8].*

Перевод: ***Associated Press пришло к выводу,** что тысячи или даже десятки тысяч уйгуров были отправлены в лагеря для экстремистов. Их заключение длилось от трех месяцев до двух лет, в течение которых уйгуры вынуждены были изучать мандаринский язык и принципы «этнического единства, дерадикализации и патриотизма».*

➤ ***A new report by Public Health England is calling for** pressure on manufacturers over their failure to meet Government targets to cut salt in products. **The report suggests** foods like Bacon, Sausages and processed meats are still too high and they are not meeting the targets set by Public Health England set back in 2014 [6].*

Перевод: ***В новом отчете Public Health England содержится** призыв оказать давление на производителей из-за их неспособности выполнить поставленные правительством задачи по уменьшению количества соли в продуктах. **В отчете говорится,** что такие продукты, как бекон, колбасы и обработанное мясо все еще содержат много соли и не соответствуют стандартам, установленным Public Health England в 2014 году.*

Важно отметить, что для англоязычных газетно-информационных материалов характерна **абстрактность** некоторых лексических единиц. При переводе на русский язык требуется их конкретизация, но для этого переводчик должен хорошо понимать то, о чем идет речь. Проведенный анализ показал, что данная особенность может вызвать у начинающих

переводчиков много проблем и требует самого пристального внимания:

- **Aborted launch astronauts** to go to space next spring: **Russian space agency** [2].

Перевод: По сообщению российского космического агентства, **астронавты, пережившие экстренную посадку**, полетят в космос следующей весной.

- *Even when you **hew strictly to the facts**, in those situations any nuance **comes out as a painful parsing**. You **feel like Bill Clinton, clinging to the definition of "is" as your last line of defense*** [9].

Перевод: Даже, когда вы **строго придерживаетесь фактов**, в этих ситуациях любой нюанс приводит к **неприятному разбору**. Вы **ощущаете себя как Билл Клинтон**, который **цепляется за определение «есть» как за последний аргумент**.

Анализ английских газетно-информационных материалов позволил прийти к выводу, что для них характерна низкая частотность отрицательных конструкций и стремление заменить их утвердительными конструкциями. На русский язык они будут переводиться с использованием отрицательной частицы «не»:

- *British Bill of Rights commission **fails** to reach agreement* [4]

Перевод: Комиссия по пересмотру британского Билля о правах **не может** прийти к соглашению.

- *US Senate **fails** to advance Bill to block Treasury from lifting Russia Sanctions* [11].

Перевод: Сенату США **не удастся** продвинуть законопроект, который запретит Департаменту казначейства США отменять санкции против России.

Подводя итоги, следует отметить, что различия в системах английского и русского языков могут ограничить возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала и будут требовать структурных и семантических изменений. Стоит помнить, что при переводе необходимо учитывать особенности материалов, которые нужно перевести. При работе с англоязычными газетно-информационными материалами переводчику необходимо помнить, что для них характерен фиксированный порядок слов, максимальная объективность речи, позитивная установка, абстрактность некоторых лексических единиц. Знание всех этих особенностей поможет избежать ошибок при переводе.

Список литературы

1. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика: Учебник. – СПб: ООО «Инъязиздат», 2006 - 544 с.
2. Aborted launch astronauts to go to space next spring: Russian space agency [Электронный ресурс] //Sunday Times, 13.10.2018 URL: <https://www.timeslive.co.za/news/sci-tech/2018-10-13-aborted-launch-astronauts-to-go-to-space-next-spring-russian-space-agency/> (дата обращения: 16.01.2019).
3. Alpha Omega. <https://alphaomegatranslations.com/business-translation/the-challenges-of-translating-for-newspapers/>
4. British Bill of Rights commission fails to reach agreement [Электронный ресурс] // BBC News, 18.12.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-20757384> (дата обращения: 16.01.2019).
5. Democrats Agree on Plan to Re-Open US Gov't Without Funding Border Wall [Электронный ресурс] // Sputnik international news, 31.12.2018. URL: <https://sputniknews.com/us/201812311071131011-democrats-agree-plan-open-us-government-without-funding-border-wall-reports/> (дата обращения: 16.01.2019).
6. Half of Britons Unaware of Salt Amount Hidden in Food - Nutrition Consultant [Электронный ресурс] // Sputnik international news, 20.12.2018. URL: <https://sputniknews.com/analysis/201812201070845016-uk-nutrition-salt-food-health/> (дата обращения: 16.01.2019).
7. Mogadishu bombings: Man executed on Somalia blast anniversary [Электронный ресурс] // BBC News, 14.10.2018 URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-45856118> (дата обращения: 16.01.2019).
8. Reeducation Camps for Muslims? The Truth About Islam in China [Электронный ресурс] // Sputnik international news, 14.10.2018. URL: <https://sputniknews.com/analysis/201810141068875304-islam-in-china-analysis/> (дата обращения: 16.01.2019).
9. Responding to US Missiles in Europe 'Not Difficult' - Russian Missile Designer // Sputnik international news, 27.12.2018. URL: <https://sputniknews.com/military/201812271071040694-missile-us-europe/>(дата обращения: 16.01.2019).
10. Russia May Supply Syria With Other Defense Systems Along S-300 - Senior Lawmaker [Электронный ресурс] // Sputnik international news, 24.09.2018. URL: <https://sputniknews.com/russia/201809241068296258-russia-s-300-syria-defense/> (дата обращения: 16.01.2019).
11. US Senate Fails to Advance Bill to Block Treasury From Lifting Russia Sanctions [Электронный ресурс] // Sputnik international news, 16.01.2019. URL: <https://sputniknews.com/us/201901161071540104-senate-vote-resolution-russia-sanctions/> (дата обращения: 16.01.2019).

10.02.04

Е.Э. Науменко канд. филол. наук

Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма (ИИЯМТ),
Кафедра теоретической лингвистики и межкультурного общения (ТЛиМО),
elkricha@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Будучи по своей сути некоммерческой, социальная реклама не является коммуникацией, которой свойственна манипулятивность, что, однако, не означает отсутствие необходимости воздействовать на реципиента. Интересно проследить, каким образом, с помощью каких языковых средств и приемов достигается суггестивный эффект. Предметом исследования настоящей статьи является реализация речевых стратегий в текстах англоязычной социальной рекламы. Выявление языковых приемов, используемых для актуализации речевых стратегий, позволяет использовать зарубежный опыт в отечественной социальной рекламе, которая не имеет столь давней истории и устойчивых традиций, как западная.

Ключевые слова: *социальная реклама, речевые стратегии, мнемоническая стратегия, стратегия ассоциирования, стратегия управления вниманием, стратегия управления критичностью восприятия, аллитерация, ассонанс, анафора, рифма.*

Англоязычными эквивалентами термина «социальная реклама» являются “public service announcement (PSA)” и “public advertising”. На Западе, в отличие от России, социальная реклама имеет давнюю традицию, поскольку зародилась в середине XX века, накопила большой опыт и выработала действенные стратегии воздействия на аудиторию. Это и вызвало наш интерес к данной сфере.

Социальная реклама направлена на распространение гуманистических и общественно полезных идей, норм поведения, нравственных ценностей, а также может преследовать благотворительные цели. Тематика социальной рекламы в англоязычных странах охватывает большой спектр актуальных проблем. Будучи некоммерческой по своей сути, т.е. не имеющей целью извлекать прибыль, она не прибегает к манипулированию сознанием реципиентов.

Основным координатором социальной рекламы в США является The National Advertising Review Board (NARB) - Национальный Совет по рекламе, в который входят семьдесят экспертов разных уровней: рекламодатели, представители рекламных агентств, общественные деятели [8]. В Великобритании эту функцию выполнял Центральный офис информации – Central Office of Information (COI) [7]. Но из-за финансовых проблем он был упразднен в 2011 г., и его функции были переданы кабинету министров (Cabinet Office) [9]. Как мы видим, и в США и в Британии проблемами социальной рекламы занимаются на государственном уровне.

Если сравнивать степень присутствия социальной рекламы в России и на Западе, то, к сожалению, приходится признать, что мы явно отстаем, несмотря на то, что у нас не меньше социальных проблем. И поскольку на Западе накоплено больше опыта, есть смысл его проанализировать и перенять. Это определяет актуальность данного исследования, целью которого является выявление тех речевых стратегий, которые могут оказывать на реципиентов наиболее эффективное воздействие.

Для того, чтобы создать действительно эффективный текст социальной рекламы, призывающий к совершению (или не совершению) определенного действия, копирайтеры принимают во внимание все лингвистические особенности текста: фонетические, лексические, морфологические, синтаксические. Минимальное количество правильно подобранных слов

способствует максимально точной передаче идеи текста. Грамотное использование лингвистических средств приводит к формированию определенных речевых стратегий, с помощью которых и происходит запрограммированное воздействие на адресата рекламного сообщения.

Под речевой стратегией, в целом, понимается заранее планируемый процесс коммуникации, зависящий от конкретных условий общения и личностей коммуникантов. Реализация этого плана в процессе общения и является речевой стратегией [1, с. 252]. Стратегии же коммуникативного воздействия в рекламе понимаются как «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении (как в его вербальной, так и в невербальной части) информации..., подчиненные целям коммуникативного воздействия...» [4, с. 209].

Речевые стратегии реализуются с помощью разнообразных языковых приемов, предполагающих отбор и применение определенных лингвистических средств, способствующих достижению стратегического плана речевого воздействия. В нашем представлении целью речевых стратегий в социальной рекламе является привлечение к ней внимания адресата, который, как правило, не проявляет особой заинтересованности и может даже иметь предубеждение против рекламного сообщения. Иными словами, необходимо создать более благоприятные условия коммуникации, которые бы нейтрализовали перечисленные негативные обстоятельства.

Исследуя речевые стратегии в коммерческой рекламе, Ю.К. Пирогова выделяет два типа: позиционирующие и оптимизирующие стратегии [6]. Позиционирующие стратегии формируют определенное приятие рекламируемого контента, тогда как оптимизирующие стратегии призваны преодолевать неблагоприятные для коммуникации условия.

Сходную классификацию речевых стратегий в рекламе предлагает А.А. Горячев, выделяющий две большие категории стратегий: информационно-формирующие, направленные на создание такого образа объекта рекламирования, который обладает «воздейственным» потенциалом, и оптимизирующие, которые создают условия для эффективной коммуникации [3, с. 81].

Согласно классификации А.А. Горячева, в рамках информационно-формирующих стратегий выделяются более частные речевые стратегии, в зависимости от типа создаваемой связи между ментальными репрезентациями:

- стратегия ассоциирования (подчеркивание “положительной” связи между объектами, которая создает позитивный образ объекта рекламирования);
- стратегия диссоциирования (подчеркивание отличий, дистанцирующих рекламируемый объект от иных объектов, идей, явлений);
- стратегия неконтекстуального описания (указание на собственные свойства объекта рекламы, не соотнося его с другими объектами [3, с. 82].

В итоге, А.А. Горячев выделяет следующие оптимизирующие речевые стратегии: 1) стратегия управления вниманием; 2) стратегия управления декодированием и интерпретацией; 3) стратегия управления критичностью восприятия; 4) мнемоническая стратегия; 5) стратегия прямого влияния на процесс принятия решений; 6) стратегия дискурсивного позиционирования [2, с. 96].

Принимая на вооружение классификацию А.А. Горячева, мы ставим перед собой цель выяснить, какие речевые стратегии и каким образом реализуются в англоязычной некоммерческой, социальной рекламе. Наши выводы основываются на анализе 550 постеров.

Речевые стратегии актуализируются при помощи языковых приемов, под которыми мы понимаем намеренное использование рекламистом определенной лексики, той или иной формы глагола, синтаксической конструкции, применение стилистических тропов и т.д. Приемы могут быть реализованы на различных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и текстовом. Однако в рамках данной статьи мы вынуждены ограничиться описанием наиболее рекуррентных приемов (в нашей выборке) на фонетическом уровне. Проследим, как данные приемы соотносятся с реализованными с их помощью речевыми стратегиями.

Текст только тогда будет адекватно воспринят, вызовет предполагаемые эмоции и

останется в памяти, когда он имеет правильную звуковую организацию, иначе само содержание может быть искажено и вызвать неуместные ассоциации [5, с. 11].

В 9% выборки (50 текстов) было обнаружено использование фонетических стилистических приемов, основанных в большинстве случаев на повторении звуков и звуковых комбинаций. К ним относятся: аллитерация, ассонанс, анафора и рифма.

Звуковые приемы, основанные на повторе, реализуют стратегию ассоциирования, т.к. частотность фонем и их созвучие обуславливают особую ритмическую организацию текста, чем эмоционально воздействуют на реципиента, создавая дополнительные смыслы. Примеры с аллитерацией: реклама, призывающая не покупать поддельные клюшки для гольфа: (1) *"Fake clubs are for fake golfers"* {2} (*f...f...f...f...*) («Поддельные клюшки - для поддельных игроков в гольф») (здесь и далее перевод автора); (2) *"Not everyone who gets hit by a drunk driver dies"* {4} (*d...d...d...*) («Не все, кого сбивает пьяный водитель, умирают»).

С другой стороны, поскольку приёмы звуковых повторов являются благозвучными и придают сообщению привлекательную форму, они позволяют реализовать стратегии управления вниманием и управления критичностью восприятия. Примером с аллитерацией (*m ... m ... m ...*) является реклама, призывающая не покупать, а брать бездомных животных - уличный кот, которого приютила семья, говорит с плаката: (3) *"When I met my family, I showed them my best moves". - Meow Man* {5} (Когда я встретил мою семью, я им показал свои лучшие движения. - Мяу-мэн.). В рекламе против грубого отношения к животным (4) *"Pets. Not puppets. Stop cruelty to animals"* {8} («Любимцы. Не марионетки. Прекратите насилие над животными») эти же стратегии (управления вниманием и критичностью восприятия) реализованы за счет использования аллитерации (*ts ... ts ... st ... ls*) и паронимии (*pets - puppets*).

Стратегия ассоциирования может также актуализироваться с помощью приемов «ассонанс» и «рифма», например: антинаркотическая реклама: (5) *"Hugs. Not drugs"* {9} (*hugs - drugs*) («Объятия. Не наркотики.»); реклама, призывающая не вести себя грубо в общественном транспорте: (6) *"Stampeding people in the train doesn't represent a time gain"* {7} (*train - gain*) («Расталкивая людей в поезде, ты не выигрываешь время»).

Любое языковое повторение представляет собой один из тех факторов, которые, как известно, способствуют закреплению информации в памяти, что помогает реализовать мнемоническую стратегию. Как правило, в рекламных текстах повторяется не один звук, а звуковой комплекс, например, антитабачная реклама: (7) *"Smoking causes blindness. Picture your future"* {3} (*[fə] ... [fə]*) («Курение вызывает слепоту. Представьте себе свое будущее»); (8) реклама, призывающая быть осторожными с незнакомцами: «*STRANGER DANGER*» {10} (*[dʒə] ... [dʒə]*) («НЕЗНАКОМЕЦ ОПАСНОСТЬ»).

Рифма и ритм, часто сопутствующие друг другу, также являются фонетическими приемами, которые участвуют в актуализации таких речевых стратегий, как мнемоническая, стратегия управления вниманием и управления критичностью восприятия. Происходит это потому, что ритмическая организация речи - чередование ударных и безударных слогов - в сочетании с рифмой делает ее более структурированной, усиливает ее эмоциональность и выразительность, и в результате привлекает большее внимание и лучше запоминается. Рифмованно-ритмизированные тексты социальной рекламы составляют более 6% нашей выборки. Например: реклама, призывающая не водить автомобиль в алкогольном опьянении: (9) *"Drinking kills driving skills"* {1} («Алкоголь «убивает» навыки вождения»), в котором рифма усиливается аллитерацией и повторением звукового комплекса (*dr ... dr; ki ... ki ... ki; ill ... ill*); социальная реклама в пользу того, чтобы люди брали, а не покупали бездомных животных: (10) *"Why breed and buy when thousands die?"* {6} («Зачем растить и покупать, если тысячи умирают?») (*b ... b; buy ... die*); (11) социальная реклама против суицидов: *"Feeling low? Let someone know"* {11} («Чувствуешь себя подавленным? Сообщи кому-то»). Итак, как показывает анализ, приемы только фонетического уровня актуализируют несколько речевых стратегий: ассоциирования, управления вниманием, управления критичностью восприятия, мнемоническую стратегию. При этом один и тот же фонетический прием часто реализует более, чем одну стратегию.

Речевые стратегии играют огромную роль в дискурсе рекламной коммуникации и социальной рекламы в частности. Исследование разных видов стратегий в рекламном дискурсе дает возможность лучше понять специфику «манипулятивной» коммуникации, смоделировать процесс подбора коммуникативных средств и проследить их взаимодействие в рекламных сообщениях.

Социальная реклама не только формирует и поддерживает интерес потребителя к той или иной социальной проблеме, но и является одной из причин мощных социокультурных преобразований.

Список литературы

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство «ИКАР», 2009. – 448 с.
2. *Горячев А.А.* Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 296 с.
3. *Горячев А.А.* Опыт моделирования речевого воздействия в рекламе // Коммуникативные исследования 2006: Научное издание / науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2006. – С. 80–85.
4. *Пирогова Ю.К.* ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. - М., 2001. - С. 209-227.
5. *Солодовникова А.Н.* Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2013. – 22 с.
6. *Пирогова Ю.К.* Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Труды международного семинара Диалог-2001. - М., 2001. - [Электронный ресурс] URL: <http://www.dialog-21.ru> (дата обращения 10 января 2019)
7. Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс] URL: <http://www.marketing.spb.ru> (дата обращения 21 января 2019)
8. About the National Advertising Review Board [Электронный ресурс] URL: [http:// www.ascreviews.org/about-the-national-advertising-review-board/](http://www.ascreviews.org/about-the-national-advertising-review-board/) (дата обращения 3 февраля 2019)
9. Cabinet Office - Wikipedia [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Cabinet_Office (дата обращения 21 января 2019)

Список источников исследования

1. <http://astamb01.blogspot.com/2008/10/drinking-kills-driving-skills-strand-3.html> (дата обращения 3 февраля 2019)
2. <http://keepgolfreal.com/> (дата обращения 3 февраля 2019)
3. http://tobacco.stanford.edu/tobacco_web/images/antitobacco/choose_disease/Blindness/large/blind_1.jpg (дата обращения 5 февраля 2019)
4. <https://truedisciplineship.com/not-everyone-who-gets-hit-by-a-drunk-driver-dies/> (дата обращения 6 февраля 2019)
5. https://web.facebook.com/guntersvilleanimalhospital/posts/by-adopting-just-one-dog-you-wont-change-the-world-but-you-certainly-will-change/1030181333807868/?_rdc=1&_rdr (дата обращения 2 февраля 2019)
6. <https://web.facebook.com/pg/julesDogGrooming/posts/> (дата обращения 3 февраля 2019)
7. https://www.adsoftheworld.com/media/print/ratp_bull (дата обращения 4 февраля 2019)
8. https://www.google.ru/url?sa=i&rcrt=j&q=&esrc=s&source=images&cd=&ved=2ahUKEwiZu8fe6J3gAhUCFCwKHWyxCwkQjxx6BAGBEAI&url=https%3A%2F%2Fwww.adsoftheworld.com%2Fmedia%2Fprint%2Fspearhead_dog_puppet&psig=AOvVaw3j8pG51bOFME5_-9uM_AVi&ust=1549223307259358 (дата обращения 6 февраля 2019)
9. <https://www.redbubble.com/people/recoverygift/works/23317812-hugs-not-drugs?p=canvas-print> (дата обращения 3 февраля 2019)
10. <https://www.wxyz.com/news/stranger-danger-man-tried-to-get-into-elementary-school-in-clawson> (дата обращения 1 февраля 2019)
11. <https://www.youtube.com/watch?v=PgLdF6p3Di0> (дата обращения 5 февраля 2019)

10.02.04

Т.Г. Перепеляк

Оренбургский государственный педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, tat-perepelyak@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В НОВОСТНОМ
ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В статье рассмотрены способы реализации функционально-семантической категории засвидетельствованности в новостном журналистском тексте. В объем значения данной категории входит степень достоверности информации. В результате анализа новостного журналистского текста были выделены языковые средства типичные для выражения засвидетельствованности в новостном дискурсе, к таким средствам относятся: презенс конъюнктива, конструкции с модальным глаголом “sollen”, конструкции передачи прямой и (или) косвенной речи, вводимые глаголами речи или глаголами мыслительной деятельности, сочетания с модальным словом „laut”, указывающими на информанта.

Ключевые слова: *функционально-семантическая категория засвидетельствованности, эвиденциальность, журналистский текст, новостной дискурс.*

Интерес лингвистов к текстам, составляющим журналистский дискурс, не угасает уже долгое время. Данное обстоятельство имеет, по всей видимости, двоякое объяснение: во-первых, журналистский дискурс освещает значимые социальные события, во-вторых, сами способы подачи информации, необходимость ее декодирования, оценочное, эмоциональное отношение адресата к изображаемым событиям заслуживают отдельного изучения. Новостной журналистский текст входит в состав журналистского дискурса. Характерными структурными особенностями новостного журналистского текста является заголовок, акцентирующий внимание адресанта, краткий анонс событий перед собственно текстовой частью, контекст, содержащий дополнительную информацию об описываемых событиях, само сообщение о новостном событии, различные комментарии, выводы, прогнозы и другая субъективная информация, которую освещает автор текста будучи непосредственным свидетелем или со слов других очевидцев [1: 6]. В этой связи исследователи говорят об эвиденциальности [3], засвидетельствованности [2, 4]. При этом данному явлению придается различный статус. Не углубляясь в данную научную дискуссию в рамках статьи, отметим, что мы принимаем, вслед за Р.О. Якобсоном, термин «засвидетельствованность» [4: 101]. Наш исследовательский материал показывает, что в журналистском дискурсе существует целый комплекс разноуровневых языковых средств, регулярно участвующих для передачи информации о событии со слов другого лица. Наличие разноуровневых языковых средств, указывающих на источник получения информации, позволяет рассматривать засвидетельствованность как функционально-семантическую категорию, в значение которой входит различная степень реализации достоверности информации с указанием на источник ее получения.

Журналистский дискурс, как известно, содержит скрытую или явную оценку излагаемых фактов. В этой связи изучение функционально-семантической категории засвидетельствованности на материале журналистских текстов обладает актуальностью.

Рассмотрим в качестве примера реализации категории засвидетельствованности освещение планируемого повышения государственной стипендии-ссуды Bafög в немецкой прессе: в статье с названием „Mehr Bafög für mehr Studenten“ из газеты „Die Welt“ [5: 9].

Журналистский текст рассказывает о социально-значимом событии, которое побуждает к формированию общественного мнения. Событие, послужившее основанием для написания данной статьи в газете *Die Welt*, стало предложение министра образования Германии Ани Карличек увеличить государственную поддержку студентам (*Bildungsministerin Karliczek will staatliche Unterstützung erhöhen*). О достоверности свидетельствуют конкретные даты (seit 2012, erhielten damit 2017 eine Förderung, ab Herbst 2019), точные статистические данные (rund 16 Prozent von 735 auf 850 Euro im Monat, um 30 Prozent gesteigerten Wohnzuschlags, noch 440.000 Empfänger, auf zuletzt 377.000 gesunken), имена собственные и топонимы (Karliczek, Christiane Konegen-Grenier, Köln, Kai Gehring, Oliver Kaczmarek, Jens Brandenburg), экономическая терминология (staatliche Unterstützung erhöhen, die Zahl der Berechtigten, die Höhe der Förderung, steigen, profitieren, absoluter und prozentualer Rückgang, das Förderungssystem, nach der Anhebung, bei guter Konjunktur, strukturbedingt, bei wirtschaftlichen Hochphasen, damit verbundenen Lohnsteigerungen и мн.др.), графики и диаграммы, достоверность содержания которых может быть подтверждено и проверено. Об актуальности этого события свидетельствует его рассмотрение с различных точек зрения: свои мнения высказывают эксперт в области образования Института экономики Германии Кристиана Конеген-Гренье (die Bildungsexpertin des Instituts der deutschen Wirtschaft Christiane Konegen-Grenier), официальный представитель в области образовательной политики фракции СДПГ Оливер Качмарек (der bildungspolitische Sprecher der SPD-Bundestagsfraktion Oliver Kaczmarek), представитель партии Зелёных по вопросам образования и научно-исследовательской деятельности Кай Геринг (der bildungspolitische Sprecher der Grünen Kai Gehring), представитель партии СвДП по вопросам образования Йенс Бранденбург (Sprecher für Studium der FDP-Bundestagsfraktion Jens Brandenburg).

Автор журналистского текста широко использует маркеры, указывающие на косвенный характер получения информации. Он передает полученную от разных лиц информацию.

1) К наиболее типичным средствам выражения «чужого» мнения, с акцентом на канал получения тех или иных сведений, можно отнести глаголы речи, мыслительной деятельности. При этом употребление нейтрального глагола *sagen* составляет 40%, *meinen*, *glauben*, *finden*, *kritisieren*, *bemängeln* – по 10% каждый. Для придания значимости информации автор приводит ссылки на конкретных политических деятелей (die Bildungsexpertin des Instituts der deutschen Wirtschaft Christiane Konegen-Grenier, der bildungspolitische Sprecher der SPD-Bundestagsfraktion Oliver Kaczmarek, der bildungspolitische Sprecher der Grünen Kai Gehring, Sprecher für Studium der FDP-Bundestagsfraktion Jens Brandenburg), что усиливает истинность информации.

Diese Ausweitung der Förderberechtigten ist eine wichtige Änderung, meint Christiane Konegen-Grenier [5: 9].

Die Bildungsexpertin des Instituts der deutschen Wirtschaft (IW) in Köln kritisiert schon lange, dass die Zahl der Förderberechtigten bei guter Konjunktur strukturbedingt zurückgeht [5: 9].

„Bislang kommt es bei wirtschaftlichen Hochphasen und damit verbundenen Lohnsteigerungen nicht zu einer entsprechenden Anpassung der Studenten-Unterstützung“, sagt Konegen-Grenier [5: 9].

Sein Amtkollege von den Grünen, Kai Gehring, glaubt allerdings nicht an die große Trendwende [5: 9].

2) Презенс конъюнктив также служит для передачи «чужого» мнения в газетной статье, автор ссылается на источник информации, не выражая собственного мнения:

... mit den Eckpunkten gebe es nun eine gute Ausgangslage für das folgende Gesetzgebungsverfahren... [5: 9].

...die Partei werde genau darauf achten, dass das Bafög tatsächlich und nachprüfbar mehr Menschen als heute erreicht [5: 9].

Aus dem Bundesbildungsministerium heißt es, man sei zuversichtlich, den Entwurf vor der Sommerpause durch Bundesrat und Bundestag bringen zu können [5: 9].

3) Предложные группы (*laut...*) указывают на источник получения информации, достоверность/недостоверность данного источника.

2017 war die Zahl der geförderten Studenten und Schüler, die Leistungen nach dem Bundesausbildungsförderungsgesetz (Bafög) erhalten, laut Statistischem Bundesamt im Vergleich zum Vorjahr um fünf Prozent gesunken [5: 9]. – Федеральному статистическому ведомству можно доверять, т.к. это федеральное управление => достоверный источник.

Laut Prognosen soll es nach der Anhebung im nächsten Jahr bis zu 70.000 Geförderte mehr geben im Vergleich zur Situation ohne Reform [5: 9]. – Прогнозам не всегда можно доверять, они могут не оправдаться => недостоверный источник.

4) Глагол *sollen* представляет другой способ выражения косвенной засвидетельствованности, когда говорящий знает о ситуации от третьих лиц и не может ни подтвердить, ни опровергнуть ее, т.е. степень достоверности информации не ясна.

Nicht nur die Höhe der Förderung soll steigen – für Empfänger des Höchstsatzes um rund 16 Prozent von 735 auf 850 Euro im Monat, inklusive eines um 30 Prozent gesteigerten Wohnzuschlags [5: 9].

Auch die Zahl der jungen Menschen, die überhaupt von dieser Leistung profitieren, soll erhöht werden [5: 9].

5) Сочетание *es heißt* и неопределенно-личное местоимение *man* также имеют эвиденциальную семантику. Автор не указывает, откуда, от кого точно имеются у него данные сведения, однако он не сомневается и побуждает к уверенности читателя, употребив *zuversichtlich* и модальный глагол *können*.

Aus dem Bundesbildungsministerium heißt es, man sei zuversichtlich, den Entwurf vor der Sommerpause durch Bundesrat und Bundestag bringen zu können [5: 9].

Рассмотренные примеры показывают, что засвидетельствованность в журналистском дискурсе может иметь косвенный способ выражения и передаваться разноуровневыми языковыми и речевыми средствами, которые указывают на источник получения информации. К таким средствам относятся: презенс конъюнктива, конструкции с модальным глаголом „sollen“, конструкции передачи прямой / косвенной речи, вводимые глаголами речи или глаголами мыслительной деятельности, сочетания с модальным словом „laut“, указывающим на информанта, выражая при этом свое отношение к сообщаемому факту (уверенность / неуверенность). Категория засвидетельствованности пересекается с аксиологической модальностью, взаимодополняя друг друга.

Список литературы

1. Бородько Д.А., Вербализация концепта "Вооруженный конфликт" в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе: Автореферат дис. канд. фил. наук. – Пенза, 2013. – 28 с.
2. Мордасова Т.П., Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: Автореферат дис. канд. фил. наук. – Елец, 2005. – 22 с.
3. Шакирова Р.Д., Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 2-2. С. 89-93.
4. Якобсон Р.О., Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
5. Haas Christine, Mehr Bafög für mehr Studenten/ Christine Haas // Die Welt. – 2018. – 14. November. – S. 9.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Ч.З. Абдуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова,
Академии наук Республики Татарстан,
отдел общей лингвистики,
Казань, chulpan_markiz@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПОВ ДВУЯЗЫЧИЯ

В статье рассматривается такой вопрос, имеющий принципиальное значение в выяснении особенностей двуязычия, как определение типов двуязычия. Анализ типов двуязычия, которые получили свое освещение в специальной литературе, поможет нам правильно ориентироваться в типах двуязычия, распространенных в Республике Татарстан.

Ключевые слова: *двуязычие, типы двуязычия, билингвизм, билингв, многоязычие, национально-русское двуязычие, русско-национальное двуязычие, паритетное двуязычие, типы двуязычия в Татарстане.*

Известно, что в определении типов двуязычия находят различные аспекты изучения билингвизма. В литературе в основном выделяются следующие аспекты двуязычия: собственно лингвистический, социологический, психологический, педагогический, этнолингвистический. В настоящее время существует множество типов двуязычия: контактный и неконтактный, чистый и смешанный, широкий и узкий, лингвистический и социологический, индивидуальный и массовый, региональный и национальный.

В свое время Ю.Д. Дешериев ввел такие понятия, как контактное и неконтактное двуязычие. Контактное двуязычие является основой национально-русского билингвизма. Неконтактное двуязычие предполагает пассивное, непостоянное употребление билингвом второго языка, например, изучение иностранных языков в школе, вузе и т.п.

Чистое двуязычие предполагает автономное сосуществование двух языков в сознании билингва, при этом не происходит переключение с одного языка на другой. Иначе чистое двуязычие называют искусственным, так как второй язык усваивается «кабинетно». Смешанное двуязычие предполагает автоматическое переключение с одного языка на другой без перевода. Здесь два языка в сознании билингва сосуществуют параллельно. Изучение второго языка в этом случае происходит с опорой на первый.

Некоторые исследователи предлагают различать узкое и широкое понимание двуязычия. По их мнению, двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения... На современном этапе широкое понимание двуязычия фактически получило название социологического типа билингвизма.

Лингвистический тип двуязычия учеными определяется как свободное владение двумя языками. Э.М. Ахунзянов предложил такой тип двуязычия назвать адекватным. А Л.Л. Аюпова считает, что практически трудно представить функционирование адекватного двуязычия, «а тем более билингва, свободно говорящего и думающего на двух языках. Во всяком случае это явление если и существует, то как весьма редкое, нетипичное, так как в подобной ситуации надо признать отсутствие и своеобразие национального мышления и поставить знак равенства между языком и мышлением, что ни теоретически, ни практически сделать невозможно» [3, с. 24].

Выделяются еще два типа двуязычия: региональное и национальное. По мнению В.А.Аврорина, региональное двуязычие «представляет собой сосуществование двух или большего числа на ограниченной по административно-государственному или географическому принципу территории, населенной двумя или большим числом народов, из которых каждый имеет свой особый язык и пользуется в повседневном общении только или преимущественно им. Так обстоят дела, например, в Канаде, Бельгии, Швейцарии, Индии, Китае, Индонезии, являющихся двуязычными и многоязычными государствами. Это же характерно и для СССР, взятого в целом» [1, с. 129-130]. Национальное же двуязычие исходит из этнического (национального) принципа и представляет собой сосуществование двух или более разнонациональных языков у одного народа. Другими словами, при национальном типе двуязычия имеет место контактное, активное двуязычие. Разные языки не только сосуществуют, «но и взаимодействуют, распределяя между собой сферы употребления или чередуясь в речевой практике всех и каждого в зависимости от речевой ситуации» [2, с. 37]. При региональном типе двуязычия языки «сосуществуют как параллельные линии, нигде не пересекаясь», независимо друг от друга. Двуязычие целого народа в данном случае может и не возникнуть, хотя это и не исключается, В.А. Аврорин приводит примеры смены языка отдельными народами, внутри того или иного региона или в пограничных ареалах, вследствие взаимного общения разноязычных народов, что указывает на случаи появления национального типа двуязычия внутри регионального типа билингвизма. Однако смена языка, утверждает В.А. Аврорин, это не фатально неизбежный финал в развитии двуязычия.

Как нам представляется, в настоящее время на территории Татарстана, функционируют почти все типы двуязычия, которые были описаны выше.

Так в пограничных зонах республики распространено национально-национальное (двустороннее) двуязычие. Например, татарско-чувашское и чувашско-татарское, татарско-марийское и марийско-татарское, башкирско-татарское или татарско-башкирское и т.п. Данный тип двуязычия с обоими компонентами, выраженными литературными формами языков, в основном функционирует в сферах образования в смешанных общеобразовательных школах. Однако наиболее распространенным является национально-национальное двуязычие с обоими компонентами, выраженными просторечными или диалектными формами, которое распространено внутри и в маргинальных зонах региона. Вот что пишет Н.И. Исанбаев по поводу марийско-татарского двуязычия: «По территориальному размещению контактирующих языков взаимодействие восточномарийских говоров (балтачевского, белебеевского, бирского, калтасинского, прибельского и Татарстана (мензелинского) можно квалифицировать как внутрорегиональное, а взаимодействие моркинско-сернурского говора лугового наречия (шиньшинско-шорунский и мари-турекский, параньгинский кусты), малмыжского, елабужского, красно-уфимского (д. Малая Тавра) говоров восточного наречия — как маргинальное, пограничное» [4, с. 19]. Национально-национальное двуязычие особенно широко функционирует в сферах семейно-бытового общения, торговле и т.д.

Многоязычие в республике распространено среди представителей малочисленных национальностей и этнических групп (башкиры, чуваша, мордовцы, марийцы, украинцы и т.д.) владеющих своими родными языками татарским языком и русским. Многоязычными также являются некоторые представители татар, живущих по соседству с этими народами.

Самым распространенным типом двуязычия в Татарстане является одностороннее национально-русское двуязычие, в частности татарско-русское.

В последние годы в науке о языке выдвигалась мысль об обоюдной направленности языкового воздействия в условиях национально-русского двуязычия. Такое двуязычие считается гармоничным, а отношения между его компонентами паритетными.

По мнению Ф.К. Сагдеевой, основными принципами распространения в нашей республике русско-татарского двуязычия являются разъяснительная работа, система мер морального и материального поощрения, стимулирующие изучение языков и добровольность [5].

На наш взгляд, знание родного и неродного языков в республике должно поощряться и стимулироваться. Это является гарантией, и своего рода стимулом для развития русско-татарского двуязычия в РТ. При любых видах двуязычия следует признавать доминирующую роль родного языка.

Правительство республики должно взять на себя общее руководство и координацию работы по обучению родному языку русскоязычного населения и усилить желание учить и знать татарский язык с лучшими возможностями для татароязычных людей.

Список литературы

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. –Л.,1975. – С. 138.
2. *Ахунзянов Э.М.* Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.
3. *Аюпова Л.Л.* Вопросы социлингвистики: типы двуязычия в Башкирии. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та,1988. – С. 89.
4. *Исанбаев Н.И.* Основные типы марийско-татарского языкового контактирования // Проблемы двуязычия и многоязычия в современных условиях. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 17-20.
5. *Сагдеева Ф.К.* Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. – Казань, 2003. – 160 с.

10.02.19

**Г.Р. Галиуллина д-р филол. наук, Э.Х. Кадилова канд. филол. наук,
Х.Х. Кузьмина канд. филол. наук, Г.К. Хадиева канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра татарского языкознания,
Казань, caliullina@list.ru, enge@inbox.ru, shirmanx@yandex.ru, gul-khadieva@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫБОР ЯЗЫКА В БИЛИНГВАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

В статье представлены отдельные результаты изучения специфики выбора языка общения в зависимости от коммуникативной ситуации в условиях татарско-русского билингвизма. В результате анализа выяснилось, что бикультурный социум вносит коррективы в языковое поведение билингвальной личности.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, билингвальная личность, билингвизм, татарско-русский билингвизм, татарский язык.

В современной науке билингвизму посвящен широкий круг исследований. Это связано с тем, какая научная дисциплина изучает данное явление. Как описывает известный ученый в области контактной лингвистики У. Вайнрайх «сравнительная степень владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия, для исследования которых лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и общественными науками» [2: 28].

Исходя из аспектов изучения, сам термин билингвизм имеет множество трактовок. Например, согласно словарю социолингвистических терминов, билингвизм это – владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе [3: 31].

Начиная со второй половины XX века, билингвизм на территории Республики Татарстан и на территориях компактного проживания татар стал объектом исследования разных направлений. Исследователи, изучая специфику билингвизма в Республике Татарстан, не раз указывали на его особый характер. Так, например, Л.К. Байрамова, комплексно изучив социолингвистические проблемы билингвизма в аспекте симметрии и асимметрии, впервые высказала мысль об оригинальности языковой модели Татарстана [1: 205]. А.А. Степанова в своей статье «Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие?» представила обзор современной языковой ситуации в республике, указала особый характер билингвизма на территории Республики Татарстан и, опираясь на социолингвистические исследования, обосновала отсутствие реального двуязычия и высокий уровень языковой толерантности [4].

Несмотря на большой объем работ по проблемам татарско-русского билингвизма, на периферии исследований продолжают оставаться вопросы, связанные со спецификой выбора языка в зависимости от коммуникативной ситуации. Практически отсутствуют работы, в которых рассматривается специфика влияния этнокультурной среды на выбор языка или отдельных языковых средств в процессе общения. Республика Татарстан является уникальной поликультурной территорией, на которой в течение весьма длительного времени наблюдается активный билингвизм и происходит интенсивное взаимодействие разных этнокультур. Практически с детства билингв приобретает основные ценности татарской и русской культур. По мере взросления у него формируются стереотипы, которые оказывают влияние на языковое поведение билингва.

Целью нашего исследования является изучение специфики выбора языка общения в зависимости от коммуникативной ситуации в условиях активного билингвизма. Исследование проводилось на основе анкетирования и анализа фрагментов разговорной речи студентов-билингвов, которые родились и проживают на территории Республики Татарстан. Все опрашиваемые респонденты изучали татарский язык в общеобразовательных учреждениях, из них 82,9 % татар и 17,1 % русские. Среди татар выделили следующие две группы респондентов: в первую группу включили студентов, обучающихся по филологическому направлению и активно вовлеченных в этнокультурную среду, во второй группе рассматриваются студенты других гуманитарных направлений, жизнедеятельность которых проходит в русскоязычной среде.

По уровню языковой компетенции студенты-татары являются сбалансированными билингвами, одинаково бегло говорящими на двух языках, студенты-русские и представители других этнических групп – несбалансированными билингвами, которые знают два языка, но бегло говорят на русском языке. Это подтверждают и социолингвистические исследования, например, в работе А.А. Степановой, выполненной на основе данных опросов 2010 года, указывается, что лишь 23% русской молодежи, проживающей на территории Республики Татарстан не знают татарский язык. Большинство молодых людей от 16 до 24 лет владеют татарским языком на низком уровне, т.е. наблюдается пассивное понимание или ограниченная речь. При этом татарский язык утрачивает приобретенную им функцию «тайного языка» и становится понятным молодому поколению русскоязычных [4: 173].

У татар-билингвов уровень владения родным языком в зависимости от места проживания имеет свою специфику. Так, например, как показывают наши исследования, проведенные 2018 году на основе опроса студентов-гуманитариев, 94 % респондентов из сельских семей свободно говорят, читают и пишут на татарском языке, а среди респондентов-татар, которые воспитывались в городских семьях, этот показатель равен 65,5 % [5: 268].

Таким образом, представители молодого поколения разных этнических групп, проживающих и обучающихся в Республике Татарстан, являются билингвами, а доминирующим языком, в большинстве случаев выступает русский язык. Для нашего исследования важным аспектом является языковое поведение билингвальной личности в коммуникативных ситуациях, когда возможен выбор одного из языков. С этой целью респондентам была предложена следующая коммуникативная ситуация: На остановке стоят две девушки, которые разговаривают на татарском и две девушки, общающиеся на русском. У кого Вы спросите дорогу?

В данной коммуникативной ситуации 49,4% студентов-татар подошли бы к тем, кто разговаривает на татарском. Однако для 37,4% опрошенных нет разницы, на каком языке спросить дорогу. 13,2% опрошенных подойдут к той паре, которая разговаривает на русском языке. Примечателен тот факт, что 65,1% опрошенных татарских филологов предпочитают диалог с теми, кто говорит на татарском, однако и среди них 31,1% респондентов отметили, что не отдают предпочтение той или иной паре. Таким образом, у современной молодежи, активно вовлеченной в этнокультурную среду, у которой доминирующим языком выступает родной язык, в коммуникативной ситуации, когда имеется выбор того или иного языка, происходит автоматический выбор наиболее привлекательного языка. Эти же респонденты в процессе устной беседы подчеркивают, что необходимо сохранить и чаще общаться на родном языке, они намерены учить своих детей родному языку. Для них родной язык – основной транслятор этнической культуры. Свой выбор в пользу русского языка в предложенной коммуникативной ситуации объясняют тем, что это происходит автоматически, так принято, так быстрее получить необходимую информацию. По этому поводу уместно привести высказывание У. Вайнрайха о том, что «если языку вообще применима формула «выживает сильнейший», то «сильнейший» может означать только «большой», учитывая, что сам механизм общения в индустриализованном мире ставит меньшие родные языки в невыгодное положение» [2: 59].

Среди студентов-гуманитариев других направлений обучения, среда общения которых преимущественно русская, показатели еще ниже. Например, 27% выбирает пару, говорящую на татарском, для 66,1% респондентов язык общения в такой ситуации не имеет значения.

Из студентов-русских 80,6% выбирает пару, говорящую на русском языке, для 19,4% опрошенных разницы нет, потому что, как они указали, знают оба языка.

Если первая коммуникативная ситуация позволяла респондентам выбрать язык и адресата, а также немаловажную роль сыграл социальный статус участников коммуникативного акта, то во второй ситуации респондентам предлагается условие «один язык – один адресат». Была сформулирована следующая ситуация: На улице к вам подошла бабушка и спросила дорогу на татарском языке. На каком языке вы ей ответите? При этом учитывалась ассоциативная связь старшего поколения с родным языком, этнической культурой.

Вариант ответа «на татарском» у свободно владеющих татарским и русским языками татар-билингвов варьировался в пределах 99,1% - 100% в зависимости от специфики исследуемых групп. Вариант «на русском» никто не выбрал, остальные 0,9% выбрали вариант «постараюсь ответить на татарском».

Результаты ответов русских-билингвов выглядят следующим образом: на данный вопрос ответят на татарском – 19,4%, на русском – 61,1%, постараются ответить на татарском – 19,5%. При уточнении причин выбора того или иного варианта ответа выяснилось, что на татарском ответят потому, что «это уважение к бабушке», «знают татарский язык». Постараются ответить на татарском языке в связи с тем, что «так будет правильнее, уважительнее», «возможно она не знает русский язык», «вопрос был задан на татарском».

Большинство ответов в пользу выбора ответа на русском языке объясняется плохим знанием татарского языка. Респонденты ссылаются на то, что плохо разговаривают на татарском и, возможно, бабушка их не поймет или не смогут правильно донести необходимую информацию. При этом большинство билингвов подчеркивают знание языка, которое сводится к пониманию речи. Одна респондент-студентка ответила, что она – русская, еще в одном ответе была формулировка «мой язык, я могу лишь так».

Таким образом, результат анализа позволяет сделать вывод о том, что этнокультурная среда и правила, установленные в бикультурном социуме и усваиваемые в процессе накопления жизненного опыта, вносят коррективы в языковое поведение билингвальной личности. Коммуникативная ситуация, социальные факторы и этнокультурная среда оказывают большое влияние на выбор того или иного языка билингвами и определяют их речевое поведение.

Работа поддержана фондом Фольксваген (AZ № 90217, 2016-2019)

Список литературы

1. Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 266 с.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6., Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25-60.
3. Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006. – 312 с.
4. Степанова А.А. Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие? // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 4 (26). – С. 169-181.
5. Galiullina G., Kadirova E., Khadieva G., Kuzmina Kh. Language of family communication in the modern Tatar-Russian bilingual society // National academy of managerial staff of Culture and Arts herald. - 2018. – Vol., Is.2. – P. 267-269.

10.02.19

Г.З. Гилязиева

Казанский государственный энергетический университет,
Институт цифровых технологий и экономики,
кафедра иностранных языков,
Казань, gilyazieva78@mail.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДНЕГО ПАРАМЕТРА АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

В работе представлены результаты исследования категории измерения недискретного количества, а именно, языковой репрезентации среднего количества. Сделан вывод о том, что, прилагательные average / уртача / средний могут определять как непосредственно объект, так и выступать в составе сложных определений с абстрактными существительными параметра. В английском языке подобное определение занимает постпозицию по отношению к определяемому слову. В татарском языке данная именная группа в препозиции, но существительное параметра выступает в падежной форме. В обоих языках прилагательные average / уртача / средний сочетаются с параметром тяжести. В татарском языке практически отсутствуют сочетания с параметрами высота, длина, ширина, но присутствуют сочетания с параметром роста. В английском языке average height имеет 92 вхождения, а average length – 56 вхождений, но только как самостоятельное существительное.

Ключевые слова: *именная группа, средний параметр, параметрическое прилагательное.*

В английском и татарском языках присутствуют параметрические прилагательные среднего значения – *average-size, of average height, уртача зурлыкта, уратча биеклектә* [Лутфуллина 2011:34]. Прилагательное *нормальный* в большинстве своих употреблений обозначает соответствие норме, вытекающей из самой природы вещей, но не установленной человеком [Шатуновский 1996], и не содержит оценочных коннотаций. Слово *ненормальный* используется для выражения отрицательного отношения.

Производные с количественным значением *порядочный* указывает на высокую степень проявления признака. Л.Г. Ефанова отмечает, что при сочетании с наименованиями нежелательных свойств значения соответствия искусственно установленным правилам позволяет распространить использование прилагательного *правильный – правильный размер*. Способность к точному воспроизведению реальности и меры выражается в словосочетании – *верный размер* [Ефанова 2012]. Н.Д. Федяева предлагает учитывать многозначность производящего слова и трактовать *нормальный*, как соответствующий норме: 1) как общепринятым критериям; *правильный*; 2) как средней величине, мере, *стандартный, средний, как все*, не отличающийся от других [Федяева 2004].

(1) with in subsidiary offices to relieve the pressure on the reception office. In the **average-size** or small hotel these tasks could be centralised and dealt with by the brigade of (EA4) [BNC];

(2) the amount of information contained on a pair of floppy disks could fill an **average-size** book. Paper will doubtless continue to be important as a tangible product of the (GUY) [BNC];

(3) 1,200sq ft) and since the school was purchased in 1982 for 162,000, an **average-size** unit cost 27,000 (A79) [BNC].

(4) The **average set size** is quite small, however, even in the frequency weighted case. have chosen to express these findings in terms of number of word-strings rather than in **average number** of words at each choice point (branching factor) (A79) [BNC].

(5) of us weigh over 10% more than we should – for a woman of **average height** and build that could mean anything from 12lb to 3 or more stone. As (CE9) [BNC].

(6) atmosphere gave the shy girl great assurance. She was a beautiful *girl of average height*, fine boned and blue eyed. Her long flaxen hair gave her an almost (CE9) [BNC].

(7) duties in the signal box. He was in his late twenties, of *average height*, had fair hair and blue eyes, was of stocky build and self sufficient (CE9) [BNC].

(8) assumed that there the corals were not killed off during the Pleistocene. The **average width** of reefs found by Daly was about 600 m (2 000 ft), (GV0) [BNC].

(9) this. He quotes an example from a dune field in southern Peru where the **average width** of barchans is 37 m and their height about one tenth of this, this (GV0) [BNC].

(10) C30 tape is usually quite long enough and, assuming your songs are of **average length**, three of the best will do nicely. And make them your most accessible (A6A) [BNC].

(11) It has 21 roads, on which about 120 vehicles of an **average length** of 50ft can be painted at one and the same time (B2S) [BNC].

(12) that and leave a payload of 804lbs -- enough for four people of **average weight** 160 lbs and 164 lbs of baggage. Alternatively, five inmates of the same (ECX) [BNC].

(13) I hate myself for being out of control. He shows me charts of **average weight** and height, because now he is working on his motorbike, going from door (ADG) [BNC].

В английском языке в BNC обнаружено 3 примера с сочетанием *average-size* [(1)] -[(3)], хотя прилагательное *average* имеет 9651 вхождение. В большинстве случаев оно сочетается с абстрактными существительными *number, price, period, cost* [(4)] -[(5)]. Прилагательное *average* в сочетании с существительными параметра выступает в роли определения, выражая именно среднее, срединное по шкале проявление признака. Сочетание *average height* встречается 92 раза в BNC [(6)] -[(7)]. В данном случае определение занимает постпозицию по отношению к определяемому слову и может быть квалифицировано как дополнение, вводимое предлогом *of* [(6)] -[(7)]. Как прилагательное может выполнять функцию именной части сказуемого [(8)]. *Average width* не функционирует в роли определения и имеет 3 вхождения как самостоятельное существительное [(9)] -[(10)]. Словосочетание *average length* имеет 65 вхождений как самостоятельное существительное и только в одном примере выполняет роль определения [(11)] -[(12)].

(1) Ул бар дигэч, аның янына өстенә гражданский костюм кигән, *уртача буйлы*, аксыл-ябык чырайлы, күз төпләре күгелжемләнеп кабарган бер кеше килә. Өзелгән жыр эзеннән (Р. Мостафин. Әдәби-документаль повесть) [TNC].

(2) Ул шактый миниатюр кеше иде: *уртача буй*, бик жыйнак гәүдә һәм кечкенәлеге белән танылган кул. (Б. Рәхимова. Бакый сагыш: мәкаләләр) [TNC].

(3) Анда тирә-ягы аллы-гөлле чәчәкләр белән бизәлгән *уртача зурлыктагы* бер һәйкәл тора. (Г. Рәхим. Саргаймагыз, каштаннар) [TNC].

(4) Усаев *уртача гәүдәле*. (З.Зәйнуллин. Шушма елгасы буйларында) [TNC].

(5) *Уртача биеклек*, татар өчен бик үк табигый булмаган саргылтаксыл чәч, тар, аска таба, ияктә бөтенләй гаип булган бит, зур маңгайдан тамырланган туры кылыч борын, иреннәре эчкә бөгелеп кергән жыйнак авыз. (Т. Галиуллин. Повестьлар һәм хикәяләр) [TNC].

(6) Тагын бер манзара елмайта иде мине Гәрәй бабай килгәч: *уртача гәүдәле* эткәм аның янында бәләкәй генә кеше булып кала иде. (Ф. Баттал. Көлмә кешедән... : юмористик һәм сатирик хикәяләр) [TNC].

(7) Хәлимдаровның *уртача авырлыктагы* жинаять кылуда шикләнелүен һәм аның өчен 3 елдан артык сорокка иректән мөхрүм ителү каралганлыгын ассызыклады. ("Татар-информ" мәгълүмат агентлыгы) [TNC].

В татарском языке в TNC прилагательное *уртача* имеет 754 вхождения. В корпусе Туган тел – 17118 вхождений. В сочетаниях *уртача буйлы ...кеше* [(1)], *уртача зурлыктагы бер һәйкәл* [(3)] прилагательное *уртача* присоединяет существительное параметра в направительном падеже. Данное прилагательное может определять непосредственно существительное и выступать в роли сказуемого *уртача гәүдәле* [(4)], а также функционировать как дополнение *уртача буй* [(2)]. В примере (6) словосочетание *уртача гәүдәле* целиком определяет существительное *эткәм*.

Данное прилагательное чаще сочетается с такими абстрактными существительными как *гомер, бәя, хезмәт хакы*. В татарском языке 1 вхождение с выражением *уртача биеклектә*, остальные словосочетания с существительными параметра *уртача киңлектә, уртача озынлыкта* отсутствуют. Интересно, что параметр *тяжесть* в обоих языках образует данный вид сочетаний: в английском языке – 2 вхождения [(13)] -[(14)]; в татарском – 5 вхождений [(7)].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Прилагательные *average / уртача / средний* могут определять как непосредственно объект, так и выступать в составе сложных определений с абстрактными существительными параметра. В английском языке подобное определение занимает постпозицию по отношению к определяемому слову. В татарском языке данная именная группа в препозиции, но существительное параметра выступает в падежной форме. В обоих языках прилагательные *average / уртача / средний* сочетаются с параметром тяжести. В татарском языке практически отсутствуют сочетания с параметрами высота, длина, ширина, но присутствуют сочетания с параметром роста. В английском языке *average height* имеет 92 вхождения, а *average length* – 56 вхождений, но только как самостоятельное существительное.

Список литературы

1. Ефанова Л.Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки: монография / Л.Г. Ефанова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. – 220 с.
2. Федяева Н.Д. Качественные прилагательные в аспекте семантической категории нормы
3. Лутфуллина Г.Ф. Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков). Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. 187 с.
4. Шатуновский И.Б. «Семантика предложения и нереперентные слова» «Языки русской культуры», 1996 г.
5. TNC- Tatar National Corpus. - Режим доступа: <http://tugantel.tatar/search>, свободный.
6. BNC – British National Corpus. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>, свободный.

10.02.19

Г.З. Гилязиева

Казанский государственный энергетический университет,
Институт цифровых технологий и экономики,
кафедра иностранных языков,
Казань, gilyazieva78@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОЧНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРИЗНАКА ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

В работе представлены результаты исследования категории точного измерения. Сделан вывод о том, что, во-первых, в обоих языках присутствуют определения, указывающие на точное измерение параметра длины, высоты, времени, которые обнаруживают схожесть по составу – числительное и единица измерения, а также возможность опущений параметрического прилагательного. Во-вторых, в английском языке именная группа обязательно включает артикль, в татарском языке единица измерения присоединяет аффиксы.

Ключевые слова: *именная группа, точное измерение, параметрическое прилагательное.*

В языке автоматизация процесса измерения воплощена в грамматических категориях сравнения и интенсивности; в функционировании параметрических прилагательных и наречий. Ведь употребление одного из антонимической пары параметрических прилагательных подразумевает уже процесс измерения, который, соотнося предмет с определенной субъективной или общепринятой нормой, позволяет квалифицировать его как, например, *длинный* или *короткий*. Как известно в грамматических категориях отражаются наиболее абстрагированные, часто воспроизводимые понятия [Лутфуллина 2010:35]. В функционировании категорий сравнения и интенсивности процесс измерения только подразумевается, языковое выражение находит только результат – представленность признака в одной субстанции определяется как *большее* или *меньшее*. Процесс измерения остается за кадром, функционирует на ментальном уровне. Элементарной формой измерения является **прямое измерение**. В языке конкретное прямое измерение представлено в именах прилагательных сложной структуры: *пятиэтажное здание, five-meters long, үзе бер караш, сакалы ун караш*.

В языке процесс сравнения с другим объектом практически проводится без обращения к системе мер – на глаз, исходя из субъективной и общепринятой нормы. Функционирование грамматической категории сравнения и параметрических прилагательных исключает необходимость точного измерения каждого предмета. В языке доминирует приблизительное измерение: *этот стол три метра длиной, другой пять метров длиной. Следовательно, этот стол длиннее, чем тот*. Исходным является случайный объект, характеризуемой величиной того же рода. Необходимым условием реализации процесса сравнения является однородность измеряемого признака: *и стол, и карандаш измеряются при сравнении по признаку длины*. **Прямые измерения** недостаточны для определения меры многих величин, характеризующих явления объективного мира, особенно свойств. К **непрямому измерению** относится определение степени представленности свойств, не требующей численного значения, которое позволяет квалифицировать предмет как обладающий тем или иным из полярных признаков одной шкалы – в случае функционирования параметрических прилагательных. В знаковой системе языка точное измерение не находит отражения, уступая место приблизительному. В выборе соответствующего параметрического прилагательного чувственное созерцание играет значительную роль, когда не требуется высокой точности: измерение длин, площадей, объемов "на-глазок" и т. п.; в процессах точного измерения

созерцание не имеет самостоятельного характера и подчиняется абстрактному мышлению. В измерении, если оно не является автоматическим, всегда участвуют органы чувств. Целью данной статьи является определение структурно-семантических компонентом параметрических прилагательных, репрезентирующих точное измерение. Параметрические прилагательные, как правило, представляют собой антонимические пары. Степени сравнения позволяют в образованном антонимами интервале измерения признака фиксировать и сопоставлять степени представленности признака. В языке доминирует неточное измерение без указания конкретных параметров. Употребляя параметрические прилагательные, мы квалифицируем объект как обладающий некоторым уровнем признака, детерминирующим его как *длинный / короткий, большой / маленький* и относящим представленность признака к одному из полюсов антонимической пары.

Обратимся к анализу примеров. Выборка примеров английского языка производилась из сборника «Английский язык в фокусе Ю.Е. Ваулина, О.Е. Подоляко тренировочные упр. Для ОГЭ. М.: Просвещение, 2018». Целью был не количественный, а качественный анализ структуры и семантики. Количественное соотношение примеров иррелевантно.

Высота (1) Racing down *an active 2,380 ft (725,4 m) volcano* at the second of 50 mph with only a board protection is considered by many thrill-seeking sports fanatics as the coolest sport (p.95). (2) He used these sticks to build *a 45-foot replica* of Viking ship (p.76).

В английском языке именная группа (далее ИГ) может выражать точное измерение параметра высоты. Данная ИГ включает обычно неопределенный артикль и существительное [(1)], [(2)]. Между этими обязательными компонентами ИГ размещаются числительное, маркирующее точный параметр и единица измерения, которые выступают в роли определения имени существительного *a 45-foot replica* [(2)]. Дополнительное прилагательное может занимать место перед определением точного параметра, который располагается непосредственно перед определяемым именем *an active 2,380 ft (725,4 m) volcano* [(1)]. Особенностью английского языка является использование наряду с международными единицами измерения национальные единицы *фута*. Правила написания цифр предписывают использование запятой в тысячах. Параметрическое прилагательное *high* отсутствует. Об измерении высоты можно догадаться исходя из семантики существительного, для которого данный параметр является характерным. В татарском языке подобные ИГ не выявлены.

Длина (3) The Amazon rainforest gets its name from *the 4,080-mile long Amazon river*, the largest freshwater source on Earth (p.62). (4) He bought *a beautiful 40-foot yacht*, with all the latest technical and safety gear, and had a pleasant voyage (p.76). (5) Леша *3 метрлы озын баскыч* сөйрәп килде (Я. Шәфыйков. Бер очрашу – бер гомер) [TNC]. (6) Менә чынлап та *6 квадрат метрлы медпункт* булып чыкты (Л. Заһидуллина. Борындыкта эшләр хәртиме ?) [TNC].

При измерении параметра длины английский язык использует тот же компонентный состав именной группы: Article / Demonstrative pronoun (артикль или указательное местоимение) + Numeral (числительное) + unit of measurement (единица измерения) + Noun (существительное) meter + Adjective (прилагательное) long + Noun (существительное); *the 4,080-mile long Amazon river* [(3)]. В татарском языке именная группа исключает артикль и существительное единицы измерения выступает с аффиксом *-лы*. В состав именной группы входят Numeral (числительное) + unit of measurement (единица измерения) с аффиксом *лы* + Adjective (прилагательное) *озын* + Noun (существительное): *3 метрлы озын баскыч* [(5)]. В обоих языках параметрическое прилагательное *long / озын* может отсутствовать *a beautiful 40-foot yacht* [(4)]; *6 квадрат метрлы медпункт* [(6)].

Возраст (8) We wonder if *the now 23-year-old girl* who is studying cinema in Paris, will some day to follow her parents' example and take her lids back to experience, that she said (p.61). (9) Luther Burbank, a famous American, developed more than 800 varieties of plants over *his 55-year carrier* (p.31). (10) *7 еллык вакытта* бары тик 20 мең экономия бирә торган 5 машина гына тормышка кертелгән (А.Алиш. Эсәрләр) [TNC]. (11) Демобилизациялэнгән майор Гаврилов

хатыны, *алты яшьлек үги кызы* белән Казан каласыннан утыз чакрымнар чамасында ... кайтып төште (З. Зәйнуллин. Татар ир-егетләре: повестьлар) [TNC]. (12) Хәтерез калмасын, егерме *жиде яшьлек кызга* — хәтта ул гүзәлләрнең гүзәле булса да — егерме ике яшьлек егет өйләнмәячәк (Ф.Яруллин. Сайланма әсәрләр) [TNC]. При указании возраста как временного параметра в английском языке для соединения числительного, единицы измерения и параметрического прилагательного используется дефис *the now 23-year-old girl* [(8)]. При указание других временных параметров, параметрическое прилагательное отсутствует *his 55-year carrier* [(9)], уточняющую роль выполняет притяжательное местоимение, определяя принадлежность. Все это связанное дефисом определение размещается между артиклем и существительным. В татарском языке опять таки наблюдается присоединение аффикса *-лык* к единице измерения времени, а также отсутствие дефиса как средства связи *алты яшьлек үги кызы* [(11)]. При указание других временных параметров, параметрическое прилагательное отсутствует *7 еллык вакытта* [(10)]. Вся именная группа может склоняться по падежам, это выражается через падежное окончание существительного. В примере (12) именная группа в направительном падеже *жиде яшьлек кызга*.

Площадь(14) Often called the lungs of the planet *the 1.2 billion acre rainforest* produces about 20 percent of the Earth oxygen (p.62). 15) Ике катлы, селкенеп тора торган йорт, икенче катта чалыш бүлмәле *сигез квадрат метрлы квартир* булып чыкты ул(Р.Батулла) [TNC].

При указании точного параметра площади в обоих языках наблюдаются отмеченные выше особенности. Отличие языков состоит в использовании разных единиц измерения площади [(14)],[(15)]. В татарском языке указание на квадратное измерение присутствует *сигез квадрат метрлы квартир* [(15)].

Таким образом, на основе проделанного анализа можно прийти к следующим выводам. В обоих языках присутствуют определения, указывающее на точное измерение параметра длины, высоты, времени, которые обнаруживают схожесть по составу. Точное измерение предполагает наличие числительного и единицы измерения. Необязательность параметрического прилагательного отмечается в обоих языках, при этом определяемый параметр выводится из семантики определяемого существительного. Отличия именных групп, содержащих определение точного измерения параметра, детерминированы структурно-типологическими особенностями языков. В английском языке именная группа обязательно включает артикль, в татарском языке единица измерения присоединяет аффиксы. Языки используют разные единицы измерения. В татарском языке падеж существительного влияет на всю именную группу.

Список литературы

1. Английский язык в фокусе Ю.Е. Ваулина, О.Е. Подоляко тренировочные упр. Для ОГЭ. М.: Просвещение, 2018
2. Лутфуллина Г.Ф. Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков). Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. 187 с.
3. TNC- Tatar National Corpus. - Режим доступа: <http://tugantel.tatar/search>, свободный.

10.02.19

**Л.Х. Дзасежева канд. филол. наук, Э.Ю. Улимбашева канд. филол. наук,
Э.Р. Хутова канд. филол. наук**

Кабардино-Балкарский государственный университет,
социально-гуманитарный институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, dzasezheva@mail.ru

РОЛЬ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена исследованию роли гастрономической метафоры в характеристике внешности человека в английском языке. В работе выделяются основные мишени метафорического переноса, анализируются наименования продуктов, формирующих положительную и отрицательную оценку внешности человека.

Ключевые слова: *гастрономическая метафора, антропоцентричность, языковая картина мира.*

Гастрономические метафоры являются одной из наиболее динамично развивающихся групп метафор языка, что обусловлено комплексом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов. К этим факторам можно отнести их антропоцентричность, их связь с физическим миром и предметность, а также способность к выражению эмоционально-экспрессивного компонента значения и оценочных характеристик.

Актуальность изучения гастрономической метафоры обусловлена тем, что гастрономическая деятельность является необходимой составляющей жизнедеятельности человека, различные кулинарные образы отражают специфику языковой картины мира и наполнены символическим содержанием. Образы еды «ощутимы, зримы, понятны и узнаваемы» [6, с. 12], поэтому участвуют в концептуализации представлений человека о мире. Пищевая метафора исследовалась в разных аспектах: анализировалась роль пищевой метафоры в различных типах дискурса (А. С. Бойчук [1], Т. В. Максимова [3]; Е. Е. Меньшикова [4]; А. Р. Шхумишхова [5] и др.); осуществлялся сопоставительный анализ пищевой метафоры в русском, английском, французском, итальянском и других языках (О. А. Дормидонтова [2], Е. А. Юрина [6] и др.).

Объектом нашего исследования выступают образные слова и выражения различной структуры (языковые метафоры, сравнительные обороты, образные слова с метафорической внутренней формой, двухкомпонентные номинации, идиомы), реализующие гастрономическую метафору. Цель статьи заключается в выявлении роли гастрономической метафоры в характеристике внешности человека в английском языке. Исходя из цели нашей работы, мы выделили ряд мишеней метафорического переноса, которые были сгруппированы по следующим параметрам: общие характеристики человека, привлекательная и непривлекательная внешность, характеристика отдельных частей тела.

В английском языке в образовании гастрономических номинаций, обозначающих самого человека, используются наименования продуктов растительного и животного происхождения, а также наименования готовых блюд.

В английском языке значение «a person» приобретают слова: **apple** («яблоко»), **nut** («орех»), **potato** («картофель»), **bean** («боб»).

Следует уточнить, что вышеуказанные наименования чаще обозначают взрослого человека, т.к. в английском языке в обозначении детей гастрономическая метафора непродуктивна. Это неудивительно – ребенок не воспринимается человеком в качестве гастрономического объекта, то есть объекта, служащего для удовлетворения желаний и потребностей. Нам удалось найти лишь несколько наименований ребенка, которые имели бы

отношение к концепту «еда». Это **fruit** (фрукт) в значении «offspring» - отпрыск, **kipper** (копченая рыба) в значении «a young person» - парень, а так же **chicken** (цыпленок) – a child (ребенок), **honey** (мед) – a spoiled child (избалованный ребенок).

Гастрономические метафоры в английском языке оказались весьма продуктивными в обозначении женщин. Так, общее значение «лицо женского пола» в английском языке реализуют через такие гастрономические метафоры, как: **pie** («пирог»), **ice cream** («мороженое»), **twist** («витой хлеб»), **raisin** («изюм»), **pumpkin** («тыква»).

Привлекательность женщины в английском языке передается при помощи следующих метафорических номинаций женщины: **a piece of crackling** (букв.: «хрустящая корочка свинины» – привлекательная молодая женщина), **a bit of crumpet** (букв.: «горячая пышка с маслом» – для описания привлекательной женщины), **cutie pie** (букв.: «прекрасный пирог» – изумительно красивая блондинка невысокого роста), **salmon** («сёмга» – слово, используемое для названия красивой женщины, очень привлекательной), **tomato** («помидор» – привлекательная девушка или женщина), **marmalade** («мармелад» – прозвище для очень милой девушки, у которой цвет волос красный или красно-оранжевый).

Непривлекательная внешность реализуется следующими метафорическими номинациями женщины: **heavy cream** («густые сливки»); **catfish** («рыба сом»); **haricot vert** («зеленая фасоль»); **roach** («рыба-плотва»); **vanilla gorilla** («ванильная горилла»); **lemon face** («лимонное лицо»); **rotten cherry** («гнилая вишня»).

Анализ словарных дефиниций английских метафор со значением «непривлекательная женщина» позволяет сделать вывод, что в основе представлений о физически непривлекательной женщине, получивших выражение в английской языковой картине мира, лежат ассоциации с невкусной или испортившейся едой.

В качестве наименований по внешнему признаку выступают также следующие существительные и словосочетания: **peanut** («арахис, земляной орех») – маленький человек, **dumpling** («яблоко, запеченное в тесте») – коротышка; **beef** («говядина») – крупный человек; **pumpkin** («тыква») – человек с избыточным весом,двигающийся тяжело и шумно; **a long drink of water** (букв.: «долгий глоток воды») – человек высокого роста, «каланча»; **a gutted herring** (букв.: «выпотрошенная сельдь») – высокий худой человек; **mackerel back** (букв.: «позвоночник макрели») – долговязый человек; **pudding** («пудинг») – толстяк; **pudding about the heels** (букв.: «пудинг на пятках») – человек с толстыми лодыжками; **Dutch cheese** («творог») – лысый человек; **sprat** («килька») – худой костлявый человек и т. д.

Гастрономические метафоры участвуют в номинации отдельных частей тела человека и фиксируют отклонения от принятой эстетической и параметрической нормы (по признакам формы и величины) в оценке. В английском языке значение «голова» («the head») имеют следующие названия плодов: **onion** («лук»), **lemon** («лимон»), **coconut** («кокос»), **nut** («орех»), **bean** («боб»), **pea** («горох»), **tomato** («помидор»), **pumpkin** («тыква»), **potato** («картошка») (ср. в русском языке «чесать репу/тыкву» – сосредоточенно размышлять о чем-либо) и продуктов: **biscuit** («сухое печенье»), **noodle** («лапша»). В основе переноса лежит сходство формы плодов и головы человека, а также представления о голове как о вместилище мозга. Метафоры **biscuit**, **noodle** приобретают негативную окраску именно благодаря совмещению представлений о качествах данных продуктов (печенье – сухое, лапша – мягкая) и о мозге как о думающем органе, который, согласно представлению человека, не должен обладать ни тем, ни другим качеством (в русском языке есть выражение «кисель вместо мозгов», имеющее аналогичное значение). Отдельные метафоры используются в номинации и других частей тела: **strawberry** («клубника») – красный нос; **banana** («банан») – длинный крючковатый нос; **muttonchops** («бараньи ребрышки») – расширяющиеся книзу бакенбарды; **melons** («дыни») – женские груди и др. Данные примеры свидетельствуют о том, что большинство гастрономических метафор, с помощью которых описываются части тела, содержат ярко выраженный оценочный компонент. Кроме того, метафорические проекции направлены преимущественно на непривлекательные особенности внешности человека, нередко воспринимаемые с иронией и насмешкой.

О здоровье человека и его физическом состоянии можно судить по состоянию кожи. Цвет загара различных оттенков, а также различные оттенки красного и белого цвета ассоциируются в английском сознании с физической крепостью и хорошим состоянием здоровья: **milk and roses** (букв.: «кровь с молоком»), **peaches and cream** (букв.: «персики и сливки») – о светлой коже и розовых щеках) и др.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что продукты хорошего качества, сладкие на вкус, имеющие привлекательный внешний вид, вызывают устойчивые положительные ассоциации. Поэтому наименования таких продуктов используются при формировании представлений о каких-либо объектах, отмеченных положительной оценкой, таких как положительные внешние характеристики человека.

Наименования продуктов, имеющих непривлекательный внешний вид и отличающихся неприятным вкусом, структурируют представления об объектах, отмеченных отрицательной оценкой. При этом и сами гастрономические объекты, обладающие в представлении человека высокой питательной ценностью, приятным вкусом, обозначаются при помощи наименований, имплицитно при метафоризации положительную оценку; а имеющие кислый, горький вкус, плохое качество – при помощи наименований, имплицитно в процессе вторичной номинации отрицательную оценку.

Список литературы

1. *Бойчук А.С.* Гастрономическая метафора: структурный, семантический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 25 с.
2. *Дормидонтова О.А.* Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
3. *Максимова Т.В.* Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2013. № 4. Т. 1. С. 176 – 180.
4. *Меньшикова Е.Е.* Гастрономическая метафора в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1(29). С. 117 – 120.
5. *Шхумишхова А.Р.* Стилистические функции кулинарных метафор в спортивном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 2: Филология и искусствоведение). 2011. № 1. С. 165 – 169.
6. *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.

10.02.19

Г.Ф. Лутфуллина, В.Е. Сабитова

Казанский государственный энергетический университет,
Институт цифровых технологий и экономики,
кафедра иностранных языков,
Казань, gflutfullina@mail.ru,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань, veronica.sabitova@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАОБЗОРОВ

В работе представлены результаты изучения роли функционально-семантической категории пересказывательности как главного средства в организации текстов медиаобзоров. Сделан вывод о том, что, во-первых, необходимо разграничивать информирование о событии как реализацию категории пересказывательности и выражение мнения. Хотя нельзя отрицать наличие субъективного компонента при любой подаче информации. Во-вторых, прагматическая функция категории пересказывательности не ограничивается только приданием достоверности, а также служит основой для реализации прагматического, речевого, жанра медиаобзора.

Ключевые слова: пересказывательность, медиаобзор, выражение мнения, достоверность информации.

Источник репрезентируется для придания большей достоверности информации. В СМИ, в частности, в газетах, при указании источника возникает проблема разграничения ситуаций выражения мнения и ситуаций информирования. Последние относятся к полю косвенной эвиденциальности и представляют собой реализацию категории пересказывательности. В печатных изданиях данная категория выполняет ряд прагматических функций, которые не ограничиваются приданием достоверности сообщаемой информации или снятием ответственности с себя за ее достоверность.

В данной сфере можно выделить две проблемы. **Первая проблема** заключается в том, что трудно бывает четко классифицировать ситуации выражения мнения и информирования, так как любая подача информации уже предполагает наличие субъективного компонента. Г.Ф. Иванова указывает на необходимость разграничения мнения и знания [2].

Методом сплошной выборки мы проанализировали следующие примеры из газетного корпуса Национального корпуса русского языка (дата обращения 28.08.2018).

Ситуации информирования о событии: информирование о реальном факте в примере (1); описание реального события знакомства с субъективной точки зрения (2); сообщение о реальном факте с субъективной точки зрения (3); событием является коммуникативная ситуация убеждения (4) или признания; событием является ментальное действие принятия решения (6); сообщение об конкретной актуальной на данный момент привычке(7).

(1) *По словам очевидцев, 18-летний парень был безоружен и поднял руки вверх.* [3].

(2) *По словам звезды, она познакомилась с ним в 2005 году.* [3].

(3) *По словам Томсона, присоединение Крыма и последующие события на Украине сопровождались информационным давлением на прозападные организации». [3].*

(4) *По словам Грей, мужчина убедил ее, что работает в Разведывательном управлении минобороны США.* [3].

(5) *По словам адвоката Альфредо Форчилло, который присутствовал при допросе, его подзащитный признался, что задушил своего приемного сына руками, а не при помощи подушки [3].*

(6) *По словам друзей Кержакова*, звезда футбола, узнав о пагубных пристрастиях своей гражданской жены, принял решение воспитывать ребенка самостоятельно. [3].

(7) *По словам Ри Ми Ока*, директора самой крупной пхеньянской обувной фабрики, северные корейки сейчас отказываются носить туфли с каблукон ниже 5 сантиметров. [3].

Ситуация выражения мнения: в примере (8) демонстрируется, что событие еще не стало фактом, так как ситуация отнесена к плану будущего.

(8) Впрочем, *по словам эксперта*, первые арбузы вряд ли будут сладкими, как мед. [3].

Даже наличие в составе вводной конструкции слова мнение не всегда определяет ситуацию выражения мнения (10) и может репрезентировать ситуацию информирования (9).

(9) *По мнению «рожденных в СССР»*, современные старшеклассники и студенты виноваты во всех мыслимых смертных грехах, плюс ко всему не выказывают должного уважения к семейным реликвиям — например, к вставным челюстям прадеда-фронтовика и родительским библиотекам. [3].

(10) *По мнению депутата*, основной причиной резкого снижения выпуска лесобумажной продукции является крайняя техническая и технологическая отсталость производства во всех отраслях и сферах лесного сектора экономики. [3].

Вторая проблема связана с сужением сферы функционирования ситуаций информирования – политическими статьями. По мнению Ю. Н. Грицкевича, в данном случае перед автором встает выбор или занять позицию бесстрастного, осведомленного профессионала, или поддержать программу определенной политической партии [1]. Ю.Н. Грицкевич классифицирует следующее сообщение как исключительно реализующее информативную функцию СМИ, подчеркиваемое анонимностью заметки.

(14) Бюджет города Пскова на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов принят в первом чтении. За принятие документа на 17-й сессии Псковской городской Думы, состоявшейся 27 декабря, проголосовали 17 депутатов, 3 высказались против, 2 воздержались... [3].

Однако, по мнению Ю. Н. Грицкевича автор часто является приверженцем интересов какого-либо политического или общественного института, в связи с этим он не может быть лишен субъективной оценки при подаче информации.

Согласно нашей точке зрения, в подкорпусе политических газетных статей категория пересказываемости выполняет прагматическую функцию воссоздания общей панорамы высказываний по поводу конкретного события. Речь идет о так называемых медиаобзорах, в которых чужой дискурс должен быть осмыслен критически и в сопоставлении с дискурсом других авторов, что определяется жанровой принадлежностью дискурса.

В данном случае речь идет не единичном сообщении о конкретном событии, а о ряде сообщений уже содержащих компонент субъективности. Объектом множественных сообщений становится резонансное событие. Е.А. Шевченко, И.С. Вацковская пишут, что специфическим видом информации в средствах массовой коммуникации является резонансная информация. Она характеризуется обилием слухов, мифов различного порядка, советов и мнений известных личностей. Сообщения, несущие в себе данную информацию, обладают набором следующих свойств: «вольной» интерпретацией чужой точки зрения, отсутствием возможности проверить подлинность высказывания, безымянностью автора сообщения, эмоциональной окрашенностью, наличием вводных конструкций, лексической гибкостью в процессе передачи информации [4]. Именно резонансная информация наиболее тесно связана с отсылочной частью сообщения в текстах СМИ, так как ссылка на источник информации является необходимым параметром, позволяющим убедить реципиента в актуальности и достоверности передаваемого сообщения. Отсутствие ссылки на источник информации, а также недостоверность источника приводят к тому, адресат относится к сообщению с сомнением. Сообщения со ссылкой на сомнительный источник могут ввести реципиента в заблуждение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, необходимо разграничивать информирование о событии как реализацию категории пересказывательности и выражение мнения. Хотя нельзя отрицать наличие субъективного компонента при любой подаче информации. Во-вторых, прагматическая функция категории пересказывательности не ограничивается только приданием достоверности, а также служит основой для реализации прагматического, речевого, жанра медиаобзора.

Список литературы

1. *Грицкевич Ю.Н.* Фактор информации в политическом дискурсе. 2013. http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/ppn/wgpgu04/wgpgu04_14.pdf (дата обращения: 29.08.2018)
2. *Иванова Г.Ф.* Мнение в культуре и языке / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 121-128 <https://cyberleninka.ru/article/n/mnenie-v-kulture-i-yazyke> (дата обращения: 29.08.2018)
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 29.08.2018)
4. *Шевченко Е.А., Вацковская И.С.* Особенности перевода ссылок на источник информации (на материале текстов СМИ) // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXXIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2011. № 22(33). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/22\(33\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/22(33).pdf) (дата обращения: 29.08.2018)

10.02.19

О.Ф. Остроумова канд. педагог. наук, Р.Р. Мингазова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра романской филологии,
Казань, ofostroumova@mail.ru, rushaniyam@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена современному франкоязычному рекламному дискурсу. На примере социальных рекламных кампаний 2005-2018 гг. авторами рассмотрены пути формирования общественного сознания посредством социального рекламного плаката, направленного на борьбу с проблемой насилия в семье в современной Франции. Государственные структуры и общественные объединения предпринимают попытки ее решения с помощью нестандартных социальных рекламных кампаний, представляющих собой яркий социокультурный феномен. В основе рекламных плакатов лежит креолизованный текст, сочетающий в себе экспрессивные иконические и вербальные компоненты.

Ключевые слова: *социальная реклама, домашнее насилие, рекламный дискурс, креолизованный текст, стилистический прием.*

Рекламный дискурс – это сложный социокультурный феномен, охватывающий разнообразные сферы жизни современного общества. Под рекламным дискурсом понимается целостное смысловое и композиционное сообщение (сочетающее вербальные и невербальные средства), преследующее строго ориентированную прагматическую установку. Цель рекламного дискурса – конструирование в сознании адресата идеального образа рекламируемого продукта, побуждающего массового адресата к его потреблению, а также формирование положительного имиджа социально-значимых ценностей.

«В процессе развития рекламного дискурса наблюдается появление нового вида рекламы – социального рекламного дискурса, под которым понимается совокупность определенных рекламных текстов, посвященных социальным проблемам <...> [2, с. 144]. Социальная реклама – это «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям. Предназначение социальной рекламы – гуманизация общества, формирование моральных ценностей» [1, с. 9].

Во Франции одним из эффективных способов формирования общественного сознания являются социальные рекламные кампании, направленные на привлечение внимания общества к существующей проблеме и изменению отношения к ней со стороны социума.

Проблема домашнего насилия в отношении женщин во Франции, которое имеет разнообразные формы (эмоциональное, экономическое, физическое, сексуальное), все чаще поднимается как на государственном уровне, так и общественными организациями и средствами массовой информации. Эта проблема сложная и одновременно деликатная. Но необходимо отметить, что последние годы отмечены позитивными изменениями в области профилактики и борьбы с этим негативным социальным явлением. Например, все чаще прослеживается призыв к женщинам и свидетелям не замалчивать случаи насилия, и на некоторых афишах публикуется номер телефона единой бесплатной линии (3919), по которому жертвы насилия могут получить необходимую информацию и помощь. Чаще всего в данного рода рекламных сообщениях используются шокирующие образы (женщины с подбитым глазом, рассеченной губой, ссадинами и др.). Однако информационная кампания 2008 г., направленная на привлечение внимания к проблеме физического насилия над женщиной в семье со стороны супруга, отличается своим форматом. Три плаката, отражающие данную проблему, выполнены в стиле, напоминающем невинные рисунки в детской книжке [5]. Эффект данных сообщений достигается посредством полной

креолизации рекламного текста. Один из плакатов, на котором принц душист свою возлюбленную принцессу, обращен к жертве насилия, что достигается путем использования личного местоимения «вы». Несмотря на то, что плакат напоминает иллюстрацию из сказки, шокирующий рисунок на фоне черного дыма и слоган « *Petite, vous rêviez sûrement d'un prince charmant, pas d'un homme qui vous frappe le soir en rentrant* » / « В детстве вы, скорее всего, мечтали о прекрасном принце, а не о мужчине, который вас бьет каждый вечер, возвращаясь домой », в котором в начале используются слова с положительной коннотацией (*petite, rêver, prince charmant*), а во второй части глагол *frapper* с диаметрально противоположным значением, свидетельствуют о том, что детские мечты не всегда совпадают с реальностью, которая может быть жестокой.

На другом плакате представлен свидетель физического насилия в отношении женщин, и в слогане подчеркивается, что зачастую это маленькие дети, так называемые «немые свидетели», которые являются «сопутствующими» жертвами супружеского насилия « *Parfois, le seul témoin de ce que vit une femme battue est un enfant de 2 ans* » / « Иногда единственным свидетелем страданий избиваемой женщины является двухлетний ребенок ». В данном сообщении весь драматизм ситуации передается как вербальными средствами, так и невербальными: на афише изображен испуганный беспомощный кричащий ребенок.

Основная цель следующего плаката, который обращен к субъекту насильственного действия, – заставить мужчин осознать свои поступки. На картинке мы видим «дружную семью», где мама с забинтованной рукой, но все выглядят довольными и счастливыми, особенно отец семейства. Иконический и вербальный компоненты « *C'est un homme comblé, une maison, deux enfants, un chien et une femme battue* » / « Это мужчина, у которого все есть – дом, двое детей, собака и избитая жена » свидетельствуют о том, что это явление, к сожалению, является очень распространенным в семье и даже можно сказать «банальным». Используемая авторами ирония *un homme comblé* подчеркивает всю остроту поднимаемой проблемы.

Государство прилагает все усилия для профилактики и борьбы с семейным насилием, призывая женщин обращаться за помощью. Например, в рамках кампании 2014 г. была опубликована афиша, на которой изображена молодая женщина, половина лица которой испещрена линиями, напоминающими помятую фотографию, и изображение сопровождается слоганом « *Contre les violences la loi avance* » / « Закон выступает против насилия » [6]. Создатели данного сообщения использовали рифму для лучшей запоминаемости представленной информации.

Образы насилия в семье, воспроизводимые в рекламных целях, могут вызывать серьезную озабоченность французов. Так, в 2015 году рекламный плакат, предложенный на конкурсной основе для крупного производителя бытовой техники, вызвал протесты в социальных сетях и средствах массовой информации [3]. Главный герой рекламного сюжета – гладильная доска, представленная в мужском образе. Одета в мужскую рубашку, доска-«мужчина» агрессивно замахивается утюгом на плачущую, беспомощно лежащую на полу женщину. Плакат сопровождается слоганом « *Respecte your clothes!* » / « *Respectez vos vêtements* » / « Уважай свою одежду! ». Французское общество восприняло данную рекламу как насмешку над проблемой насилия по отношению к женщинам. В данном случае и вербальный и иконический компонент креолизованного текста содержат в себя яркие коннотации «маскулинности», доминирования, требования подчинения, неприемлемые для современных французов.

Проблема насилия в семье освещается в рекламных кампаниях многих правозащитных организаций. На одном из рекламных плакатов 2010 г., представленных международной организацией *Amnesty International* (Международная амнистия), мы видим мужчину, избивающего свою супругу на подиуме, за «дефиле» наблюдают десятки зрителей, никто из них не выглядит удивленным [4]. Слоган « *Les violations des droits humains sont toujours à la mode* » / « Нарушения прав человека все еще в моде » отсылает нас к проблеме равнодушия общества.

Схож по содержанию плакат, представленный французской общественной организацией *Solidarité femme*. Здесь мужчина избивает жену у себя на кухне в окружении десятка людей, возможно друзей или родственников. У них у всех скучающий, отрешенный вид, ведь их это как бы не касается. Плакат подписан: « *Violences conjugales, se taire c'est participer* » / « *Насилие в семье, промолчать, значит участвовать* » [4].

На рекламном плакате, представленном общественной организацией *NPNS* в 2011 году, изображен лишь дверной проем в мрачных серых тонах. Акцент здесь сделан на вербальной составляющей креолизованного текста – шокирующей надписи « *Les coins de portes ont encore tué 146 femmes cette année* » / « *Дверные косяки снова убили 146 женщин в этом году* » [6]. Как видим, истинные виновники страданий, а иногда и смерти женщин, остаются безнаказанными, в глазах окружающих они могут выглядеть достойными, благовоспитанными людьми. Метонимический перенос, эвфемизм «*дверные косяки*» (*причина смерти*) – «*супруги, мужчины*» (*виновники смерти*) передает горькую иронию авторов плаката.

Жертвы домашнего насилия также не всегда готовы рассказать о своих проблемах и попросить помощи. На плакате ассоциации *Elle's Imagine'nt* 2015 года мы видим комнату, где разбросаны вещи, женская одежда. Очевидно, хозяйка куда-то торопилась, надпись на плакате это, казалось бы, подтверждает: « *Je me suis juste pris la poignée de porte* » / « *Я просто ударила о ручку двери* » [6]. Не сразу мы замечаем, что вместо дверной ручки в комнате изображен мужской кулак. Рекламная кампания данной ассоциации под общим девизом «*Мы поможем вам найти слова*» направлена на формирование у женщин – жертв домашнего насилия – готовности заявить о своих правах, искать помощи, рассказать о своих проблемах, не боясь осуждения.

Таким образом, креолизованный текст французского рекламного дискурса, сочетая в себя различные семиотические компоненты – изобразительные, вербальные, художественно-экспрессивные – становится мощным инструментом формирования морально-нравственных ценностей современного общества и борьбы с негативными социальными явлениями.

Список литературы

1. *Николайшвили Г.Г.* Социальная реклама: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
2. *Терских М.В.* Дискурс социальных ценностей: структура и базовые дискурсивные практики // *Политическая лингвистика*. – 2015. – № 4 (54). – С. 144-149.
3. *Delève Elise* Violences domestiques: la pub Tefal qui crée le bad buzz. URL: https://www.francetvinfo.fr/economie/violences-domestiques-la-pub-tefal-qui-cree-le-bad-buzz_1680319.html (дата обращения: 08.01.2019).
4. *Souvannachakham Donna* Violence conjugale: des campagnes publicitaires vraiment utiles? URL: <https://lephemereiej.wordpress.com/2016/03/09/violence-conjugale-des-campagnes-publicitaires-vraiment-utiles/> (дата обращения: 05.12.2018).
5. Une campagne au ton grinçant contre les violences conjugales // *Le Figaro*, 02.10.2008. URL: http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2008/10/02/01016-20081002DIAWWW00555-une-campagne-au-ton-grincant-contre-les-violences-conjugales.php#diapo_0_0 (дата обращения: 15.11.2018).
6. 75 affiches pour dénoncer les violences faites aux femmes. URL: <http://www.elle.fr/Societe/L-actu-en-images/45-affiches-pour-denoncer-les-violences-faites-aux-femmes/2014> (дата обращения: 05.01.2019).

10.02.19

Л.А. Савельева

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра немецкой и французской филологии,
Уфа, sav-mila@yandex.ru

ЧАСТИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

В статье представлены результаты исследования функций частиц русского языка в художественной литературе, рассматриваемых на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Проведенный анализ позволяет выявить способность частиц функционировать в качестве маркеров художественных образов героев романа, раскрыть функциональный потенциал частиц русского языка как инструмента персонификации языка, используемого литературным героем.

Ключевые слова: *частицы, художественный образ, индивидуальный стиль речи, речевая ситуация.*

В рамках исследования ключевых признаков, характеристик и функций частиц в русском языке особый интерес представляет функционирование частиц в текстах художественной литературы. Ранее нами была отмечено, что функциональный потенциал частиц реализуется преимущественно в диалогической речи (большинство частиц, как правило, встречаются в разговорном стиле речи) [6]. Так, для анализа функций частиц в художественных произведениях нами был выбран роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором присутствует большое количество диалогов, отражающих устную речь в разговорном стиле.

Анализ данных диалогов позволяет предположить, что частицы являются инструментом, языковым средством создания индивидуального стиля речи литературного героя. И. Горелов, В. Енгальчев отмечают, что: «... хороший писатель заставляет своих героев говорить – каждого! – особым языком, который не спутаешь с языком другого героя. Имеется в виду, конечно, не язык в целом, а стиль индивида (то есть система предпочтений)...» [2]. Следует отметить, что стиль речи литературных героев также позволяет автору изобразить их социальное положение, социальный статус. В.И. Карасик рассматривает социальный статус человека как социолингвистическую категорию, относя речь к одному из трех индексов статуса (индекс стили жизни, индекс человеческих контактов и индекс речи) [3]. Так, можно предположить, что частицы, влияющие на формирование художественного образа, могут быть рассмотрены с позиции социолингвистики. Индекс встречаемости определенных частиц в речи героев, особенности их применения и семантика частиц, возникающая в определенных речевых ситуациях помогает персонифицировать художественный образ литературного героя.

Для подтверждения выдвинутого нами тезиса рассмотрим художественные образы героев романа «Мастер и Маргарита» Михаила Александровича Берлиоза и Ивана Николаевича Понырева (псевдоним -Бездомный) [1]. Как известно, действие романа начинается с появления двух героев на Патриарших прудах. Уже в описании героев можно отметить противопоставление образа Берлиоза образу Бездомного: *«Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках».* Далее читатель узнает, что оба персонажа являются деятелями

литературы, один из них – редактор, другой – поэт. «*Редактор был человеком начитанным*» - так характеризует М. Булгаков Берлиоза и передает его речь соответствующим образом: «– *Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...*» В этом фрагменте отмечаем отрицательные частицы *ни, не*, которые не несут особой экспрессивности или прагматического значения в данной речевой ситуации, использована частица сослагательного наклонения *бы*, которая указывает на определенный уровень формальности в речи редактора литературного журнала. Следует отметить сочетание частиц *вот, -то, и* («*вот на это-то и...*»), которые преднамеренно расположены в начальной позиции высказывания и выступают в качестве выделительных частиц. Анализ данной реплики показывает, что выбранные лексические единицы создают образ говорящего, который бережно относится к своей речи, осознанно подбирает определенные выражения. Используемые в данном фрагменте частицы практически лишены экспрессивности и выполняют формальные функции (отрицание, выделение).

В анализируемой речевой ситуации читателю предоставляется возможность узнать мысли героев. Так, Бездомный размышляет об иностранце, который встретился им на Патриарших прудах: «*Англичанин, – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках*». В этой короткой фразе встречается первый маркер художественного образа поэта Бездомного – разговорная частица *ишь*. Данная частица является экспрессивной, выражает удивление, недоумение. Анализ лексикографической практики показывает, что большинство словарей классифицирует данную единицу как частицу [5], в некоторых словарных статьях данная единица определяется как междометие [7]. Присутствие данной частицы во внутренней речи литературного героя позволяет читателю отнести данного героя к определенному социальному кругу людей, употребляющих просторечия, и говорит о том, что частица входит в его повседневный словарь и может употребляться неосознанно.

В диалоге с иностранцем Берлиоз отвечает на аргументы, приведенные собеседником: «– *Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может*». Для выражения своего отношения Берлиоз использует отрицательные частицы *ни, не*, используя формальный стиль речи. Особый интерес представляет употребление частицы *ведь* в анализируемой речевой ситуации: с помощью данной частицы Берлиоз обращается к собеседнику. Здесь раскрывается широкий спектр прагматической ценности частицы *ведь*: собеседник хочет удостовериться, что его слышат и слушают, а также запрашивает поддержку приведенного аргумента. Действие, которое предписывает данная частица собеседнику Берлиоза, может быть выражено следующим образом: *я привел данный аргумент, подтверди, что ты его услышал и согласишься с ним*. В ходе диалога Берлиоз также размышляет над способностями иностранца: «*Берлиоз говорил, а сам в это время думал: «Но, все-таки, кто же он такой? И почему так хорошо говорит по-русски?»*» Лексическая единица *все-таки* классифицируется в толковых словарях как частица и вводное слово [5; 7]. Данная частица выполняет функцию коннектора и содержит в себе пресуппозицию противопоставления. Ее значение в данной речевой ситуации можно выразить следующим образом: *принимая во внимание предыдущие аргументы, рассмотрим следующий вопрос*. В частице *все-таки* заложены две, отчасти противоположные пресуппозиции – обобщение, подведение итога и противопоставление. Подобная частица позволяет построить образ героя, обладающего логически выстроенным мышлением, который способен к анализу ряда факторов, выявлению их характеристик с последующим противопоставлением. Можно считать, что частица *все-таки* характеризует Берлиоза как человека, способного сделать логический вывод. Далее Берлиоз применяет экспрессивную частицу *же*, которая выражает его подчеркнутый интерес к персоне иностранца. Особый интерес представляет применение многозначной и полифункциональной частицы *так*. Исследователи частиц отмечают, что только некоторые

единицы в качестве частиц категориально монофункциональны, частицы чаще всего функционируют в качестве двух и более частей речи [4]. Одной из основных, ведущих функций данной лексической единицы является обозначение меры. Полагаем, что в данном сочетании *так* выступает в качестве частицы. При этом, следует учитывать, что использование частицы *так* для обозначения меры носит крайне субъективный характер: из выражения *так хорошо говорит по-русски* не ясно, насколько хорошо говорящий владеет языком. При сравнении фраз *хорошо говорит по-русски* и *так хорошо говорит по-русски* выявляется указание на степень владения языком, измеримую самим говорящим (*так хорошо* не раскрывает, свободно ли владеет говорящий языком и где на шкале владения языком находится данная отметка). Тем не менее, при неоднозначности оценки степени владения языком, выраженной частицей *так*, пресуппозиция позволяет читателю понять, что Берлиозом отмечается необычная для иностранца способность говорить на русском языке. Сочетанием *так хорошо говорит по-русски* выражается отклонение от ожидаемого поведения иностранца.

Анализ ряда частиц в речи литературных героев Берлиоза и Бездомного показал, что частицы способны вносить особый вклад в создание художественного образа, а в некоторых случаях – являться маркерами, ключевыми идентификаторами образов в литературном произведении. Выявленные частицы также позволяют противопоставить данные художественные образы в романе.

Статья подготовлена с использованием гранта Республики Башкортостан молодым ученым, предоставленного ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2018 – 640 с.
2. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 240 с.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. // М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. - 330 с.
4. Мурашов Р.З. Грамматические особенности частиц // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 515 – 521.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — 736 с.
6. Савельева Л.А. Частицы в русском, английском и немецком языках: сопоставительный анализ характеристик и ключевых признаков. 2018. Т. 23. № 4. С. 1274 – 1283.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. — 4824 с.

10.02.19

¹Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук, ²А.Я. Хусайнова канд. филол. наук,
²А.К. Булатова канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
¹отдел общей лингвистики,

²отдел лексикологии и диалектологии,

Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, husainova_alina@mail.ru, alf_0082.82@mail.ru

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

Ядро репрезентаций того или иного концепта формируют ключевые слова. В данной статье рассматривается этимология и семантическая структура многозначной лексической единицы акча, которая является ключевым словом культурного концепта акча (деньги).

Ключевые слова: *ключевое слово, концепт, этимология, семантическая структура, акча (деньги).*

По мнению исследователей, изначально понятие «ключевое слово» применялось для статистического анализа единиц текста. После выхода в свет книги А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» (1997) данное понятие широко используется в работах лингвокультурологического плана. Как считает автор монографии, одним из важнейших принципов, связывающим лексический состав языка и культуру, является принцип ключевых слов. А. Вежбицкая пишет, что ключевые слова – это те слова, которые особенно значимы для отдельно взятой культуры [6].

Ключевым словом концепта *акча* (деньги) является лексическая единица *акча*. Только в работе Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» мы находим более 750 пословиц и поговорок с использованием данного слова и его дериватов, которые позволяют выявить смыслы, установки, ценности, воплощаемые при помощи этих лексем [10, с. 250].

Рассмотрим этимологию слова *акча* (деньги).

Слово *акча* (деньги) зафиксировано уже в древнетюркском языке и имело значения *монета, деньга*. В современном татарском языке в наименованиях денег сохранились древнетюркские основы лексем: *акча* (деньги); *сум* (рубль) от *сон, сом* – слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица. В словаре М. Кашгари лексема *сом* зафиксирована в значении слитка. А.Г. Мухамадиев пишет, что в XIV веке лексема *сом*, кроме обозначения слитка серебра употреблялась и в значении определенного количества (120) серебряных монет [8, с. 136–137].

В.В. Радловым зафиксированы следующие значения слова *акча* (деньги): *акча* (ак+ча): белый, беловатый; монета; деньги; *акчәй*: монета; деньги; *акша*: беловатый; деньги.

Имеются различные точки зрения на происхождение слова *акча* (деньги). Одни ученые придерживаются мнения, что слово *акча* произошло от слова белый, беленький. Л.З. Будагов в своих трудах трактует *акча* как «уменьшительное от *اق* и переводит «беленький, монета, серебряная, деньги». В этимологическом словаре В.Э. Севортяна, отмечается, что *а:қжа* – *акча* является субстантивированным прилагательным *а:қжа~акча* ... «беловатый» с аффиксом *-жа/-ча*, обозначающим неполноту признака в прилагательном *а:қ > ақ* «белый» > «серебряный»: ер. аз. ағ пул «серебряные деньги». А.Г. Мухамадиев считает: «Вслед за некоторыми авторами, Э.В. Севортян ошибочно полагает, что *акча* «... с самого начала означает серебряную (беловатую) монету» [8, с. 136]. Л.К. Байрамова утверждает, что термин *акча* за редким исключением ни в каком тюркском языке не означает серебряной монеты [3, с. 78]. В этимологическом словаре Р.Г. Ахметьянова *акча* трактуется как «деньга,

деньги» ист. «единица счета денег», основное значение «ак нэрсэ» (нечто белое), т.е. «көмеш тәңкә» (серебряная монета) [2, с. 86]. Автор пишет, что некоторые исследователи считают, что слово *акча* произошло от древнего *агы* «драгоценность, самая дорогая парча». Однако, по мнению самого ученого, данная точка зрения не подтверждена полностью.

Существует и другая точка зрения на происхождение слова *акча* (деньги). Так, например, Г. Рамстедт возводил *aqça* к уменьшительной форме (афф. -са) от древнетюркского *агы* (аγ¹) «сокровище». Так же трактуется это слово и в этимологическом словаре турецкого языка *ағи* – *ағ* – *акча*, связывая с арабским *hazine* – «сокровище». Ф.А. Ганиев также придерживается мнения, что слово *акча* (деньги) (ак+ча) является производным словом, образованное от слов *ак* «драгоценность» и суффикса -ча, что согласно этимологии суффикса -ча, выражало значение «подобно драгоценности» [7, с. 85].

Из вышеизложенного следует, что до сих пор нет единой точки зрения по этимологии слова *акча* (деньги). Несмотря на то, что большинство ученых придерживаются мнения, что *акча* (деньги) произошло от *ак* (белый), все же, думается, что все точки зрения имеют право на существование.

Что касается семантики слова *акча* (деньги), то, например, в этимологическом словаре тюркских языков Э.В. Севортыяна, лексема *а:қжса/а:қға* представлена в следующих значениях: 1) деньги, деньжонки, денежки; 2) монета, серебряная монета, серебряная или золотая монета, женские украшения из серебряных монет, мелкая монета, грош; 3) финансы, денежные затраты, средства, валюта.

Для выявления базовой (ядерной) структуры смысла концепта по традиции обращаемся к толковым словарям. При этом исходим из понимания смысла многозначной лексемы в современной когнитивной семантике как целостного единства всех прямых и переносных значений.

Далее рассмотрим особенности семантической структуры ключевого слова концепта *акча* (деньги) на современном этапе. Для этого обратимся к толковому словарю татарского языка 1977 года. Слово *акча* (деньги) представлено двумя значениями: 1. металлические или бумажные знаки, выпущенные государством, являющиеся мерой стоимости товара в купле – продаже); 2. *перен.* капитал; богатство // дорогая вещь, что-то дорогое, ценное) [12, с. 38].

В данном случае развитие концепта отражено в определении прототипического значения, в роли которого обычно выступает первое (прямое, основное значение). Так, если ранее еще не было четкого понимания в осмыслении денег, то на современном этапе расплывчатость исчезает.

В однотоном толковом словаре татарского языка также отмечается многозначность слова *акча* (деньги). Семантическая структура данного слова не отражает значительных изменений. В словаре представлено три значения лексемы *акча* (деньги): 1. металлические или бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товара в купле – продаже); 2. *перен.* капитал; богатство; 3. *перен.* дорогая вещь, что-то дорогое, ценное [13, с. 30].

Из вышеприведенного можно заключить, что в однотоном толковом словаре татарского языка в качестве отдельного значения выделилось третье значение «кадерле нэрсэ» (*букв.* дорогая вещь, что-то дорогое, ценное), что в свою очередь, свидетельствует о расширении объема значения слова *акча* (деньги).

Объем значения данного слова продолжает расширяться. В шеститоном толковом словаре татарского языка обозначены 4 значения слова *акча*. К вышесказанным значениям добавляется значение: *букв.* особый товар, используемый как общий эквивалент при обмене. Отсюда следует, деньги – особый товар и занимает важное место в жизни человека, а значит и в языковом сознании человека.

Содержание обыденного понятия *акча* (деньги) отличается по набору признаков от коррелирующего понятия и включает следующие признаки: «деньги, полученные за работу в течение месяца». Думается, что данное значение слова *акча* в дальнейшем также следовало бы включить в толковый словарь татарского языка.

Анализ толкований лексемы *деньги* позволило выявить основу ее семантики, состоящую из категориально – лексической семы «металлические или бумажные знаки» + конкретизирующей семы – «являющиеся мерой стоимости товара в купле-продаже». Дальнейшая конкретизация этого понятия осуществляется на уровне вторичных значений *особый обменный товар, капитал, богатство, ценность*.

Таким образом, ключевое слово *акча* в языковом сознании татарского народа на данном культурно-историческом срезе интерпретируются не только как бумажные и металлические знаки, но и как особый обменный товар, а также как капитал, богатство и ценность.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002. 392 с.
2. *Әхмәтъянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Том (А–Л). Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. 543 б.
3. *Байрамова Л. К.* Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка: (в сопоставлении с тат. яз.). Казань: Алма-Лит., 2007. 328 с.
4. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1–2. СПб., 1869–1871.
5. *Булатова А. К.* Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2018. 108 с.
6. *Вежбицкая Л.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Яз. слав. культуры, 2001. 368 с.
7. *Ганиев Ф. А.* Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. 231 с.
8. *Мухамдиев А. Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.
9. *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
10. *Сагдеева Ф. К.* Ключевое слово как понятие лингвокультурологии // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Казань, 2012. С. 250–251.
11. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. 1 т. 475 б.
13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты нәшрияты, 2005. 848 б.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 1 том А–В. Казан: ТӘҺСИ, 2015. 712 б.

10.02.19

Э.Ю. Улимбашева канд. филол. наук, З.А. Муртазова канд. педагог. наук,
Э.Р. Хутова канд. филол. наук, Л.Х. Дзасежева канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
Социально-Гуманитарный Институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, emma.ulimbashewa@yandex.ru

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Настоящая статья посвящена исследованию поликультурного образования среди молодежи. Данный анализ позволяет раскрыть особенности развития поликультурной личности будущего специалиста, рассмотреть поликультурное образование как важную часть современного образования, способствующую усвоению знаний о других культурах, уяснению универсального и специфичного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем.

Ключевые слова: *поликультурная, гуманистическая и социологическая личность, толерантность, полиязычие.*

На современном этапе развития образования целью обучения языку становится интеграция личности обучаемого в системы мировой и национальных культур. Язык является одним из основных инструментов воспитания обучающихся. Исследования в области межкультурной коммуникации отчетливо показывают, что именно средствами языка межкультурного общения можно качественно изменить личность, а также способствовать развитию у учащихся поликультурной, социокультурной компетенции, включающей формирование таких качеств, как толерантность и непредвзятость к представителям других культур [1: 5].

Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое, так и в семантике каждого языка имеется отражение общего универсального компонента культур и своеобразия культуры конкретного народа. Универсальный семантический компонент обусловлен единством видения мира людьми разных культур, который проявляется на разных уровнях семантической организации того или иного языка. Не возникает сомнения в актуальности поликультурного образования, его достойном месте в теории и практике воспитания подрастающих поколений. Современная образовательная система имеет своей целью поликультурное образование в формировании человека, способного к активной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, вероисповеданий. [1:63].

Таким образом, основой формирования поликультурной личности является полиязычие. Развитие полиязыкового сознания личности – это алгоритм развития речи, мысленная, устная и письменная коммуникация. Поликультурная личность – это личность, воспринимающая себя в качестве субъекта культур, имеющая активную жизненную позицию, обладающая развитым чувством симпатии и толерантности, эмоциональной устойчивостью, умением жить в мире и согласии с представителями разных культурных групп, способная к успешному самоопределению и продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества.

Развитие поликультурной личности будущего специалиста должно включать в себя формирование знаний о феномене культуры, ее типах и разновидностях, наиболее распространенных культурных традициях. Кроме того, общая информированность

студентов о культурном многообразии мира, современных тенденциях глобализации, феномене поликультурности, принципах, способах, приемах межкультурного взаимодействия и предотвращения конфликтов, обусловленных культурными различиями, осознание себя в качестве поликультурных субъектов выступает одним из самых важных критериев их уровня поликультурной направленности.

Овладевая полиязыковой культурой, человек тем самым расширяет свои возможности. Определяя полиязыковую культуру как совокупность показателей, отражающих уровень распространенности «языков культуры» в языковом пространстве, а также уровень владения родным и не родными языками в пространстве конкретного социума, мы видим важный фактор решения многих социальных проблем современного образования в исследовании роли языковой культуры.

Содержание многокультурного образования многоаспектно и отличается высокой степенью междисциплинарности, что позволяет рассматривать проблемы поликультурного образования в составе учебных дисциплин гуманитарного, естественнонаучного, художественно-эстетического циклов. Оно должно быть отражено в учебном материале гуманистических идей, в информации о самобытных уникальных чертах разных народов, о культурах народов России и мира, о традициях, позволяющих жить в мире и согласии, в приобщении человека к мировой культуре, понимании взаимозависимости стран и народов в современных условиях с учетом процесса глобализации [1: 64].

Углубления международного взаимодействия и сотрудничества стимулировали поступательное развитие полиязычного образования.

Необходимость триязычия и полиязычия неоднократно подчеркивалась государством. Полиязычное образование, являясь следствием социокультурной трансформации современной языковой ситуации в России, предстает как инновационный процесс, требующий специальной системы обеспечения полноценной деятельности субъектов образования в измененных новых условиях.

В России уже сформировались основные тенденции, определяющие развитие методики полиязычия. Согласно законодательству об образовании в РФ 2007 года все организации образования, независимо от форм собственности, должны обеспечить знания обучающимися русского языка как государственного, а также изучения русского языка и одного из иностранных языков в соответствии с государственным общеобязательным стандартом соответствующего уровня образования. Новое время и новые условия требуют коренной перестройки, переоценки ценности и идеалов, пересмотра целей и задач методов и приемов обучения. Стратегия современного педагогического образования направлена на развитие культурно образованной личности специалиста, способного к осуществлению инновационных процессов за пределами нормативной деятельности. Таким образом, можно сказать, что уровень развития культуры определяет уровень развития личности. Принятие личности как ценности способствует позитивному творчеству личности и формированию ценных качеств (нравственных, эстетических, физических и др.). Так как культуре присущ ряд функций: гуманистический, нормативный, социологический, то и личность развивается в условиях влияния на нее этих функций.

Гуманистическая функция культуры заключается в использовании культуры в развитии личности, когда последняя становится эпицентром культуры и общества, создает все условия для индивидуального творческого развития личности в гармонии с общечеловеческой культурой.

Нормативная функция культуры состоит в передаче личности принятых требований поведения в социуме, образа жизни, понимания материальных и духовных общекультурных ценностей, государственного закона и морального кодекса.

Социологическая функция культуры заключается в передаче личности познания о социальных закономерностях формирования и развития общественной, профессиональной, художественной и других видов деятельности.

Известно, что личность социальна по своей сущности, но индивидуальна по своему способу существования. Для того чтобы не было расхождения между социальным и индивидуальным, общество всеми средствами культуры должно помочь субъекту принять истинные ценности, сделать их своими идеалами и ориентированными установками. Выполнить эту функцию могут социальные институты как носители и трансформаторы общекультурных ценностей.

В настоящее время в педагогической науке наблюдается повышенный интерес ученых к исследованию поликультурного образования, как преподавателя, так и студентов. Международная энциклопедия образования рассматривает поликультурное образование как важную часть современного образования, способствующую усвоению знаний о других культурах, уяснению общего и особого в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем.

Для понимания сущности поликультурного образования особое значение имеют положения М.М. Бахтина о человеке как уникальном мире культуры, вступающем во взаимодействие с другими личностями, культурами, творящем себя в процессе такого взаимодействия и воздействующем на других.

Необходимость достижения взаимопонимания между народами в ходе диалога культур диктует поиск новых подходов к проблеме языка и культуры. Изучение неродного языка – это в определенной степени постижение языковой картины мира его носителей. И трудности здесь могут быть вызваны различиями в языковой картине мира родного и изучаемого языка.

Реализуя стратегию развития нашей страны, мы тоже, в свою очередь, вносим значительный вклад в воспитание высокообразованной и поликультурной молодежи. В интегрирующемся мире постепенно утверждается полиязычное образование. Человек, способный вести диалог культур, должен быть не только лингвистически компетентным, но и, прежде всего, культурным, нравственным, духовным. В этом и заключается цель образования.

Таким образом, поликультурность является личностным ресурсом, лежащим в основе преобразования мира и самого себя в этом мире. И, несомненно, основой формирования поликультурной личности является полиязычное образование.

Список литературы

1. *Габуниа З.М., Муртазова З.А., Улимбашева Э.М.* Межкультурная коммуникация и социальная толерантность. Нальчик, из-во Кабардино-Балкарского госуниверситета 2012.-175с.
2. *Кожевникова О.В.* Полиязычное образование в многонациональном регионе. Ижевск, 2012. С. 116-124
3. *Муртазова З.А., Бегидова С.Н.* Развитие профессионально-творческого мышления у будущих учителей иностранного языка // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2.С. 4-6

10.02.19

¹Л.Х. Хараева д-р филол. наук, ²З.Х. Евлоева канд. филол. наук

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
кафедра немецкой и романской филологии,
²Ингушский государственный университет,
кафедра французского и латинского языков

НАЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМЕ РЕСТОРАНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья освещает вопросы искусственной номинации онимов, обслуживающих определенную сферу услуг, к которой относится ресторация. Названия ресторанов образуют определенную систему наименований. Онимы становятся объектом изучения со стороны прагматики. Ресторанные онимы относятся к различным традиционным семантическим видам.

Ключевые слова: *Оним, ресторан, урбанонимы, рекламный текст, антропоним, топоним.*

Данная статья освещает вопросы искусственной номинации онимов. Ресторанные онимы представляют собой часть урбанонимической лексики или ономастического пространства в языке. Урбанонимическая система, представляющая собой сложную систему наименований городских объектов, отражает сочетание, пересечение различных знаковых систем, развертывающихся в процессе человеческой деятельности, к которым относится создание ресторанных онимов, обусловленных совокупностью экстралингвистических и лингвистических причин.

Названия ресторанов образуют определенную систему наименований, только на первый взгляд представляющейся хаотичной и не поддающейся языковому анализу. В последнее время учеными доказано, что процесс наименования в сфере услуг, к которым относится и ресторация, подчиняется определенным законам в рамках речевого воздействия. Урбанонимы, являясь частью топонимической системы, с одной стороны представляют собой определенное лексическое поле, единицы которого функционируют на основе языковых принципов и заданных параметров, с другой, как система наименований, отражающая лингвокультурную специфику, несущую определенную информацию об объектах.

Процесс номинации в области ресторации имеет определенные функции, к которым, помимо информативной, относятся адресно-идентифицирующая и трансонимизирующая. Названия ресторанов представляют собой динамичную систему, вследствие большой изменчивости в своем составе, обусловленной прямым участием номинатора в процессе создания онимов. Номинатор, являясь представителем определенного этноса, в своей лингвокреативной деятельности находится в рамках национального языкового мировидения, что существенным образом отражается на урбанонимической системе, целостность которой обусловлена фактором культурной и языковой непрерывности.

Урбанонимы и ресторанные онимы в частности наделены идентификационными и информационными способностями, то есть они являются коммуникативными единицами языка. Таким образом, онимы становятся объектом изучения со стороны прагматики, изучающей данные языка в аспекте человеческой деятельности. В данном случае прагматика изучает причины выбора языковых единиц, правил их употребления в коммуникации, их использования в различных коммуникативных стратегиях и речевых практиках в процессе речевого воздействия, с целью привлечения потенциальных клиентов.

Как пишет Л.А. Казанова: «Имена собственные, к которым относятся и ресторанные онимы, обладают высокой частотностью и информационной насыщенностью, вследствие чего являются элементами, выполняющими прагматическую функцию в рекламном тексте. Наиболее частотные смыслообразующие имена собственные для любого рекламного текста образуют группу прагматонимов, то есть слов, обозначающих марку товара или вида предлагаемых услуг, которые, присутствуют во всех типах рекламных текстов и во всех частях – заголовке, основном тексте, слогане, эхо-фразе». [1, 14-15]. Основными принципами искусственной номинации в области ресторации являются лексико-семантический, словообразовательный, лексико-синтаксический, фонетический. Основными типами прагматонимов являются: слова, отражающие признаки товара/услуги; мотивированные слова; слова-звукокомплексы; словообразы. Типы прагматонимов соотносятся со способами употребления, к которым относятся: реализация отношений «название-свойство», актуализация дономастического значения онима, внимание к звуковому аспекту наименования, использование в составе лексико-фразеологических единиц и коммуникативных высказываниях, то есть в качестве образного средства. В качестве прагматонимов могут выступать: антропонимы, прозвища, имена антроподобных существ, поэтонимы, зоонимы. Прагматонимы отражают ассоциативные отношения с различными когнитивными категориями.

Процесс номинации однородных объектов, к которым относится сфера ресторации, проходит в соответствии с двумя основными принципами-идентифицирующему и условно-символическому. Идентифицирующий принцип реализуется в названиях, мотивированных различными признаками. Условно-символический принцип проявляется в наименованиях, которые не называют реальных свойств объектов, отражают их косвенно (или условно) посредством метафоры. Прагматонимы осуществляют речевое воздействие на потенциального клиента, становясь активными трансляторами намерений и идей номинатора, принимают непосредственное участие в манипулятивной коммуникации, выполняя две основные функции – номинативную и прагматическую. В рамках коммуникативной стратегии прагматонимы выполняют: информационную и воздействующую функции.

В ресторации рекламный ономастикон формируется при помощи двух групп онимов: онимы, используемые в системе языка, и онимы, созданные в процессе нейминга. Ресторанные онимы относятся к различным традиционным семантическим видам. Они могут быть представлены антропонимами, топонимами, эргонимами, мифонимами. Ресторанный оним приобретает функции сигнала, вызывающего комплекс ассоциаций, наделяющий его прагматическим содержанием. Совокупность ресторанных онимов наряду с другими урбанонимами формируют лингвокультурный ландшафт определенного города, поселения. Прагматонимы в своем семантическом содержании располагают элементами лингвистической пресуппозиции, под которой понимается наличие определенных предварительных знаний, информации, энциклопедических, фоновых знаний, общих для носителей определенного языка и культуры, конкретного коллектива.

Анализируя коммуникативные стратегии в области ресторации, используемые на Северном Кавказе, следует упомянуть, что в этом регионе существует давно сложившаяся широко известная и популярная кулинарная традиция с застольным этикетом. Но традиция ресторации возникла относительно недавно. Поэтому можно отметить тот факт, что в рекламе подобных заведений используются, помимо известного набора определенных стратегий и тактик, некоторые доминирующие, с помощью которых участники общения реализуют свои коммуникативные установки. Как известно, главной коммуникативной стратегией в ресторации является создание положительного эмоционального настроения. Данная стратегия реализует прагматическую цель – вызвать у потенциальных клиентов желание откликнуться на приглашение, сделать заказ. С этой целью используются различные речевые тактики, актуализирующие национальный колорит.

Как известно, в качестве прагматонимов часто используются прецедентные имена. Одной из основных причин частого использования прецедентных феноменов из любой сферы культурного знания в названиях ресторанов является необходимость манифестировать о концепции конкретного ресторана, включающей его оформление, кухню, дополнительные услуги. Соответственно, если заведение специализируется на какой-либо экзотической или национальной кухне, посвящено спортивной или какой-либо другой тематике, имеет соответствующий интерьер, названия блюд меню, это непременно должно быть отражено в рекламном тексте. В эту же группу входит объяснение названия предприятия. При этом непосредственно само название будет, несомненно, употребляться с коннотативной функцией, а описание исторического фона, биографии человека, истории литературного произведения, музыкальной группы и т. д. в зависимости от сферы-источника, напротив - с денотативной [3,76].

Прецедентные феномены активно используются в нейминге ресторанов, так как их речевое воздействие основано на внутренних установках, призванных активизировать механизмы образной трансформации, имеющих цель привлечения и удержания внимания потенциального клиента. В процессе нейминга в ресторации очень часто используются прецедентные имена-прагматонимы с яркой национальной нагрузкой, которые осуществляют определенное речевое воздействие. Это имена собственные, характерные для местных народов, а также заимствованные, но получившие достаточное распространение. Например, Абдул, Адам, Адисса, Амаль, Дабарагга, Дарида, Джамия, Лейла, Мамай, Мансур, Мариям, Мика, Мурад, Мусафир, Оскар, Самира, Таукан, Тима-Тома.

Приведенные в качестве примеров прагматонимы, характерные для региона Северного Кавказа, несут когнитивную информацию о типе заведения, его кулинарной концепции. Исходя из их названий, потенциальный клиент заранее предугадывает национальный характер заведения с соответствующей кухней. Очень часто название ресторана отсылает к имени ресторатора или его родственника, обычно дочери, сына, супруга. Эта мысль согласуется с утверждением, что включение получателя рекламного сообщения в личную сферу говорящего, в которую входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально и интеллектуально [3,271]. Весьма продуктивной является тактика привлечения внимания клиента на события национальной истории (вектор диахронии) или на разнообразие национальных блюд (вектор синхронии). Среди прагматонимов в области ресторации Северного Кавказа самыми популярными являются национальные и территориально-маркированные ономастические единицы: *Долинск, Кавказ, Кавказская пленница, Кунак, Асса, Маишук, Нальчик, Нарт, Ридада, Синдика, Сосруко, Терек, Эльбрус, Золотой Дворец, Кокчетау, Атбассар, Жемчужина, Панорама, Старый двор, Замок, Сенатор*. Данная речевая тактика заключается в активном коммуникативном использовании архетипов национального сознания. Отсылка к архетипам национального сознания в рекламном тексте оказывает сильное эмоциональное воздействие за счет актуализации национальной памяти, обеспечивая выход из сферы подсознательного на уровень осознания различных взаимосвязанных ассоциативных связей. В сознании жителей региона данные прагматонимы связаны с положительной эмоциональной оценкой и аффективным, трепетным отношением к своей культуре, истории, с исключительно благоприятным восприятием своей традиционной национальной кулинарной традиции. Поэтому совершенно оправданной является речевая тактика использования прецедентных имен национальной истории и культуры, в том числе, эпических – *Адиюх, Лашин, Ридада, Сосруко, Томерис, Мусафир, Оджахури (грузинская кухня), Канди*.

В заключение можно сделать вывод, что с прагматической точки зрения национальные названия, используемые в ресторации Северного Кавказа, достаточно мотивированы. Они позволяют актуализировать антиномию «свой» - «чужой», в рамках которой возможна демонстрация основной концепции заведения.

Список литературы

1. *Казанова Л.А.* Формирование и реализация коммуникативных стратегий в рекламном тексте (на материале русского и французского языков). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала, 2017.
2. *Хараева Л.Х., Казанова Л.А.* Типология прецедентных феноменов в названиях ресторанов в Нальчике. //Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, №9, 2015. – С.75-79.
3. *Крюкова, И.В.* Имена собственные в современной российской рекламе //Рекламный дискурс и рекламный текст. Коллективная монография /научн. Ред. Т. И. Колокольцева. –М.: Флинта: Наука, 2011. –С. 261–278.

10.02.19

**Э.Р. Хутова канд. филол. наук, Л.Х. Дзасежева канд. филол. наук,
Э.Ю. Улимбашева канд. филол. наук**

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
Социально-Гуманитарный Институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, khutova@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена исследованию концептов «любовь» и «ненависть», эксплицируемых фразеологическими единицами английского языка. Данный анализ позволит раскрыть новые грани исследуемых концептов, а также будет способствовать определению особенностей английского языкового сознания.

Ключевые слова: *концепт, эмоция, фразеологическая единица, любовь, ненависть.*

Одним из эффективных способов вербализации концептов «любовь» и «ненависть» является анализ языковой репрезентации фразеологическими средствами языка, так как именно на фразеологическом уровне наиболее ярко проявляется познавательный и эмоциональный опыт народа, особенности его материальной и духовной культуры, воспроизводятся, как пишет В.Н.Телия, «характерологические черты народного менталитета» [3: 237].

Как отмечает С.Г.Воркачев, ядро концепта окружено облаком различных образных ассоциаций, в том числе и метафорических [1: 89], так как метафора является единственным способом, который может воплотить абстракцию в чувственном образе [2: 72].

По данным фразеологических словарей английского языка большое количество фразеологических единиц (ФЕ) содержат элемент «сердце», который является местом локализации любви: *to have a corner in somebody's heart* - быть любимым, вызывать нежные чувства у кого-либо (букв.: иметь уголок в чьем-либо сердце); *to lose one's heart to somebody* - отдать свое сердце кому-либо, вспылать любовью к кому-либо; *to imprint on somebody's heart* - запасть в душу (букв.: ставить штамп на чьем-либо сердце).

В английских фразеологизмах присутствует компонент смерти, который большей частью встречается в единицах, выражающих концепт «любовь», и реже - для выражения концепта «ненависть»: *to be dying for somebody* - умирать по кому-то; *to be dead nuts on* - очень любить кого-либо, души не чаять в ком-либо; *dead gone on somebody* - безумно влюбленный, по уши влюбленный в кого-либо. Данные фразеологизмы характеризуют интенсивность чувства. Во фразеологизмах *deadly feud* (непримиримая, смертельная вражда), *to be at deadly feud with somebody* (смертельно враждовать, быть на ножах с кем-либо), помимо компонента смерти, присутствует компонент вражды, который является близкородственным понятием с концептом «ненависть».

Следующие фразеологизмы, выражающие концепт «любовь», отождествляются с огнем, пламенем: *be on fire* - загореться любовью (букв.: быть в огне); *an old flame* - старая любовь, прежнее увлечение (букв.: старое пламя); *get on like a house on fire* - прекрасно ладить друг с другом, жить душа в душу (букв.: ладить как дом в огне). В данных ФЕ эмоции связаны со стихией огня.

В английском языке встречаются такие фразеологизмы, которые содержат «вкусовой» образ любви: *sugar baby* - возлюбленная (букв.: сладкий ребенок); *sweet one* - дорогая, любимая (букв.: сладкий).

Совсем немногочисленны ФЕ, где при вербализации любви и ненависти используется образ животных: *agree like cats and dogs* - жить, как кошка с собакой; *love me, love my dog* - любишь меня, люби и мою собаку; *to bill and coo* - ворковать, вести любовную беседу; *calf-love* - ребяческая любовь, юношеское увлечение (букв.: телячья любовь), *to have a crow to pluck with somebody* - иметь зуб против кого-либо (букв.: иметь ворону, чтобы ощипывать); *to bite one's glove* - проявлять враждебность, ненависть к кому-либо (букв.: кусать чью-либо перчатку); *as much love as there is between the old cow and the haystack* - любит, как волк овцу; любит, как кошка мышь (букв.: столько же любви, сколько между старой коровой и стогом сена). В последнем фразеологизме для выражения концепта «ненависть» используется компонент любви, который также можно обнаружить в словосочетании *no love lost* - не нравиться кому-то, кто-то испытывает неприязнь к кому-то (букв.: никакой любви не потеряно).

В английском языке можно выделить такую группу фразеологических единиц, в основании которых лежит зрительный орган: *love at first sight* - любовь с первого взгляда; *to change eyes* - бросать друг на друга влюбленные взгляды (букв.: обмениваться глазами); *to feast one's eyes on somebody* - любоваться кем-либо, с наслаждением смотреть на кого-либо; *goo-goo eyes* - влюбленные взгляды; *to have one's eyes glued on somebody* - не отрывать взгляда от кого-либо, любоваться (букв.: иметь глаза, приклеенные к кому-либо); *to look babies in somebody's eyes* - смотреть влюбленно в чьи-либо глаза. Фразеологизм "*to cast sheep's eyes at somebody*" содержит зрительную основу, а также образ животного: бросать влюбленные взгляды на кого-либо (букв.: бросать глаза овцы на кого-либо). Следующие фразеологизмы содержат соматический образ: *to be head over ears in love* - по уши влюбиться; *to be up to the ears in love* - по уши влюбиться.

Ряд английских фразеологизмов содержат такой элемент, как фантазия, воображение, склонность, пристрастие: *catch somebody's fancy* - понравиться, полюбить, прийтись по вкусу, по душе (букв.: словить чье-либо воображение); *have a fancy for* - любить, увлекаться, привязаться (букв.: иметь склонность к); *fancy free* - не влюблен, сердце свободно (букв.: пристрастие свободно).

Единичны ФЕ, в которых любовь отождествляется с мучением (*eternal wound* - муки любви; букв.: вечная рана); с предметом мебели (*cupboard love* - корыстная любовь, любовь с расчетом; букв.: любовь к шкафу); с высотой (*to stand high in somebody's favour* - очень нравиться кому-либо, быть в милости у кого-либо; букв.: стоять высоко в чьем-либо расположении).

Любящий человек возвышает любимого человека, приписывая ему то, чем он не располагает: *to think the world of somebody* - любить кого-то и восхищаться им (букв.: думать мир о ком-либо).

Некоторые фразеологизмы, выражающие концепт «любовь», содержат метафору ребенка: *the pledge of love* - залог любви, союза (т.е. ребенок); *seal of love* - залог любви (т.е. ребенок).

Немногочисленны также и ФЕ, где любовь отождествляется с такими понятиями, как «игра», «деньги»: *cannot get something for love nor money* - что-то нельзя получить ни за какие деньги (букв.: нельзя получить что-то ни за любовь, ни за деньги); *lucky at cards, unlucky in love* - кому везет в картах, тому не везет в любви.

Фразеологизмы-парафразы, содержащие концепт «любовь», являются метафорическими и метонимическими переносами:

City of Brotherly Love - «город братской любви» (г. Филадельфия);

the Queen of love - богиня любви, Афродита; Венера;

the blind god - бог любви, Эрот; Амур, Купидон;

the goddess of love - богиня любви, Афродита; Венера.

Соматический компонент лежит в основании следующих фразеологизмов, выражающих концепт «ненависть»: *to show one's teeth* - проявлять неприязнь, обнаруживать враждебность; показывать когти (букв.: показывать чьи-либо зубы); *to turn somebody's stomach* - быть противным кому-либо; с души воротит (букв.: переворачивать чей-либо желудок, живот); *to*

give somebody the cold shoulder - холодно встретить; относиться с презрением, проявлять неприязнь (букв.: дать кому-либо холодное плечо); *to snap one's fingers at somebody or something* - открыто выражать презрение к кому-либо или чему-либо (букв.: щелкать пальцами на кого-, что-либо), *to hate somebody's guts* - смертельно ненавидеть кого-либо (букв.: ненавидеть чьи-либо кишки, внутренности), *to cast the gorge at* - отвергнуть с омерзением, с отвращением (букв.: бросать горло/глотку на кого-, что-либо).

Английские фразеологические единицы, выражающие концепт «ненависть», содержат компонент неживых предметов, в том числе и холодного оружия: *to get one's knife into somebody* - воспылать злобой к кому-либо, точить нож против кого-либо (букв.: вставить нож в кого-либо); *at sword's points* - на ножах, враждебный (букв.: на наконечнике, острие меча); *to get one's hammer out for* - относиться враждебно, с неприязнью (букв.: вынимать молот для); *dagger's drawing* - открытое проявление враждебности (букв.: вытаскивание кинжала); *to speak daggers* - говорить со злобой, враждебностью (букв.: говорить кинжалами). В данных фразеологических единицах присутствует образ колких предметов, которые причиняют сильную боль.

В английских фразеологизмах можно выделить отдельные единицы, в которых ненависть сравнивается с ядом (*to hate like poison* - смертельно, люто ненавидеть; *ненавидеть всей душой*; букв.: ненавидеть, как яд).

Ненависть имеет пространственную характеристику и отождествляется с низом (*to have a down on somebody* - не любить кого-то, иметь зуб против кого-либо; букв.: иметь низ на кого-либо).

В следующем фразеологизме ненависть можно выразить через компонент плохого настроения: *to give somebody the pip* - вызывать у кого-либо отвращение (букв.: дать кому-либо плохое настроение).

Проанализировав английские фразеологические единицы, выражающие концепт «ненависть», можно отметить, что отрицательное отношение большей частью обозначается при помощи таких слов, как *неприязнь, отвращение, вражда*, что показывает на менее интенсивное проявление отрицательного отношения.

Таким образом, стоит отметить, что фразеологический компонент языка включает в себя главным образом понятийные зоны, которые содержат эмоции, внутренние переживания и психофизические состояния человека, его интеллектуальную и волевою деятельность. Любовь и ненависть предстают как крайне противоречивые чувства, которые находятся на полюсах шкалы эмоциональных отношений. Они оцениваются как источники положительных или отрицательных эмоций и состояний, которые являются причинами счастья и несчастья, они являются чувствами, которые определяют смысл человеческого существования.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. - М.: «Гнозис», 2007. - 284 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.

10.02.19

М.В. Шурупова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ СЛЕНГИЗМОВ

В статье рассматривается один из продуктивных способов образования сленга – метафорический перенос. Автор иллюстрирует частотность использования метафоры на примере художественного произведения американской литературы, отражающей все явления в жизни общества.

Ключевые слова: *американский сленг, метафорический перенос, способы словообразования, семантика.*

Исследования, касающиеся объема понятия «сленг», его характерных черт, функций и способов образования, продолжают оставаться актуальной проблемой современного языкознания.

В «Большой советской энциклопедии» находим следующее определение понятия «сленг» – «это экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, отклоняющаяся от принятой литературной языковой нормы (данный термин чаще всего употребляется применительно к английскому языку и его функционированию в Англии и США). Единицы сленга в своей речи используют, главным образом, школьники, студенты, военные, молодые рабочие. Сленг подвержен частым изменениям, что делает его языковой приметой поколений. Легко проникая в литературный язык, сленг используется для речевой характеристики героев и авторской речи, обогащая ее в эмоциональном плане [7]».

А.Н. Колесниченко в работе, посвященной всестороннему исследованию явления сленга в английском языке, подразумевает под ним следующее: «это понятные большей части общества слова, имеющие более открытый характер по сравнению с жаргоном и арго, но ограниченные неформальной сферой употребления. В свою очередь сленгизмы – это слова-заменители нейтральной или возвышенной лексики, имеющие уничижительный характер [8, с. 11]».

Изучив и обобщив мнения разных ученых, касающиеся объема исследуемого понятия, мы под сленгом понимаем пласт сниженной лексики языка, ставящей своей задачей внесение разнообразия в стандартную, «типизированную», шаблонную речь говорящего, придание яркой эмоционально-экспрессивной окраски речи и определяющей условные границы социальной группы, использующей данные языковые единицы.

По словам И.В. Арнольд, было бы неправильно считать, что сленгизмы не соответствуют нормам литературного языка. Это утверждение неверно, потому что образуются данные лексические единицы при помощи тех же способов словообразования и по тем же моделям, что и прочие неологизмы, сформировавшие общеупотребимую лексику. Слова сленга часто возникают как переосмысление слов и выражений общелитературной лексики или как новые образования от них, а затем возвращаются в литературный язык в своих новых значениях [6, с. 287]. Таким образом слова общелитературной лексики как бы переживают «второе (а иногда и третье) рождение», поскольку каждое новое поколение, приходящее на смену другому примерно раз в десять лет, может привносить свои оттенки значений в уже существующие сленгизмы.

Согласимся с В.В. Паниным [9, с. 542–544], который утверждает, что достаточно большое число сленгизмов английского языка появилось в результате вторичной номинации. Под вторичной номинацией понимается использование фонетического воплощения уже существующей языковой единицы в качестве номинации для нового понятия. Результаты вторичной номинации воспринимаются как единицы, появившиеся в результате изменения морфологической структуры слова или его семантики. Способы вторичной номинации различаются в зависимости от средств языка, используемых при создании новых слов или выявлении оттенков значений уже существующих единиц словарного состава языка. Одним из основных способов словообразования в процессе вторичной номинации выступает метафора, или метафорический перенос, который основан на скрытом сходстве признаков между двумя объектами или явлениями действительности.

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих частотность использования метафор в контексте художественного произведения современной американской литературы. Источником фактического материала послужил роман Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49» [4], написанный автором в 1966 году. Выбор данного произведения в качестве иллюстративного материала не случаен и объясняется тем, что все явления и процессы, происходившие в жизни общества той эпохи (начали преобладать ироничность, беспокойство, самобичевание, застенчивость и чувствительность на фоне борьбы с кризисом, наступившим после окончания Второй мировой войны), наиболее полно отражены в языке.

ass – болван, дурак, глупец (an objectionable person [2], a stupid or foolish person [Urban Dictionary, Электронный ресурс];

chicken – желторотая дура, курица (a coward who is scared to do something or is afraid of something [5], a coward, a person who is not brave [1];

chicks – цыпочки, тетки (this word is considered to be offensive by many women [1], actually a non-derogatory slang term for the word “girl”; this word was probably a spanglish derivative from the Spanish word “chica” meaning, of all things, girl [5];

cracker – белый нищий (another term for “poor white” [3], a poor usually Southern white [2]);

drop-out – хи(п)парь, недоучка (to be one who rejects conventional society after taking LSD [5], the person who has rejected conventional society to pursue an alternative lifestyle [3];

fink – дешевка, предатель (a treacherous person [5], an unpleasant or contemptible person [3]);

fix – бзик (a weirdo, strange things which someone does in the wrong situations (in a bad way) [5], obsession with a particular activity or interest [3], a sudden and odd or seemingly pointless idea or turn of the mind [2];

lavender (crowd) – розово-голубые, ЛГБТ-сообщество (homosexual, usually fairly identifiable by manurisms [5], used in reference to effeminacy or homosexuality [3];

no sweat – без заморочек (with little or no difficulty (sl.) [2], if you say something is no sweat, you mean that it will not be difficult or cause problems [1]);

nut – чудака, псих, фан (crazy or insane person [5], mad [3], insane, crazy [2]);

schmuck – подонок, эгоист (metaphorical meaning: a prick, an asshole, etc. [5], a foolish or contemptible person [3];

stooge – шестерка (someone that always “bitches about” other people yet is a failure himself; someone who is used by others to get what they want; a clown; a follower [5], a subordinate used by another to do unpleasant routine work [3], one who plays a subordinate or compliant role to a principal [2];

juiced – поддатый, навеселе (in reference to alcohol and liquor; getting juiced is thus getting drunk / hammered where one has reached his limit or threshold before getting sick [5], drunk (North American sl.) [3];

to get hooked – подсаживаться, сидеть на крючке (addicted [3], to get addicted to a drug; after consuming such a large amount of alcohol or drugs that can’t be bothered to move, or are so hooked that they couldn’t move if they wanted; usually results in being stuck in a very uncomfortable position [5]);

to shake somebody down – вытряхивать, выклянчить (to swindle someone or extorting money [3], to obtain money from in a deceitful, contemptible or illegal manner [2], to get money from someone by using threats or tricks [1]).

Подводя итог, скажем, что метафорическое переосмысление общеупотребимого слова предполагает близкое знакомство с именуемым понятием. Кроме того, стремление к яркой образности, являющейся характерной чертой единиц сленга, побуждает говорящего избегать речевых штампов, облекать мысли в новую выразительную языковую оболочку, нередко употребляя слова в необычном значении, что объясняет широкое использование метафоры как словообразовательной модели языка.

Список литературы

1. *Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.02.2019).
2. *Dictionary and Thesaurus – Merriam-Webster Online* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 07.02.2019).
3. *Oxford Dictionaries* [Электронный ресурс]. – URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 11.02.2019).
4. *Pynchon T.* The Crying of Lot 49. – N.Y.: Harper and Row, 1966. – 183 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://people.brandeis.edu/~mikek/books/pub/Thomas%20Pynchon%20THE%20CRYING%20OF%20LOT%2049.rtf> (дата обращения: 05.02.2019).
5. *Urban Dictionary* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 04.02.2019).
6. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка: учеб. Пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 287.
7. *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.ru/сленг/БСЭ/Сленг> (дата обращения: 08.02.2019).
8. *Колесниченко А.Н.* Сленг в английском и русском языках: структурно-семантический, этимологический, функциональный и стилистический аспекты (на материале произведений Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Д. Гуцко «Русскоговорящий»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2008. – С. 11.
9. *Панин В.В.* Метафорический перенос в английском сленге // Молодой ученый. – 2016. – №17. – С. 542–544 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/121/33545/> (дата обращения: 10.02.2019).

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS**

З.Ф. Ахатова, К.А. Окишева
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ
Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Ключевые слова: современная проза, Петрушевская, экзистенциальный мотив, экзистенциальные проблемы, проблемы отчуждения.

В статье рассматривается проблематика прозы современной писательницы Л. Петрушевской. В ее прозе выявляются экзистенциальные мотивы безысходности, отчаяния, одиночества, смерти и др. Особое внимание уделяется повести Л. Петрушевской «Время ночь», в которой поднимаются проблемы трагического существования человека.

С.В. Бурдина, Л.Н. Султанова
ОСОБЕННОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА
Н. ЛЕСКОВА В ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ Н. СИДЕЛЬНИКОВА
«ЧЕРТОГОН»

Ключевые слова: Жанр, оперное либретто, интерпретация, сравнительный анализ, новаторство.

В статье проводится сравнительный анализ двух произведений разных жанров – рассказа Н.Лескова «Чертюгон» и либретто одноименной оперы Н.Сидельникова, написанное самим композитором. Рассматриваются общие принципы воплощения художественной идеи обоими авторами. Выявляются значимые особенности интерпретации известного святочного рассказа Н.Сидельниковым, раскрывается специфика современного прочтения литературного текста XIX века.

С.И. Видющенко
СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: городской текст, славянская и библейская мифологии, демонология, мотив перевоплощения, действительность и ирреальность.

В данной статье рассмотрена история развития «городского текста» в русской литературе как в традиционном контексте, заложенном классиками XIX века, так и в плане интерпретации традиций поэтами-модернистами XX столетия. При этом учитываются фантастический, социальный ореолы города, его климатические условия, демонологический, библейский контексты, мотив оборотничества, мировоззренческие позиции авторов.

Е.А. Ключикова
ОБРАЗ КОРЕИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Н.Г. ГАРИНА-
МИХАЙЛОВСКОГО «ПО КОРЕЕ, МАНЬЧЖУРИИ И
ЛЯОДУНСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ»

Ключевые слова: восточный травелог, романтическая образность, корейский фольклор, мифопоэтика.

Статья посвящена анализу образа Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову». При описании Кореи писатель активно использует романтическую образность. В ходе общения с местным населением он пытается реконструировать корейскую мифологическую картину мира, что сближает дневник с произведениями дальневосточных писателей о тайге и таёжной мифологии. Гарин-Михайловский создает образ путешественника-гуманиста, воспринимающего новую территорию сквозь призму традиционной культуры её жителей.

О.С. Мальчугина
«...ШУМЯ ТРАВой ВОДЫ, ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ СНАЧАЛА»:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В КНИГЕ ЕКАТЕРИНЫ
СИМОНОВОЙ «ВРЕМЯ»

Ключевые слова: время, смерть, экзистенциальное, средневековая Модель вселенной, экфрасис.

Статья посвящена проблеме интерпретации времени Екатерины Симоновой в книге «Время». Материалом исследования послужили стихотворения, входящие в книгу

Z.F. Akhatova, K.A. Okisheva
EXISTENTIAL MOTIVES IN THE PROSE BY
L. PETRUSHEVSKAYA

Keywords: modern prose, Petrushevskaya, existential motives, existential problems, the problem of isolation.

The article deals with the problems raised in the prose by a modern writer L. Petrushevskaya. Her prose is characterized by existential motives of hopelessness and despair, loneliness, death and others. Special attention is attached to the tale "Time is Night" by L. Petrushevskaya, in which she raises the problem of human existence.

S.V. Burdina, L.N. Sultanova
FEATURES OF EMBODIMENT OF THE TEXT BY N.
LESKOV IN LIBRETTO OF OPERA "CHERTOGON" BY
N. SIDELNIKOV

Keywords: genre, libretto, interpretation, comparative analyses, innovation.

Comparative analyses of two texts in different genres is presented in the article – a story "Chertogon" by N.Leskov and a libretto of opera by N.Sidelnikov written by this composer. We learn about common realization of the idea by both authors. We define special features of N.Sidelnikov's interpretation of outstanding Christmas story, learn about contemporary opinion on the text of the XIX century.

S.I. Vidyushchenko
SEMANTICS OF THE CITY IMAGE IN THE WORKS OF
THE RUSSIAN LITERATE

Keywords: city text, Slavic and Bible mythologies, demonology, motive of reincarnation, reality and irreality.

The article considers a history of development of the «city text» in the Russian literature both in a traditional context established by classics of the XIX century and in connection with the interpretation of traditions by modernistic poets of the XX century. The article takes into consideration fantastic, social city images, its climatic conditions, demonological, Bible context, shapeshifting motive, authors outlooks.

E.A. Kliukova
IMAGE OF KOREA IN THE TRAVELOGUE BY N.G.
GARIN-VBKHAILOVSKY "AROUND KOREA,
MANCHURIA AND LIAODONG PENINSULA"

Keywords: Eastern travelogue, images of Romanticism, Korean folklore, mythopoetics.

The article is devoted to the image of Korea in Far Eastern travelogue by N.G. Garin-Mikhailovsky. Korea in Garin-Mikhailovsky's travelogue is mostly described through the images of romanticism. The writer tries to reconstruct the Korean mythologic view of the world what let the scholars to make a parallel between these notes of a journey and the Russian Far Eastern literature, related with the forest mythology. Traditional culture of Koreans became the main context of perception of Korea by N.G. Garin-Mikhailovsky.

O.S. Malchugina
"... WITH THE SOUND OF THE GRASS OF THE WATER,
EVERYTHING STARTS ALL OVER AGAIN":
EXISTENTIAL IN THE BOOK "TIME" BY EKATERINA
SIMONOVA

Keywords: time, death, existential, medieval Model of the Universe, ecphrasis.

The article is devoted to a problem of interpretation of time in Ekaterina Simonova's work. The poems entering the book "Time"

«Время». В статье показано, как тема времени трактуется через средневековое представление о модели вселенной и каковы особенности восприятия времени героями книги.

A.V. Radionova

О ПАРАДИГМЕ СТИХОТВОРЕНИЙ-CREDO В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Ключевые слова: лирика, этическое, стихотворение-credo, ситуация, композиция.

В статье дается характеристика стихотворений-credo с точки зрения их структурных и композиционных особенностей. Выявлены устойчивые тенденции в формировании парадигмы, проанализированы ее тексты, включающие два смысловых блока – экспозицию и декларацию. Охарактеризованы типологические черты этих композиционных частей и отношения между ними.

G.S. Spiridonova

ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: русская детская литература, персонажи-двойники, сюжет, конфликт.

В статье рассматриваются типы персонажей-двойников и их функции в художественном тексте, предназначенном для детского чтения. Автор приходит к выводу, что конфликт двойника и героя в книге для детей не носит трагически неразрешимого характера, а часто, напротив, комичен и вполне благополучно разрешается в финале. Позитивный исход встречи героя со своим alter ego отличает детские истории о персонажах-двойниках от взрослых.

Z.G. Stankovich

САМОНОМИНАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ ГРУППЫ «МЫ» КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ

Ключевые слова: самономинация, саморефлексия, лирический субъект.

Целью исследования является проблема саморефлексии в творчестве Виктора Цоя, которая никогда ранее не ставилась применительно к лирике рок-поэта, что обуславливает новизну предмета исследования. Эвристичным аспектом данной проблемы выступает анализ одной из форм литературной саморефлексии, открывающей отношение поэта к себе и миру, а именно феномена самономинации лирического субъекта. Новизна статьи состоит в том, что показана специфика саморефлексии, представленной в качестве комплекса самоназваний субъектной группы «мы». Самономинация такого лирического субъекта может раскрывать особенности понимания Поэтом своего места как в сообществе друзей и соратников, так и в сложной социальной среде. Прослеживается динамика процесса самономинации группового лирического субъекта на всех этапах творческого пути В.Цоя.

V.N. Barakov

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КНИГЕ В.И. БЕЛОВА «ЛАД»

Ключевые слова: В.И. Белов, православные традиции, народная эстетика.

В работе представлены результаты анализа православных традиций и их интерпретации в главной исследовательской книге В.И. Белова о народной эстетике «Лад». Соединение социального, философского и духовного контекста позволяет по-новому взглянуть на его очерковую прозу. Актуальность творчества В.И. Белова объясняется не только социальной проблематикой, но и метафизической природой его творчества.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, B.F. Usmanov,

A.T. Khairullin, A.D. Lifanova, R.N. Zigitbaev, S.A. Batanin, L.R. Saitumirova, A.F. Muhlisov

ОПЫТ ЖУРНАЛИСТСКОЙ РАБОТЫ ПРИ СОЗДАНИИ МОНОГРАФИИ «РОССИЯ-ВЬЕТНАМ-2019» (ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЕДИНОБОРСТВА)

have served as material of a research. In article shows how the subject of time is treated through medieval idea of model of the Universe and what features of perception of time by heroes of the book.

A.V. Radionova

ABOUT PARADIGM POEMS-CREDO IN RUSSIAN POETRY

Keywords: lyrics, ethical, poem-credo, situation, composition.

The article characterizes the poems-credo in terms of their structural and compositional peculiarities. Stable trends in the formation of the paradigm are revealed, its texts, including two semantic blocks – the exposition and the declaration, are analyzed. Typological features of these compositional parts and relations between them are characterized.

G.S. Spiridonova

DOUBLES in RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE OF THE XX CENTURY

Keywords: Russian children's literature, doubles, plot, conflict

The article discusses the types of doubles and their functions in an artistic text intended for children's reading. The author comes to the conclusion that the conflict between the double and the hero in a book for children is not tragically intractable, and often, on the contrary, comical and quite safely resolved in the final. The positive outcome of the meeting of the hero with his alter ego distinguishes children's stories about doubles from adults stories.

Z.G. Stankovich

THE SELF-NOMINATION OF THE SUBJECT GROUP "WE" AS THE FORM OF THE LITERARY SELF-REFLECTION IN VICTOR TSOI'S CREATIVITY

Keywords: self-nomination, self-reflection, lyrical subject.

The subject of the author's research interest is the problem of self-reflection in the works of Victor Tsoi which has never been put in relation to the lyrics of the rock poet. The author analyzes one of the literary self-reflection forms revealing the poet's attitude to himself and the world, namely the phenomenon of self-nomination of the lyrical subject. The specificity of self-reflection presented as a complex of the group "we" self-namings determines the article's novelty. The self-nomination of such a lyrical subject reveals the peculiarities of the Poet's understanding of his place both in the community of friends and in the complex social environment. The article traces the dynamics of the self-nomination process of group lyrical subject at all stages of V. Tsoi's creative way.

V.N. Barakov

ORTHODOX TRADITION AND THEIR INTERPRETATION IN THE BOOK BY V. I. BELOV "LAD»

Keywords: V. I. Belov, Orthodox traditions, folk aesthetics

The paper presents the results of the analysis of Orthodox traditions and their interpretation in the main research book of V. I. Belov on folk aesthetics "lad". The combination of social, philosophical and spiritual context allows us to take a fresh look at his essay prose. The relevance of Belov's work is explained not only by social problems, but also by the metaphysical nature of his work.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, B.F. Usmanov,

A.T. Khairullin, A.D. Lifanova, R.N. Zigitbaev, S.A. Batanin, L.R. Saitumirova, A.F. Muhlisov

EXPERIENCE OF JOURNALISM WORK IN CREATING MONOGRAPHY "RUSSIA-VIETNAM-2019" (HISTORY, CULTURE, SELF-COMBAT)

Ключевые слова: анкета, интервью, монография, Вьетнам, Россия.

Согласно распоряжению от 3 октября 2018 года Президента Российской Федерации В.В. Путина объявлено о проведении в 2019 году Года России во Вьетнаме и Года Вьетнама в России. В Республике Башкортостан работают и учатся представители Вьетнама, для сбора информации о них использован метод анкетирования и интервью, который часто используется в журналистике при подготовке тематической монографии.

Т.А. Наговицина

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАСС-МЕДИА СИЛОВЫХ СТРУКТУР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ключевые слова: Корпоративные коммуникации, пресс-служба, Республика Татарстан, масс-медиа.

Исследование посвящено научной проблеме корпоративных коммуникаций силовых структур Республики Татарстан. Автор обобщает опыт силовых ведомств Татарстана, анализирует работу пресс-служб Министерства внутренних дел РФ по Республике Татарстан и Федеральной службы исполнения наказания РФ по Республике Татарстан. Данные пресс-службы обладают огромными возможностями воздействия на общественное мнение.

В.М. Нелькенбаум

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальное пространство, мифологическое восприятие, мифомышление, творческое мышление.

В работе представлены результаты изучения концептуального пространства произведений Б.Л. Пастернака. В статье подробно рассматривается история данного вопроса в трудах значимых исследователей рубежа веков. Также описывается система концептов, которые оказываются наиболее частотными в творчестве Б.Л. Пастернака.

С.А. Форостецкий

ДИСКУРС ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная гетерогенность, дискурс вооруженного конфликта в СМИ, ДВК в СМИ, типы дискурса. В работе исследуются теоретико-методологические основания понятия «дискурс вооруженного конфликта в СМИ» (далее ДВК в СМИ), как одного из подтипов языкового дискурса, транслируемого современными медиа.

А.Р. Шакурова

МЕДИЙНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ О ЕВРОПЕЙСКОМ МИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ДЖАНФРАНКО РОЗИ «МОРЕ В ОГНЕ» 2016 Г.)

Ключевые слова: медийный стереотип, Европа, Лампедуза, миграционный кризис, беженцы, документальный фильм, «Море в огне».

Данная статья посвящена проблеме миграционного кризиса 2015-2016 гг. в Европе и отражению этой проблеме в медиатекстах. Нами были изучены медийные стереотипы о мигранта и беженцах, представленные в документальном фильме европейского кинорежиссера Джанфранко Розы «Море в огне». Мигранты и беженцы являются уязвимым меньшинством, которое может быстро стать козлом отпущения за проблемы общества. Об этом и о судьбе европейцев как принимающей стороны рассказывает автор фильма.

Keywords: questionnaire, interview, monograph, Vietnam, Russia.

According to the order of October 3, 2018, President of the Russian Federation V.V. Putin announced the holding in 2019 of the Year of Russia in Vietnam and the Year of Vietnam in Russia. Representatives of Vietnam work and study in the Republic of Bashkortostan; the method of questioning and interviews, which is often used in journalism in preparing a thematic monograph, are used to gather information about them.

T.A. Nagovitsina

GOALS, OBJECTIVES AND OPPORTUNITIES FOR CORPORATE COMMUNICATIONS (FOR EXAMPLE, THE MASS MEDIA OF POWER STRUCTURES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Keywords: Corporate communications, press service, Republic of Tatarstan, mass media.

The research is devoted to the scientific problem of corporate communications of the power structures of the Republic of Tatarstan. The author summarizes the experience of law enforcement agencies of Tatarstan, analyzes the work of the press services of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan and the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan. These press services have great potential for influencing public opinion.

W.M. Nelkenbaum

THE CONCEPTUAL SPACE OF THE WORKS OF BORIS PASTERNAK

Keywords: concept, conceptual sphere, conceptual space, mythological perception, myth-thinking, creative thinking. The paper presents the results of the study of the conceptual space of the works of Pasternak. The article examines in detail the history of this issue in the works of important researchers of the turn of the century. It also describes the system of concepts that are the most frequent in the works of Pasternak.

S.A. Forostetsky

DISCOURSE OF ARMED CONFLICT IN THE MEDIA AS A RESULT OF THE DISPLAY OF HETEROGENEITY DISCOURSE

Keywords: discourse, discursive heterogeneity, discourse of armed conflict in the media, DVK in the media, types of discourse.

The paper examines the theoretical and methodological foundations of the concept of "discourse of armed conflict in the media" (hereinafter DVK in the media), as one of the subtypes of language discourse broadcast by modern media.

A.R. Shakurova

STEREOTYPES OF MEDIA IN DOCUMENTARY FILMS ABOUT THE EUROPEAN MIGRATION CRISIS (ON THE EXAMPLE OF GIANFRANCO ROSI "FIRE AT SEA" 2016)

Keywords: media stereotype, Europe, Lampedusa, migration crisis, refugees, the documentary film, "Fire at Sea".

This article is devoted to the problem of the migration crisis of 2015-2016 in Europe and the reflection of this problem in media texts. We studied the media stereotypes about migrants and refugees presented in a documentary film by European director Gianfranco Rosi "Fire at Sea". Migrants and refugees are a vulnerable minority that can quickly become a scapegoat for solving the problems of society. The author of the film tells about it and about the fate of Europeans as the owner.

А.Р. Шакурова

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В
СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ*Ключевые слова: социальные стереотипы, медиатекст, телевизионные стереотипы, телетекст, телевизионный дискурс.*

В статье дается обзор представлений о том, как стереотипы используются в текстах средств массовой информации. Сделана попытка описать средства эксплицитного и имплицитного внедрения стереотипов в медиатексты, среди которых особое место занимают пресуппозиция, «лишние» элементы, ирония, эмоционально окрашенная лексика и т.д.

О.О. Есафьева, Н.А. Просина

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ
ТЕКСТЕ А. ПЛАТОНОВА

Ключевые слова: образность, эпистолярный текст, Платонов. В работе представлены результаты исследования эпистолярного текста А. Платонова на предмет использования средств создания образности с учётом жанрово-стилистических особенностей текста.

У Анна, Е.Ф. Киров

КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

Ключевые слова: политический дискурс; конвергенция; прилагательные; лингво-прагматические факторы.

В данной статье рассматривается влияние конвергенции на лингвистическое оформление политического дискурса сходной тематики, характер которого анализируется с учетом лингво-прагматических факторов. Конвергентные мотиваторы сходства языковых элементов политического дискурса отражаются на разных уровнях, мы сосредоточим внимание на анализе прилагательных как маркерах политической позиции в политическом дискурсе лидеров РФ и США.

Г.Г. Фефелова, А.Ф. Сагитова, А.К. Сулейманова,
Ф.Г. ФаткуллинаЛЕКСЕМЫ «СМЕХ» И «УЛЫБКА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
КОМИЧЕСКОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ*Ключевые слова: смех, улыбка, эмотивная лексика, языковая картина мира, юмористический дискурс.*

Данная статья посвящена исследованию лексики «смех» и его составляющей «улыбка» как основных категорий эмотивной лексики, реализующихся в юмористическом дискурсе. Акцентируется внимание на художественных лексемах как ведущих элементах, отражающих индивидуально-авторский подход в произведении. На примере романа И. Ильфа и Е. Петрова рассматриваются лексемы, содержащие разноплановые оттенки эмотивной семантики.

Р.Х. Хайруллина, Ш.Р. Хуснитдинов

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКОГО
ПОСЛОВИЧНОГО ФОНДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ С
ОППОЗИЦИЕЙ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»)*Ключевые слова: семантическая модель, паремия, национальное миропонимание, менталитет.*

В работе раскрывается лингвокогнитивный механизм семантического моделирования на материале русского пословичного фонда. Семантические модели паремий в русском языке рассматриваются как выражение особенностей национального миропонимания и закрепление в языке этических норм поведения в обществе. Авторами выделено 13 типов семантических моделей в русских паремиях, в которых реализуется оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ, описываются их лингвокогнитивные основы.

Э.О. Айвазшвили

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЯ
ЧЕРЕЗ ЛЕКСИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*Ключевые слова: лексическая категория неопределенности, коммуникативно-прагматический потенциал, бизнес-совещание, бизнес-дискурс.*

A.R. Shakurova

SOCIAL STEREOTYPES IN MODERN TELEVISION MEDIA
TEXTS*Keywords: social stereotypes, media text, television stereotypes, tvtext, television discourse.*

The article provides an overview of ideas about how stereotypes are used in the media texts. An attempt was made to describe the means of explicit and implicit stereotyping in media texts, among which presupposition, "extra" elements, irony, emotionally colored vocabulary, etc., occupy a special place.

O.O. Esafeva, N.A. Prošina

MEANS OF CREATING IMAGERY IN A. PLATONOV'S
EPISTOLARY TEXT*Keywords: imagery, epistolary text, Platonov.*

The paper presents the results of the research of A. Platonov's epistolary text on the use of means of creating imagery with respect to the genre-stylistic features of the text.

Wu Anna, E.F. Kirov

CONVERGENCE IN POLITICAL DISCOURSES

Keywords: political discourse; convergence; adjectives; linguistic and pragmatic factors.

This article reveals the influence of convergence in the linguistic structuration of political discourse, the status of which is analyzed in the view of linguistic and pragmatic factors. Similar convergent motivators of linguistic elements in political discourse are reflected at different levels, and this work takes its focus on the analysis of adjectives as markers of political position in the political discourse of the leaders of the Russian Federation and the United States.

G.G. Fefelova, A.K. Suleymanova, A.F. Sagitova,
F.G. FatkullinaTHE TOKEN "LAUGH" AND "SMILE" AS A COMIC
MANIFESTATION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS*Keywords: laughter, smile, emotive vocabulary, language picture of the world, humorous discourse.*

This article is devoted to the study of the lexeme "laughter" and its component "smile" as the main categories of emotive vocabulary, realized in humorous discourse. The attention is focused on the artistic lexemes as the leading elements reflecting the individual author's approach in the work. On the example of the novel by I. Ilf and E. Petrov lexemes containing diverse shades of emotive semantics are considered.

R.Kh. Khayrullina, Sh.R. Khusnitdinov

SEMANTIC MODELS OF RUSSIAN AND ENGLISH
PAREMIES WITH COMPONENTS "OWN - ALIEN"*Keywords: semantic model, paremia, national understanding of the world, mentality.*

The paper reveals the linguo-cognitive mechanism of semantic modeling on the material of the Russian proverbial fund. Semantic models of proverb in the Russian language are an expression of national perception of the world. The authors singled out 13 types of semantic models in Russian proverbs, which require opposition from OWN - ALIEN, describing their linguo-cognitive foundations.

E.O. Aivazashvili

THE ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE-
PRAGMATIC ASPECTS OF ENGLISH BUSINESS
MEETINGS THROUGH VAGUE CATEGORY MARKERS*Keywords: lexical category of uncertainty, communicative - pragmatic potential, business meeting, business discourse.*

The article deals with the vague category markers as operators

В статье рассматривается лексическая категория неопределенности как оператор коммуникативно-прагматического потенциала одного из жанров современного англоязычного бизнес-дискурса - бизнес-совещания. Автор предпринимает попытку изучить прагматический диапазон данного феномена и выявляет существование 4 групп операторов, представленных лексическими элементами данной категории, - эффективности коммуникации, убедительности, уточнения и экспрессивности.

**В.В. Батицкая, В.В. Гури
АНАЛИЗ ИДИОМ С ЛЕКСИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ
«HEART» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, лексический компонент, английский язык.

Статья посвящена исследованию идиом с лексическим компонентом «heart» в английском языке. Авторами предпринята попытка классифицировать данные фразеологические единицы. Проведенный анализ идиом с лексическим компонентом «heart» позволил выявить их семантические признаки, определить области их употребления, а также описать национальное своеобразие исследуемых единиц.

**А.А. Гимадеева, Д.Б. Гарифуллина
НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ГАЗЕТ)**

Ключевые слова: английский язык, англоязычная пресса, лексические особенности, газетные заголовки, политические статьи.

Данная статья посвящена выявлению лексических особенностей заголовков политических статей. Актуальность темы определяется тем, что существует необходимость детального изучения активных языковых процессов в современной англоязычной электронной прессе. В настоящее время мы получаем огромную долю информации, в том числе и из газет в электронной версии, особенно о политических отношениях. Эмпирическим материалом послужили заголовки из англоязычных электронных газет политической тематики. Нами представлены выводы о лингвистических особенностях заголовков англоязычной прессы.

**Н.В. Горохова, В.И. Сидорова
АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ**

Ключевые слова и фразы: антонимия, антонимическая пара, терминология, химическая технология.

В статье рассматривается явление терминологической антонимии, определяется наличие противоположности понятий в научно-профессиональной области знания – терминологии химической технологии. Авторами делается попытка проанализировать термины химической технологии, с целью определить их логические возможности. Примеры выделенных по семантическим классам антонимов, а также продуктивные способы их образования находят свое отражение в статье.

**М.В. Грушина
ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ
МИНИМИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ
ДИСКРИМИНАЦИИ**

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, гендерная дискриминация, лингвистическая асимметрия.

Статья посвящена проблеме гендерной асимметрии в лингвистике. В работе перечислены некоторые способы преодоления языковой и социальной гендерной дискриминации.

**Г.Р. Еремеева, Е.В. Смылова, П.А. Свечникова
РАЗРЕШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ
СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
МЕТОДА ЛЕСКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. Д.
СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)**

Ключевые слова: лингвистика, лексическая многозначность,

of the pragmatic potential of one of the genres of the English business-discourse - business meeting. The author makes an attempt to study the pragmatic range of this phenomenon and reveals the existence of 4 groups of operators represented by vague category units - markers of the effectiveness of communication, of persuasiveness, of refinement and of expressiveness.

**V.V. Batitskaya, V.V. Gurin
ANALYSIS OF IDIOMS WITH THE LEXICAL COMPONENT
“HEART” IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Keywords: phraseological unit, idiom, lexical component, the English language.

The article is devoted to the study of idioms with the lexical component “heart” in English. The authors make an attempt to classify the identified phraseological units. The analysis of idioms with the lexical component “heart” made it possible to distinguish their semantic features, determine the scope of their use, and also describe the national peculiarities of the studied units.

**A.A. Gimadeeva, D.B. Garifullina
SOME LEXICAL PECULIARITIES OF HEADLINES OF
POLITICAL ARTICLES (BASED ON ENGLISH
ELECTRONIC NEWSPAPERS)**

Keywords: English, English electronic press, lexical peculiarities, newspaper headlines, political articles.

The article is dedicated to some lexical peculiarities of headlines from political articles. The relevance of a subject is defined by the fact that there is a need of detailed studying of active language processes in the modern English electronic press. Now we receive a lot of information from electronic newspapers, especially about political relations. Headlines from English electronic press served as empirical material. We presented conclusions about linguistic peculiarities of headlines of the English electronic press.

**N.V. Gorokhova, V.I. Sidorova
ANTONYMY IN THE ENGLISH TERMINOLOGY OF
CHEMICAL TECHNOLOGY**

Keywords and phrases: antonymy, antonymous pair, terminology, chemical technology.

The article deals with the process of terminological antonymy, the opposite conceptions in the special sphere of knowledge – terminology of chemical technology are analyzed. The paper presents lexical analysis of the terms of chemical technology with the examples of the antonyms classified according to the semantic classes; the productive ways of forming antonyms are defined.

**M.V. Grushina
LINGUISTIC GENDER ASYMMETRY AND THE WAYS OF
REDUCING LINGUISTIC AND SOCIAL DISCRIMINATION**

Keywords: gender, gender stereotypes, gender discrimination, linguistic asymmetry.

The article should introduce you to linguistic gender asymmetry. The paper presents some ways of reducing linguistic and social discrimination.

**G.R. Eremeeva, E.V. Smyslova, P.A. Svechnikova
SLANG EXPRESSIONS: WORD-SENSE DISAMBIGUATION
BY MEANS OF LESK ALGORITHM OF (ON THE
EXAMPLE OF THE NOVEL “THE CATHER IN THE RYE”
BY J. D. SALINGER)**

Keywords: linguistics, word-sense disambiguation, Lesk

разрешение, метод Леска, сленг.

Целью статьи является выявить, подходит ли один из классических алгоритмов разрешения лексической многозначности, метод Леска, для сленговых выражений. Авторами проведен анализ значений некоторых сленговых выражений из популярного среди подростков романа «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера. Отбор материала исследования был осуществлен методом сплошной выборки с последующим использованием метода Леска. Проведенный анализ показал, что выбранный алгоритм Леска совершенно не подходит для разрешения лексической многозначности сленговых выражений. В заключении статьи авторами предложено рассмотреть применение улучшенного алгоритма Леска и его производных.

Е.В. Комлева, Н.В. Сергеева

К ВОПРОСУ О ПЕРЦЕПТИВНОСТИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: перцептивность, функционально-семантическая категория, конститuentы, функционально-семантическое поле, ядро, периферия.

Статья посвящена обоснованию статуса перцептивности как функционально-семантической категории, в значение которой входит языковое выражение восприятия субъектом объекта / субъекта, находящегося непосредственно в поле наблюдения воспринимающего в синхроническом аспекте. Предпринимается попытка представить конститuentы функционально-семантического поля перцептивности на основе общей семантической функции восприятия, рассмотреть языковые средства, которыми выражена эта функция, в ядерной и периферийной позиции.

В.Ю. Кузнецова (Барбазюк), А.Е. Воробьев

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ключевые слова: перевод, текст, культура, язык.

Данная статья посвящена особенностям перевода англоязычных газетно-информационных материалов. Рассмотрен ряд их специфических черт, которые необходимо учитывать при передаче на русский язык. Проведенный анализ показал, что особую сложность может вызвать перевод абстрактных лексических единиц, т.к. они требуют от переводчика глубокого знания темы. Представленный в работе материал может быть использован при разработке теоретических курсов по общему переводу. Данные наблюдения будут полезны начинающим переводчикам. Перевод примеров на русский язык был выполнен автором статьи.

Е.Э. Науменко

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Ключевые слова: социальная реклама, речевые стратегии, мнемоническая стратегия, стратегия ассоциирования, стратегия управления вниманием, стратегия управления критичностью восприятия, аллитерация, ассонанс, анафора, рифма.

Будучи по своей сути некоммерческой, социальная реклама не является коммуникацией, которой свойственна манипулятивность, что, однако, не означает отсутствие необходимости воздействовать на реципиента. Интересно проследить, каким образом, с помощью каких языковых средств и приемов достигается суггестивный эффект.

Предметом исследования настоящей статьи является реализация речевых стратегий в текстах англоязычной социальной рекламы. Выявление языковых приемов, используемых для актуализации речевых стратегий, позволяет использовать зарубежный опыт в отечественной социальной рекламе, которая не имеет столь давней истории и устойчивых традиций, как западная.

algorithm, slang.

The aim of the research is to check whether one of the classical word-sense disambiguation algorithms is able to define the meaning of slang expressions correctly. The authors analyzed the values of some slang expressions in a popular teenage novel "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger. The selection of the study material was carried out by a continuous sampling method followed by the use of Lesk algorithm. The analysis shows that the chosen Lesk algorithm is completely inappropriate to resolve the word-sense disambiguation of slang expressions. In conclusion, the authors propose to consider the use of the improved Lesk algorithm and its derivatives.

E.V. Komleva, N.V. Sergeeva

A FUNCTION-SEMANTICS CATEGORY OF PERCEPTION REVISITED (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Keywords: perception, function-semantic category, constituents, function-semantic field, the nuclear, the periphery.

The article deals with the justification of Perception status as a function-semantic category. The meaning of the category includes the linguistic reflection of the Subject's perception of the Object/Subject, which is in the field of his observation from the synchronic aspect. There is a trial to present the constituents of the function-semantic category of Perception based on the common semantic function of perception and to revise the language means used to express this function in their nuclear and periphery positions.

V.Y. Kuznetsova (Barbazyuk), A.E. Vorobyev

ANALYSIS OF THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER AND INFORMATION MATERIALS: GENERAL CHARACTERISTICS

Keywords: translation, text, culture, language.

This article is devoted to the peculiarities of the translation of English-language news stories. A number of their specific features that must be considered when translating into Russian language are presented. The analysis showed that the translation of abstract and semantically close lexical units is especially difficult, since they require translator deep knowledge of the topic. The material presented in the work can be used in the development of theoretical courses of general translation. Submitted observations will be useful for novice translators. Translation of examples into Russian was done by the author of the article.

E.E. Naumenko

PECULIARITIES OF SPEECH STRATEGIES REALIZATION IN PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENTS

Keywords: public advertising, speech strategies, mnemonic strategy, strategy of association, strategy of attention management, strategy of critical perception, alliteration, assonance, anaphora, rhyme.

Being non-commercial by nature, public service announcements are not a manipulative type of communication though this does not mean there is no necessity of effecting the recipient. It is interesting to find out what linguistic means help to achieve the suggestive effect.

In this article, we aim at investigating the peculiarities of speech strategies realization in public service announcements. Revealing the linguistic means used to actualize speech strategies could be useful for Russian social advertising, which does not have such a long history and sustained traditions as in the West.

Т.Г. Перепеляк

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В
НОВОСТНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория засвидетельствованности, эвиденциальность, журналистский текст, новостной дискурс.

В статье рассмотрены способы реализации функционально-семантической категории засвидетельствованности в новостном журналистском тексте. В объеме значения данной категории входит степень достоверности информации. В результате анализа новостного журналистского текста были выделены языковые средства типичные для выражения засвидетельствованности в новостном дискурсе, к таким средствам относятся: презенс конъюнктива, конструкции с модальным глаголом "sollen", конструкции передачи прямой и (или) косвенной речи, вводимые глаголами речи или глаголами мыслительной деятельности, сочетания с модальным словом „laut", указывающими на информанта.

Ч.З. Абдуллина

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПОВ ДВУЯЗЫЧИЯ

Ключевые слова: двуязычие, типы двуязычия, билингвизм, билингв, многоязычие, национально-русское двуязычие, русско-национальное двуязычие, паритетное двуязычие, типы двуязычия в Татарстане.

В статье рассматривается такой вопрос, имеющий принципиальное значение в выяснении особенностей двуязычия, как определение типов двуязычия. Анализ типов двуязычия, которые получили свое освещение в специальной литературе, поможет нам правильно ориентироваться в типах двуязычия, распространенных в Республике Татарстан.

Г.Р. Галиуллина, Э.Х. Кадирова, Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева
КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫБОР ЯЗЫКА В
БИЛИНГВАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, билингвальная личность, билингвизм, татарско-русский билингвизм, татарский язык.

В статье представлены отдельные результаты изучения специфики выбора языка общения в зависимости от коммуникативной ситуации в условиях татарско-русского билингвизма. В результате анализа выяснилось, что бiculturalный социум вносит коррективы в языковое поведение билингвальной личности.

Г.З. Гилязиева

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДНЕГО ПАРАМЕТРА
АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: именная группа, средний параметр, параметрическое прилагательное.

В работе представлены результаты исследования категории измерения недискретного количества, а именно, языковой репрезентации среднего количества. Сделан вывод о том, что прилагательные average / уртача / средний могут определять как непосредственно объект, так и выступать в составе сложных определений с абстрактными существительными параметра. В английском языке подобное определение занимает постпозицию по отношению к определяемому слову. В татарском языке данная именная группа в препозиции, но существительное параметра выступает в падежной форме. В обоих языках прилагательные average / уртача / средний сочетаются с параметром тяжести. В татарском языке практически отсутствуют сочетания с параметрами высота, длина, ширина, но присутствуют сочетания с параметром роста. В английском языке average height имеет 92 вхождения, а average length – 56 вхождений, но только как самостоятельное существительное.

T.G. Perepelyak

REALIZATION OF EVIDENTIALITY IN THE NEWS
JOURNALISTIC TEXT (BASE ON MODERN GERMAN)

Keywords: notional and functional category of evidentiality, evidentiality, journalistic text, news discourse.

The article deals with realization's ways of notional and functional category of evidentiality in the news journalistic text. Capacity of this category includes degree of information reliability. As follows from the analysis of the news journalistic text there are some linguistic means which are typical for the realization of indirect evidentiality in news discourse. They are represented by German Präsens Konjunktiv (subjunctive mood), constructions with the modal verb "sollen", constructions of indirect / direct speech with verbs of saying and mental activity, collocation with modal word "laut" that points at an informant.

Ch.Z. Abdullina

ON THE QUESTION OF DETERMINING THE TYPES OF
BILINGUALISM

Keywords: bilingualism, types of bilingualism, bilingual, multilingualism, ethnic/Russian bilingualism, Russian/ethnic bilingualism, parity bilingualism, types of bilingualism in Tatarstan.

The article deals with the issue of determining the types of bilingualism, which is essential for elucidating the peculiarities of bilingualism. In our opinion, studying the types of bilingualism, which are covered in the literature, will help us to be conversant with the types of bilingualism common in the Republic of Tatarstan.

G.R. Galiullina, E.Kh. Kadirova, Kh.Kh. Kuzmina,
G.K. KhadievaCOMMUNICATIVE SITUATION AND SELECTION OF
LANGUAGE IN BILINGUAL SOCIETY

Keywords: communicative situation, bilingual personality, bilingualism, Tatar-Russian bilingualism, Tatar language.

The article presents some results of studying the specifics of the choice of the language of communication depending on the communicative situation in the context of Tatar-Russian bilingualism. The analysis was carried out on the basis of surveys and analysis of fragments of colloquial speech of bilingual students who studied the Tatar language in educational institutions. As a result of the analysis, it turned out that bicultural society makes adjustments to the linguistic behavior of the bilingual personality.

G.Z. Gilyaziyeva

ADJECTIVES OF MEDIUM SIZE IN ENGLISH AND TATAR
LANGUAGES

Keywords: nominal group, average size parameter, size adjective.

The paper presents the results of a study of the category of non-discrete quantity measurement, namely, the linguistic representation of the average quantity. It is concluded that adjective average can determine directly the object, and to act in complex definitions with abstract nouns of the parameter. In English language, such a definition takes a post position in relation to the defined word. In Tatar language this nominal group is in the pre - position, but the noun of the parameter appears in the case form. In both languages adjective average is combined with the weight parameter. In Tatar language, there are practically no combinations with height, length, width parameters, but there are combinations with the growth parameter. In English, average height has 92 tokens, and average length has 56 tokens, but only as an object.

Г.З. Гилязиева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОЧНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРИЗНАКА ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: именная группа, точное измерение, параметрическое прилагательное.

В работе представлены результаты исследования категории точного измерения. Сделан вывод о том, что, во-первых, в обоих языках присутствуют определения, указывающие на точное измерение параметра длины, высоты, времени, которые обнаруживают схожесть по составу – числительное и единица измерения, а также возможность опущения параметрического прилагательного. Во-вторых, в английском языке именная группа обязательно включает артикль, в татарском языке единица измерения присоединяет аффиксы.

Л.Х. Дзасежева, Э.Ю. Улимбашева, Э.Р. Хутова
РОЛЬ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: гастрономическая метафора, антропоцентричность, языковая картина мира.

Статья посвящена исследованию роли гастрономической метафоры в характеристике внешности человека в английском языке. В работе выделяются основные мишени метафорического переноса, анализируются наименования продуктов, формирующих положительную и отрицательную оценку внешности человека.

Г.Ф. Лутфуллина, В.Е. Сабитова
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАОБЗОРОВ

Ключевые слова: пересказывательность, медиаобзор, выражение мнения, достоверность информации.

В работе представлены результаты изучения роли функционально-семантической категории пересказывательности как главного средства в организации текстов медиаобзоров. Сделан вывод о том, что, во-первых, необходимо различать информирование о событии как реализацию категории пересказывательности и выражение мнения. Хотя нельзя отрицать наличие субъективного компонента при любой подаче информации. Во-вторых, прагматическая функция категории пересказывательности не ограничивается только приданием достоверности, а также служит основой для реализации прагматического, речевого, жанра медиаобзора.

О.Ф. Остроумова, Р.Р. Мингазова
ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: социальная реклама, домашнее насилие, рекламный дискурс, креолизованный текст, стилистический прием.

Статья посвящена современному франкоязычному рекламному дискурсу. На примере социальных рекламных кампаний 2005-2018 гг. авторами рассмотрены пути формирования общественного сознания посредством социального рекламного плаката, направленного на борьбу с проблемой насилия в семье в современной Франции. Государственные структуры и общественные объединения предпринимают попытки ее решения с помощью нестандартных социальных рекламных кампаний, представляющих собой яркий социокультурный феномен. В основе рекламных плакатов лежит креолизованный текст, сочетающий в себе экспрессивные иконические и вербальные компоненты.

Л.А. Савельева
ЧАСТИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Ключевые слова: частицы, художественный образ, индивидуальный стиль речи, речевая ситуация.

G.Z. Gilyazieva

REPRESENTATION OF ACCURATE MEASUREMENT BY PARAMETRIC ADJECTIVES IN ENGLISH AND TATAR LANGUAGES

Keywords: nominal group, exact measurement, parametric adjective.

The paper presents the results of the study of the category of accurate measurement. It was concluded that, firstly, in both languages there are complicate adjective groups indicating the precise measurement of the parameters length, height, time. These complicate adjective groups have similar composition - numeral and unit of measurement. There is a possibility of omitting parametric adjective. Secondly, in English noun group necessarily include article; in Tatar units of measure add affixes. In both languages different units of measurement are used. In Tatar, Case of nouns affects a whole noun group.

L.Kh. Dzasezheva, E.Y. Ulimbasheva, E.R. Khutova
THE ROLE OF GASTRONOMIC METAPHOR IN THE CHARACTERIZATION OF HUMAN APPEARANCE

Keywords: gastronomic metaphor, anthropocentricity, linguistic picture of the world.

The paper is devoted to the analysis of gastronomic metaphor in the characterization of human appearance in the English language. The research reveals the main target domains, analyzes the names of food products forming positive and negative evaluation of human appearance.

G.F. Lutfullina, V.E. Sabitova
PRAGMATIC ROLE OF RETELLING CATEGORY IN IMPLEMENTING MEDIASURVEY

Keywords: retelling, media review, expression of opinion, accuracy of information.

The paper presents the results of studying the role of the functional-semantic category of retelling as the main means in organizing media review texts. It is concluded that, firstly, it is necessary to distinguish between event information as the implementation of the category of retelling and opinion expression. Although it is impossible to deny the presence of a subjective component in information presentation. Secondly, the pragmatic function of the category of retelling is not limited by augmenting credibility, but also it serves to implement the pragmatic speech genre of media review.

O.F. Ostroumova, R.R. Mingazova
PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE FRENCH ADVERTISING DISCOURSE

Keywords: social advertising, domestic violence, advertising discourse, creolized text, stylistic device.

The article is devoted to modern French-speaking advertising discourse. Using the example of social advertising campaigns of 2005-2018, the authors considered the ways of forming public awareness through a social advertising poster aimed at combating the problem of domestic violence, which is very relevant in modern France. Government institutions and public associations are trying to solve it by means of the non-standard social advertising campaigns representing a bright sociocultural phenomenon. Advertising posters are based on a creolized text combining expressive iconic and verbal components.

L.A. Savel'yeva
PARTICLES IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS MARKERS OF LITERATURE CHARACTERS (CASE STUDY OF NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA" BY M.A. BULGAKOV)

Keywords: particles, literature characters, individual speech

В статье представлены результаты исследования функций частиц русского языка в художественной литературе, рассматриваемых на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Проведенный анализ позволяет выявить способность частиц функционировать в качестве маркеров художественных образов героев романа, раскрыть функциональный потенциал частиц русского языка как инструмента персонификации языка, используемого литературным героем.

Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова, А.К. Булатова
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

Ключевые слова: ключевое слово, концепт, этимология, семантическая структура, акча (деньги).

Ядро репрезентаций того или иного концепта формируют ключевые слова. В данной статье рассматривается этимология и семантическая структура многозначной лексической единицы акча, которая является ключевым словом культурного концепта акча (деньги).

Э.Ю. Улимбашева, З.А. Муртазова, Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева
МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: поликультурная, гуманистическая и социологическая личность, толерантность, полиязычие.

Настоящая статья посвящена исследованию поликультурного образования среди молодежи. Данный анализ позволяет раскрыть особенности развития поликультурной личности будущего специалиста, рассмотреть поликультурное образование как важную часть современного образования, способствующую усвоению знаний о других культурах, уяснению универсального и специфичного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем.

Л.Х. Хараева, З.Х. Евлоева
НАЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ КАК
ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В
РЕКЛАМЕ РЕСТОРАНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ключевые слова: Оним, ресторан, урбанонимы, рекламный текст, антропоним, топоним.

Статья освещает вопросы искусственной номинации онимов, обслуживающих определенную сферу услуг, к которой относится ресторация. Названия ресторанов образуют определенную систему наименований. Онимы становятся объектом изучения со стороны прагматики. Ресторанные онимы относятся к различным традиционным семантическим видам.

Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева, Э.Ю. Улимбашева
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЛЮБОВЬ» И
«НЕНАВИСТЬ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: концепт, эмоция, фразеологическая единица, любовь, ненависть.

Настоящая статья посвящена исследованию концептов «любовь» и «ненависть», эксплицируемых фразеологическими единицами английского языка. Данный анализ позволит раскрыть новые грани исследуемых концептов, а также будет способствовать определению особенностей английского языкового сознания.

М.В. Шурупова
МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ
АМЕРИКАНСКИХ СЛЕНГИЗМОВ

Ключевые слова: американский сленг, метафорический перенос, способы словообразования, семантика.

В статье рассматривается один из продуктивных способов образования сленга – метафорический перенос. Автор иллюстрирует частотность использования метафоры на примере художественного произведения американской литературы, отражающей все явления в жизни общества.

style, speech situation.

The article presents the results of study of particles' functions in the Russian language in fiction, case study of the novel MA. Bulgakov "The Master and Margarita." The analysis allows us to reveal the ability of particles to function as markers of the literature characters in the novel and uncover the functional potential of the particles in the Russian language as a tool for the personification of the language used by the literature heroes.

F.K. Sagdeeva, A.Y. Husainova, A.K. Bulatova
THE KEY WORD OF THE CULTURAL CONCEPT

Keywords: keyword, concept, etymology, semantic structure, akcha (money).

The cultural concept is formed by keywords. The article deals with the etymology and semantic structure of the polysemantic lexical unit of akcha, which is the key word of the cultural concept of akcha (money).

E.Y. Ulimbasheva, Z.A. Murtazova, E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva
MULTILINGUALISM AS A WAY OF SHAPING THE
MULTICULTURAL PERSONALITY OF YOUNG PEOPLE

Keywords: multicultural, humanistic and sociological personality, tolerance, multilingualism.

The article is devoted to the research of the multicultural education among the young people. The presented analysis allows to see the features of the development of the multicultural personality of the future teacher, to consider the multicultural education as an important part of the modern education which helps to learn about the other cultures and find out the common and specific in the traditions of other cultures and their values.

L.Kh. Kharaeva, Z.I. Evloeva
NATIONALLY COLORED PRAGMATONYMS AS AN
ELEMENTS OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN
ADVERTISING RESTAURANTS OF THE NORTH
CAUCASUS

Keywords: Onim, restaurant, urban name, text of advertisement, anthroponym, toponym.

The article deals with the question of artificial nomination of onims, serving the specific service sector needs which include the restaurant sphere. The names of restaurant form the definite system of denomination. Onims become the subject to study for pragmatics. The restaurant onims concern with the different traditional semantic types.

E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva, E.Y. Ulimbasheva
THE VERBALIZATION OF THE CONCEPTS "LOVE" AND
"HATE" BY PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH
LANGUAGE

Keywords: concept, emotion, phraseological unit, love, hate.
The article is devoted to the analysis of the concepts "love" and "hate" expressed by phraseological units of the English language. This analysis will help to show the new aspects of these concepts and to identify the national and cultural specificity of the English language consciousness.

M.V. Shurupova
METAPHOR AS ONE OF THE WORD-BUILDING
STRATEGIES OF AMERICAN SLANG FORMATION
Keywords: American slang, metaphorical transference, word-building strategies, semantics.

The article deals with one of the most productive word-building strategies of slang formation – that of metaphorical transference. The author illustrates the frequency of metaphoric units usage on the example of an American literature artwork reflecting all social processes.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2019

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 12.03.2019

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

9,8 усл.печ.л. 11,2 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2570.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»